

საქართველო
ბიბლიოთეკა

ობვალ

3 აკკნისა

М. ДЖАВАХИШВИЛИ

805 31
9449359440
303:010933

О Б В А Л

(„ХИЗАНЫ ДЖАКО“)

РОМАН

Авторизованный перевод
с грузинского

404
P 400.933
3 01

ЗАККНИГА

Обложка Ю. Земского

1929

Тифлис. 1-я тип. Полиграфтреста ВСНХ Грузии.
Главлит № 1877. Заказ № 131. Тираж 4000.
Обложка отпечатана в Типо-литографии ККА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

— Э... здравствуй, Джакс!

— Мое почтение, кум - князь!

— Что тебя не видно? Куда ты э... запропал?

И бывший князь, Теймураз Хевистави, широко улыбаясь, распростер руки и преградил дорогу своему бывшему батраку и управляющему, Джако Дживашвили.

Джако ловко сгреб с головы шапку и быстро обхватив медвежьей лапой руку Теймураза — мягкую, безкостную, хилую, — радостно заржал на всю улицу.

Теймураз отступил на два шага, поправил пенсне, поднял указательный палец и, окинув взглядом гиганта-осетина, промолвил:

— Уд.. дивительно! Как ты возмужал и располнел, Джако!

Джако, упершись рукою в бок, блеснул белыми зубами и загрохотал:

— Это верно! Никак не могу иначе! О-го-го!.. Прохожие оборачивались и, улыбаясь, рассматривали грузную фигуру деревенского гостя.

Джако напоминал медведя, ворвавшегося в город. Его растопыренные ноги, как два бревна, еле удерживали громоздкое тело, а узкому тротуару, казалось, трудно было вместить разросшиеся бедра и плечи Джако.

Его голова, с лицом, покрытым рубцами ран, обросшая густой взъерошенной зарослью щетины, походила на громадного ежа, выбравшегося из смоляной бочки на эти могучие плечи. Заросли черной щетины захватили все лицо и из глубины их живо выпячивали большие глаза, лошадиные зубы и приплюснутый жирный нос. На щеках, как на двух мисках, расположились длинные усища, похожие на изношенные метлы, а огромные, как блюда, уши, торчали словно часовые на посту.

На Джако — черкеска в жирных пятнах и войлочная конусообразная шляпа; на ногах — черные обмотки, пестрые вязанные носки и новые чусты, похожие на бурдючки; в одной руке — длинная, толстая гвоздевка, а в другой, под мышкой, — годовалый баран; за плечом — трехлинейка, на груди — три патронташа, на животе — большой серебряный кинжал и на левом бедре — маузер, в деревянном футляре.

Теймураз — ростом по плечо своему бывшему батраку. Хилый, близорукий, с изрядной плешью — он похож на цветок, выросший в тени. Его лицо, сохранившее следы взрощенной поколениями культуры, кажется усталым от постоянных дум, приплюснутым внезапно налетевшей бурей; глаза спокойные, отказывающиеся заглядывать в будущее; голос тихий и мягкий; речь плавная и спокойная, с умеренной запинкой.

— Уд... дивительно, Джако, как ты переменялся! Очень уд... дивительно!.. Ну, вот что, идем ко мне. Я живу недалеко отсюда... Марго тоже рада будет увидеть тебя. Пойдем?

— Конечно, пойдем! Почему не пойти? Хо-хо!

— Вот и прекрасно... Разумеется, встретить тебя как встарь, я не смогу, но, чем бог послал, угощу.

— Идем, идем. Джако никогда не поверит, чтобы его князь обеднел настолько, что даже бедного Джако ему нечем будет угостить, — гоготал бывший батрак.

— Да, Джако, но мой дом уже не тот. Жизнь не с... считается с нами — все рушит, ничего не щадит, — тихо ответил тот, кто еще недавно почитал себя князем.

— А как поживает моя кумушка Марго?

— Скверно, Джако, очень с...скверно. Тает, как снег. Вот увидишь... Ведь уже почти пять лет, как она не видела тебя. Возможно и не узнает. Очень уж ты изменился.

И опасливо оглянувшись, продолжал шопотом:

— Вот что, Джако: не называй меня, пожалуйста, князем... Не нужно, сам знаешь, услышат — могут, бог весть, что подумать.

Джако, подвыпивший еще до встречи, уперся столбом в землю и заорал:

— Наплевать мне на всех! Пусть себе думают! Ты, мой кум - князь, и Марго, моя кума - княгиня! Вот и все! Баста!

— Джако, пос... слушай...

— Джако никого не боится! Плевать на всех!

— Ты с ума сошел, замолчи...

— Я должен молчать? Говорю тебе, плевать я хотел на всех, и кончено!

Джако ревел, а прохожие улыбались, шептались и, замедляя шаги, смотрели на странную пару. Растопыренная туша Джако занимала весь тротуар, мешала уличному движению. А он, потрясая палкой, грохотал и угрожал кому-то:

— О-хо-хо! Кого ты боишься кум? Пусть только кто-нибудь попробует! Согласен и на дубины, и на кулаки! Они еще не знают Джако!

Завидев медленно подходившего хмурого милиционера, Теймураз потащил гостя за собой.

Шли и вспоминали: далекое детство, ребяческие годы, деревенские забавы, рыбачество, охоту, беззаботную жизнь и всяческие превратности судьбы.

Тот, кто когда-то был князем, часто останавливал того, кто когда-то был его батраком и, поправляя пенсне, взмахивал рукой и восклицал:

— Нет, все это очень уд... дивительно!

А Джако, выпятив грудь и подбоченясь, то и дело поражал улицу своей лошадиной глоткой и оскалом огромных зубов:

— О-го-го! Так, так! О-хо-хо!

Временами, словно позабыв, что он не один, Джако ускорял шаги, оставляя позади своего попутчика. Теймураз же, еле поспевая за гостем, хватал его за руку и, едва дыша, шептал:

— Не торопись, Джако, я устал.

Наконец, повернули за угол и подошли к старому дому.

— Вот, сюда.

— В эту лачугу? — удивился Джако, ткнув дубинкой в старые, покосившиеся ворота.

Он еле пролез в узенькую калитку и чуть не сорвал ее с петель своими плечами.

Пересекли дворик и вошли в комнату.

— Марго, узнаешь?

Марго, застигнутая врасплох, широко открыла темные глаза, и то растерянно разглядывала расплзшегося в улыбку Джако, то, обращаясь к мужу, бормотала:

— Да... вспоминаю... мы знакомы, но.. не узнаю...

— Это Джако! Наш кум Джако! Вспомнила?

— Ах, боже мой! Ну, конечно же, это он! Здравствуй, Джако!

— Мое почтение кумушке и княгине! — гаркнул Джако, едва не вырвав из плеча тонкую, красивую руку женщины.

— Куда ты исчез, Джако? — упрекала она его, потирая больную руку. — Ты совсем нас забыл. Как живешь, чем занимаешься?

— Работаю, дорогая, много работаю. Дел у Джако — хоть отбавляй. Крестьянские все дела. Вот, уже три дня мотаюсь по городу, как загнанная лошадь. К правительству пришел.

— Вот, как! — удивилась Марго.

— Да, — подтвердил Теймураз, — его очень хорошо здесь приняли, очень. Я поймал его на улице. Он не имел даже времени зайти к нам.

— А какие же у тебя дела с правительством?

— Как какие? Джако теперь уполномоченный по сельским делам. А как же! Крестьянам — то школа нужна, то ситец, то керосин, то соль. Уж очень бедное наше село Нашиндари. И вот, Джако просит, чтобы налогов не брали. Урожай у нас в этом году тоже очень плохой был. И град побил поля и засуха повредила, и дожди шли некстати. Все было у нас, все. Совсем погиб урожай.

— Очень ты переменялся, Джако. Как-то вырос, пополнил, — улыбнулась ему Марго.

— Да, дорогая кумушка, Джако вырос, очень вырос.

— Должно быть от хорошей жизни?

— А почему бы и не так? Джако живетя теперь хорошо. Не то, что раньше. Вот и полною. Всего хва-

тает вдоволь: есть хлеб, мясо, масло, молоко. Знай кушай целыми днями, да жирей без конца.

Марго принялась накрывать стол. А глаза Джакко, бегая за изгибами ее стройного тела, казалось, прощупывали все складки простенького платья.

— С... садись, Джакко, — приглашал кум, — садись и рассказывай.

Джакко с трудом отвел глаза от кумушки.

— Сяду, князь, почему бы не сесть...

Пристроил в угол барана и дубину, засучил рукава и грузно опустился за стол.

Стул под ним закричал, заохал.

Джакко окинул взором полутемную, сырую комнату, такую же мрачную и тоскливую, как ее обитатели, и заметил Теймуразу:

— Да, дорогой мой, обеднел ты здорово.

Марго нахмурилась. В глазах ее заблестали слезы, и она повернулась к окну, выходившему в грязный, заплесневелый дворик.

Теймураз покраснел, растерялся, опустил голову и приумолк.

Потом улыбнулся и виновато признался:

— Да, обеднели мы... Оч...чень обеднели.

II

Рано состарившийся Теймураз Хевистави, бывший князь, помещик, общественник, юрист, редактор и прочее, имел за своей спиной лет сорок.

В селе Нашиндари, на берегу реки Лиахвы, еще недавно он владел замком, обросшим плесенью веков. Просторные каменные хлева, обширные закрома, фруктовые

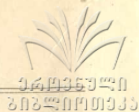
сады, виноградники, богатый погреб, тенистая ореховая роща, высокая, особняком выросшая в землю, башня, на несколько тысяч десятин раскинувшиеся поля, — всем этим несколько лет назад владел Теймураз.

Ему же принадлежал в Рокском ущельи, у истоков Лиахвы, и великолепный сосновый бор, раскинувшийся на много тысяч десятин. Князь Автандил, отец Теймураза, крепко берег свою сосну и при его жизни никто ни одного дерева не смог вырубить в этом лесу. После же кончины старика, прихватившего с собою и старую княгиню, единственный наследник, молодой Теймураз, призвал седого Петре - управляющего и объявил ему:

— И лес, и пахота — все это прин..надежит народу, который и так недоволен. Поэтому прекрати брать с крестьян оброк. Вообще, оставь народ в покое, потому что я не имею желания быть прописанным моими врагами в газетах и умереть пол...литически.

Умный Петре сразу же сообразил, что в осиротевшем имении ему нечего больше делать и немедля уступил свою должность молодому Джако, росшему с детства с Теймуразом.

Джако не было еще и пятнадцати лет, когда его дядя Кешела, со всем своим родом, пришел из Джавского ущелья и поступил наемником к старому князю Автандилу Хевистави. Сирота Джако, спустившись в долину вместе с дядей, нанялся служить в имении пастухом и, с первых же дней, выказал такую смышленность и собачью преданность хозяевам, что сразу пленил их внимание, в особенности молодого князя. Спустя же некоторое время, он прочно овладел их доверием и легко выслужался сначала в помощника Петре, а затем, когда тот ушел на покой, занял его место.

Приняв наследство, Теймураз все собирался съездить в Рокское ущелье, чтобы посмотреть на свой сосновый бор; но с этой поездкой у него все не ладилось, так как он не умел путешествовать верхом, да и не находил для этого свободного дня. А когда, однажды, он твердо решил поехать туда, то Джако, со слезами на глазах, поведал ему, что от леса уже ничего не осталось — все, до последнего куста, повырубили джавцы.

— Бедные сосны, — причитал Джако, — ничего не осталось... А какой был лес!...

Теймураза это сообщение сначала несколько удивило, но уже к вечеру он постарался забыть, что совсем недавно владел великолепным бором, обогатившим теперь Джако и нескольких смелых кулаков.

Вскоре новый управляющий уверил неопытного князя, что не имеет смысла из-за нескольких сот рублей арендных возиться с пастбищами в том же ущельи, и продал их за две тысячи какому-то Бринке Дживашвили, которого Теймураз не видел в глаза даже в момент заключения сделки.

Нашиндарский священник, отец Иоанн, через несколько дней после этой запродажи рассказывал князю, что Бринка — пьяница и дурак — приходится дядей Джако (у них и фамилия одна — Дживашвили), и что на самом деле пастбища купил Джако, прикрывшийся именем дяди, и перепродавший их на второй же день за шесть тысяч лесопромышленнику Парастаеву.

Сообщение отца Иоанна Теймураз одним ухом выслушал, а через другое выпустил. В то время ему было не до проделок Джако, так как только накануне, на чердаке замка, он выискал три ящика древних рукописей и запыленных книг, объединенных молюю, и с таким усердием

и увлечением зарылся в них, что через несколько дней ревностных изысканий сам стал походить на огромную моль.

Теймураз тогда полагал, что неожиданная находка сделала его обладателем древнейших исторических хроник, которые дадут ему возможность постигнуть тайны веков и рассеять мрак легенд и апокрифов. Но почтенный археолог, которому Теймураз поведал радость своих открытий, спокойно перебрав пыльные листы, через час положил конец всем восторгам молодого историка. Груда бумаг оказалась собранием царских грамот роду Хевистави и судебных актов, свидетельствовавших о бесконечных тяжбах этого рода с князьями Амилахори, Эривтави, Мачабели, Амираджиби и с прочими карталинскими соседями о сборах и податях, о крепостных людях и пастбищах, о монастырских землях и прочих делах, в которых Теймураз никак не мог разобраться и сообразить из-за чего враждовали эти люди и кто из них в конце концов был прав и кто виноват.

Как и подобало ученому князю, в те времена Теймураз имел барскую квартиру в Тифлисе. Имение же Нашиндари служило ему только дойной коровой и, изредка, местом летнего отдыха.

Одно время, увлеченный передовыми идеями, молодой князь решил надолго поселиться в своей деревне, чтобы заняться подготовкой чрезвычайно серьезного труда. Но крестьяне не давали ему возможности спокойно работать. Они зачастили появляться во двор княжеской усадьбы и своими требованиями и шумом под окнами то и дело отвлекали хозяина от занятий.

— В чем д...дело? Что случилось? — спрашивал он их, высовываясь из окна.

И повторялась, обычно, одна и та-же история: просьбы, жалобы, тяжбы — скосить оброк, уменьшить арендную плату, отсрочить платежи, облегчить положение.

Теймураз их выслушивал, помогал советами и крестьяне уходили со двора, оставляя сговорчивому князю тысячи добрых пожеланий и зло поминая его отца — сурового и скупого Автандила. Приходили они к Теймуразу в такое время, когда управляющего не было во дворе и, вырвав у князя ту или иную поблажку, улыбаясь и перешептываясь, спешили оставить барский двор.

Потом появлялся Джако, расточавший по адресу хозяина громкие упреки:

— Ну для чего, князь, ты уважил этому Ила? Зачем скостил Тедо? Чем же я буду кормить тебя в городе, зимой? И знает же эта сиволапая сволочь, когда лезть в княжеский двор! Нет, довольно им хитрить, я их отучу от этих хождений. Так Джако служить не может. Получай отчет и давай расчет. Ищи себе другого управляющего.

Теймураз хорошо знал, что другого Джако ему не найти и, поэтому, как провинившийся школьник, извинялся за свои добродетели и успокаивал разгневанного управляющего:

— Не волнуйся, Джако. Это в п...последний раз. Даю тебе слово, что больше никаких поблажек никому не будет.

Джако, только прийдя в себя, через несколько дней вынужден был снова орать на все село — добрый барин не сдержал обещания.

Наконец, не вытерпев, Джако однажды объявил ему свой приговор:

— Князь, ты должен уехать в город, иначе Джако не хочет больше служить. Так у меня решено.

Теймураз сдался и уехал в Тифлис.

После этого, вечно занятый неотложными общественными делами и лихорадочно ожидавший наступления политической весны, владелец Нашиндари появлялся в своем имении раз в два-три года, недели на две, чтобы навестить соседей, сложить пару-другую недоимок с крестьян и поговорить с Джако.

— С... сколько раз просил я тебя, Джако, помягче обращаться с крестьянами.

— Ну, да, — помягче! Может быть потребуешь еще, чтобы Джако целовался с ними? Как бы не так!

— Не ц... целуйся, но и не обижай этих бедняков.

— Это, они то — бедняки? — вспыхивал Джако. — Я их обижаю? Да ты не знаешь, что они здесь творят со мной! Ты спроси сколько раз они били бедного Джако, сколько раз ломали ему голову!

— Послушай, Джако, ведь ты отлично знаешь, что я — п... политический деятель, что у меня есть враги. Недавно они узнали о твоих проделках и р... расписали меня в газетах. А что, скажи, мне ответить им?

— Что ответить? Джако тебя научит. Напиши им в своей газете: подите вы все к чортовой матери! Да, да, Джако так бы им ответил.

— Ах, Джако, Джако! Как плохо ты вос... спитан. Право же, так нельзя.

— Очень даже можно. Вот, когда буду я в городе, ты покажи мне этих, которые пишут про тебя. Ты постоишь в сторонке и посмотришь, что будет с ними делать Джако. О-хо-хо, поиграю с ними, как с мячами! Да, да, у Джако это так делается!

Теймураз улыбался, забывал о распоряжениях, рассыпал во все стороны советы, дарил крестьян надеждами, обещал им раздать скоро все земли и, успокоив свою совесть, возвращался в город.

Здесь его с нетерпением ожидали: худосочная газета, слабенький кооператив, дремавшее культурное общество, народный дом, бесплатные курсы и сотни различных делишек, требовавших бесконечной беготни, переговоров, всяческих хлопот и обсуждений.

Князь мнил себя крайним радикалом и народником, и хотя и не занимался активной политической работой, тем не менее, держал связь с одной из нелегальных групп и любил иногда потолковать о рискованных затеях. Владея легким и живым пером, он часто также принимал на себя, в качестве депутата от дворянства, поручения по составлению различных докладов и меморандумов.

В городе его знали, как тактичного и способного публициста и прекрасного оратора. Правда, он немного запинался, но этот недостаток не ставился ему в минус. Редко бывало так, чтобы там, где соберутся трое, четвертым не заявился бы Теймураз. Он моментально овладевал вниманием собравшихся, волновался, поправлял пенсне, подымал указательный палец, советовал:

— Об...бсудим, под...думаем, пор...размыслим....

И о чем бы ни шла речь — об ирригации ли в Судане, о кознях ли Англии в Южной Америке, о внедрении ли влияния Германии в каком-нибудь уголке земного шара, о спорах ли вокруг порта Джибути, о кончине ли султана Занзибарского, или об избирательных правах на

неведомом никому острове — Теймураз Хевистави всегда принимал на себя роль безупречного судьи и толкователя каких угодно событий. И если находился смельчак, пытавшийся вступить с ним в спор, то Теймураз моментально осыпал его градом таких веских цитат из признанных авторитетов, что тот не знал, куда ему деваться.

Его ловили на улицах и обращались к нему, как к живой энциклопедии. Охотно отвечая на любой вопрос, Теймураз самую пустяковую справку обращал в двухчасовую лекцию, углубляя и усложняя до бесконечности тот или иной факт и запутывая объяснениями и себя и собеседника. Ухватив жертву обеими руками за пуговицы, он не выпускал ее до тех пор, пока не доходил до полного изнеможения. Кличка „бромячая энциклопедия“ пришла к нему по душе и он носил ее радостно и с гордостью.

На дверях квартиры Теймураза красовалась поблекшая медная дощечка: „присяжный поверенный“. Его малочисленной клиентуре, обращавшейся к нему за помощью и защитой, приходилось переживать тихие дни разочарований, так как Хевистави, бравшийся за какое угодно дело, ни одного не доводил до естественного конца. Он или не успевал во время написать прошение или упускал сроки для подачи кассации, или же вовсе забывал о принятом на себя поручении. Случалось и еще проще: в день, когда должно было разбираться дело, он вдруг решал, что сегодня для него гораздо важнее писать статью для газеты, или пойти на какое-нибудь заседание, чем присутствовать в суде. Если же он и направлялся в суд, то, все равно, по дороге встречал кого-нибудь, хватал его за пуговицы и, забывая обо всем, спорил и разъяснял до тех пор, пока день не сменялся вечером.

Джако приезжал в город раза два в год и привозил вино, фрукты, варенье, овощи, птицу и деньги.

Шумно ввалившись в гостиную, с мешками и корзинами, он прежде всего справлялся о здоровье своего барина:

— Как поживаешь, душа моя? Похудел ты очень. Видно заработался крепко.

И, не дожидаясь ответа, начинал жаловаться:

— В этом году у нас урожай никудышный. Совсем плохой урожай. И дожди, и засуха, и град — все было, все!

Вздыхая и причитая, он ворчал на небо и землю, упрекая и чорта и бога, посылавших одновременно и зной и дожди, отчего и сохли и гнили посевы.

Теймураз был абсолютным профаном в вопросах сельского хозяйства. Это прекрасно учитывал Джако и, ловко подтасовывая факты, все беды и неудачи сваливал на беспечность неба и хитрых крестьян.

— Сволочи, они, твои крестьяне! — докладывал он барину. — Не хотят совсем платить оброка. Сначала хоть хитрили, а теперь уже и силой ничего у них не вырвешь.

Князь, не веривший в бога, все же склонился перед его волей, но за крестьян заступался:

— С крестьянами, Джако, нужно уметь ладить. Доброе слово на них действует лучше, чем сила и угрозы.

— Я так и делаю. И добрым словом стараюсь взять их и законом, а они на меня с дубинами лезут и кинжалами грозят.

— Мне очень нравится, Джако, твоя с... система, но...

— Вот, вот, — радостно перебивал его Джако, — у меня очень хорошая система...

— Но всё же крестьяне на тебя жалуются.

— На меня? О, господи!

— Жалуются, будто ты их избиваешь, раз... зорешь, а как-то даже хотел получить вторично уже внесенную ими подать.

— Это я то, я разорю их! — подскакивал Джако, колотя пятифунтовым кулачищем в свою широкую грудь. — Я, Джако, их обижаю! Господи, да где же справедливость? Не я их, а они колотят несчастного Джако. Совсем недавно так побили твоего Джако, что он чуть не сдох. Вот ты спроси фельдшера и он скажет тебе всю правду. Да, он скажет, а не они!

И обиженный всеми Джако — и своим господином и его неблагодарными крестьянами, — то скидывал шапку, то засучивал рукава, то обнажал могучую грудь и колени, чтобы показать явное и неоспоримое — шрамы и рубцы от ран и бесчисленные царапины, приобретенные неизвестно где и когда.

— Вот, смотри, смотри, как они долбанули меня на прошлой неделе. Несчастливая моя голова чуть не треснула, как арбуз! А сюда вот — каменной угодили! А кинжалом как пырнули, полюбуйся! Крепко они обижают Джако, нет больше мочи моей терпеть. Джако хочет уйти от службы, потому что эти разбойники непременно убьют его.

Хотя природа и не наделила князя наблюдательностью, но все же он заметил, что Джако, уже на протяжении многих лет, неизменно указывает все на одни и те же раны, выдавая их каждый раз как за полученные „этим летом“ от драчливых крестьян.

— Уволь бедного Джако от службы, — молил он князя, — а не то, они его укокошат и грех ляжет на твою голову.

Теймураз не верил в свежие раны Джако, но в глубине души все же гордился преданностью своего слугаки. Он не был твердо уверен, но догадывался, что зубастый и беспощадный Джако за простую оплеуху платит ударом кола, а за царапину ломает черепа и ребра.

Окончив жаловаться на крестьян, Джако переходил к следующему вопросу:

— Урожай — куда хуже прошлогоднего. И никто не хочет покупать. С трудом удалось продать пшеницу за полцены.

Теймуразу некогда было наводить справки о ценах и он на - слово верил и с благодарностью брал то, что передавал ему Джако.

А тот, подсчитывая сдаваемые деньги, вздыхал как мех и пыхтел заржавелым поршнем. На эту процедуру у него уходило не меньше часа. Он, то вспоминал что - то, то сызнава пересчитывал и, обливаясь холодным потом, в десятый раз перебирал все свои пальцы. Моментами застывал, упершись носом в пол, или застывшим взором молил о помощи потолок.

Связав кое - как расход с приходом, он громко ликовал и ржал жеребцом на оба этажа барского дома:

— Ну, кончал базар! О - хо - хо! Кончал! Молодец Джако, у него все по правилам!

Теймураз, закончив счета, приступал к расспросам о житье - бытье в своей вотчине. И Джако снова с радостью открывал рот, чтобы не закрывать его до тех пор, пока кто - нибудь не остановит его:

— Село никуда не годится. Народ пошел скверный, вороватый. Каждый тянет, что может; каждый грабит, как умеет. Совсем недавно увели нашего бычка и десять баранов. Сколько ни колотил я воров, так и не сознались, негодяи.

— Вот, видишь, Джако, сколько я тебя не упрашиваю, а ты все насильничаешь и бьешь крестьян. Так ты об... обратишь их в моих врагов. А ведь ты не должен забывать, что мои недруги только и ищут повода, чтобы запачкать меня, чтобы унизить мою политическую честь.

Опустив голову, Джако терпеливо выслушивал проповеди, лукаво улыбался в свои щетинистые усища и, называя про себя барина дураком, бормотал:

— Ах, подлецы! Ах, сволочи! Попались бы они в мои лапы где-нибудь в Нашиндари! Ох, была бы потеха!

В конце концов, обращенный проповедью барина на путь истинный, Джако, нагруженный подарками для двух десятков своих домочадцев, отправлялся в Нашиндари, чтобы снова воевать с крестьянами, драть с них шкуры и жиреть от княжеских избытков. А Теймураз, по информации своего доверенного, спешно готовил статью о гибели урожая, о бедствиях хлеборобов и ненасытности дворянства; требовал изменения устава земельного банка, учреждения ирригационного фонда и незамедлительного перехода к системе интенсивного хозяйства.

III

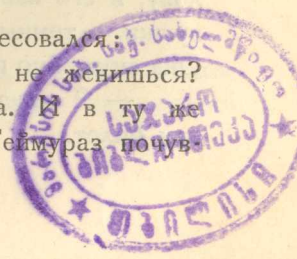
Большим недоразумением в жизни Теймураза Хевистави явилась его женитьба.

Почти неожиданно и опрометчиво сделал он этот рискованный шаг.

Как-то, кто-то мимоходом поинтересовался:

— Послушай, Теймураз, почему ты не женишься?

Вопрос этот взбудоражил холостяка. И в ту же ночь, одиноко растянувшись в постели, Теймураз почув

ствовал себя настолько сиротливым, что всерьез подумал: „А действительно, почему бы мне не жениться?“

Мысль эта завладела им и, неотступно, как тень, всюду следовала за ним. Правда, он был очень занят и не имел возможности уделить достаточного внимания поискам подруги жизни, но, тем не менее, с этого дня, он инстинктивно стал оглядывать встречавшихся женщин и ждал встречи с той неведомой и чистой, которой он приготовился отдать все лучшее, что сохранила ему неискушенная юность.

В иные дни сердце его как-будто находило то, что искало. Оно начинало биться учащенней, трепыхало, испытывало неизъяснимую сладость волнений, — но через некоторое время падало невзначай подбитой птицей: князь начинал забывать о предмете своего увлечения уже после третьей, четвертой встречи, так как ему „некогда“ было заниматься делами сердца в ущерб общественной работе.

Но, однажды, судьба сама взялась за него.

Случилось это в один из тех дней, когда Теймураз, рано придя в редакцию, спешил с окончанием своей очередной боевой статьи, все по тому же аграрному вопросу. И эту статью и этот исключительный день он хорошо запомнил на всю жизнь.

Солнечные зайчики беззаботно резвились по столу, за которым работал Теймураз, когда, неожиданно, густая тень легла на исписанные листы бумаги. Он поднял голову, и его взор остановился на стройной фигурке девушки, с темными, сияющими, миндалевидными глазами. Она смущенно протянула ему цветной бумажный лепесток

— Я очень извиняюсь... Разрешите предложить вам билет.

— Билет? Куда?

— На благотворительный концерт в пользу бедных учениц института святой Нины. Вы поможете, неправда - ли?

— Ну, к... конечно... с большим удовольствием. Помочь такой милой девушке... — запнулся Теймураз.

— Нет, помочь не мне, а другим — бедным, — поправила она князя.

Теймураз смутился:

— П... присядьте, пожалуйста.

Статья осталась недописанной. Несколько билетов он оставил себе, часть рассовал тут же между сотрудниками, а затем предложил девушке:

— Если вы желаете, я могу проводить вас в Земельный банк и помочь вам там распродать билеты. Кстати, я иду туда.

— Я буду вам очень признательна.

Они вышли.

Продажа билетов в банке прошла успешно. Из банка они пошли в драматическое общество, а затем в общество распространения грамотности.

На улице князь останавливал знакомых и уговаривал:

— Вы должны взять билет!

Было двенадцать часов, когда они встретились в редакции. А в три часа только он решил узнать ее имя.

— Маргарита, — представилась она.

— А фамилия?

— Капланишвили.

— Вот как! — удивился Теймураз, услышав знакомую и хорошо известную фамилию. — Уд... дивительно!

— Что же вас удивляет?

— Не дочь ли вы покойного Давида Капланишвили?

— Да, я его дочь.

— Ну, конечно же, это пор...разительно! Наши отцы были большими друзьями и мой старик в...восхищался вашим отцом. А мы вот только теперь узнаем друг друга. Ах, как жаль, что их нет в живых... Ведь мы с вами совершенно одиноки.

— Это простая случайность, князь. В этом мире много одиноких, и особенно среди людей нашего возраста.

— Вы правы, барышня. Но интереснейшее заключается в том, что и вы и я являемся последними представителями наших родов.

— Да, это, в самом деле, странно.

Неожиданная встреча последних отпрысков двух именитых фамилий охватила сердца обоих мыслями короткими, взволнованными, до боли острыми.

Марго первая нарушила неловкость странного смущения:

— Я читала вашу последнюю статью.

— Только последнюю?

— Нет, я читаю все ваши статьи, но вчерашняя особенно запомнилась...

— Почему?

— Она написана с исключительной иронией.

— Да, пожалуй. Ну и что же?

— Вам не к лицу язвительный тон.

— Вы правы. Но меня оклеветали и я иначе не мог — пересолил.

— Тот, кто вас знает, клевете не поверит. И вы должны или вовсе не отвечать клеветнику, или же отвечать

достойным вас тоном. Вы извините меня, но я говорю вам это только потому...

— Т...только почему?

— Потому что... я ваша усердная читательница и... уважаю вас, — ответила она, отведя взор в сторону. — Не сердитесь на меня...

— Ну, зачем же сердиться... Наоборот, я ценю мнение своих читателей и всегда бываю за это признателен.

Про себя же добавил: „Молодец женщина, умница... Она мне нравится... Сразу видно хорошее воспитание“.

И он стал испытывать к девушке чувство какой-то особенной привязанности, отыскивая в ней все то, что рисовала ему наболевшая фантазия мечтателя. Она казалась ему существом одаренным сверх меры, капризной природой. На каждом кусочке ее здорового тела он видел опрятную шлифовку породы и заботливого воспитания. Скромная в обращении, почти скупая на слова, сдержанная и самолюбивая, даже несколько гордая, — она нравилась ему вся, начиная с темных, шелковистых волос и кончая носками маленьких, лакированных туфель. А ее медлительная речь и тонкий носик с небольшой горбинкой посередине, — это, конечно, она унаследовала от своих родовитых предков! Да, она бережно донесла до своих дней печать рода Капланишвили. В каждой складке ее простенького, но изящного платья, в каждом ее движении, в умении пленить собеседника голосом, манерами, — было что-то свое, особенное привлекательное.

А когда Теймураз поймал еще в ее глубоких глазах прыгающего бесенка, то окончательно уверил себя:

„Да, это она. Это та, которую я ищу. Она — моя судьба, и нет у меня иного счастья, кроме Марго!“

Вечером условились встретиться в театрѐ.

Шла новая пьеса. В последнем акте герой пристрелил героиню и покончил с собой. В партере замелькали платочки растроганных женщин. Марго оставалась спокойной и чуть улыбалась уголками губ.

— Вас не трогает такой конец? — тихо спросил Теймураз.

— Почти нет, — ответила она, — слишком шаблонно. И автор и артисты не владеют чувством меры. Я полагаю, что мы зря потеряли вечер.

— А я думаю, что нет...

И глаза их встретились в одной улыбке.

— Я беру свои слова обратно, — как бы извиняясь, что не сразу поняла смысл его слов, сказала Марго.

Теймураз хотел ответить комплиментом и пожать ей руку, но привычная робость удержала его и он промолчал.

Прошло недели две. Лунной ночью шли они медленно под сенью платанов и лип.

Вдруг Теймураз остановился и, взяв Марго за руку, сбиваясь, забормотал:

— Я х...хочу сказать очень важное... Мы уже достаточно знаем д...друг друга... Я одинок... совершенно одинок... Од...дним словом, я не могу жить без вас... Даже больше — я люблю вас...

И, осторожно пожав ее дрожащую руку, закончил:

— Если вы что-нибудь подобное питаете ко мне, то... п...подумайте. Не спешите и п...подумайте.

И хотя стояла весенняя, теплая ночь и по темно-бархатному небу бродила пьяная луна, и хотя Кура, за-

дыхаясь в узких берегах, шептала о чем-то сказочном и возможном, — Теймураз все-же подчинил рассудку себя и свою подругу и решил не спешить с чувствами. Сдержанность и благоразумие он ставил превыше всего, даже превыше настойчивых зовов прямой зовущей ночи.

Но через несколько дней луна все-же настояла на своем: в такую же теплую ночь, под теми же липами и платанами, Теймураз оказался побежденным и нежно обнял Марго.

Наступило знойное тифлисское лето.

Теймураз не смог выбраться из города и ходил словно обваренный, раздвоившийся. С одной стороны его волновала предстоящая женитьба, которую он расценивал, как огромной важности событие в истории вымиравшего рода Хевистави, а с другой, его отягощали общественные дела, скалой повисшие на его худенькой спине. Последнее обстоятельство привело к тому, что за целое лето, до самой женитьбы, он всего лишь несколько раз виделся с Марго.

Свадебный пир длился трое суток.

Утомленный вниманием, любовью и бессоницей, Теймураз тенью бродил среди гостей, развлекая и угощая таких же мучеников обычая, каким он был сам.

— Дорогие гости, не скучайте, п...прошу. Пейте, пойте, развлекайтесь. Сазандари, играйте „саар“, или „баяти“.

Гости продолжали пировать. Теймураз, взяв за руку молодую жену, поднял фамильный турий рог, украшенный золотом и драгоценными самоцветами:

— Друзья мои! Этот тост я поднимаю за нашего будущего наследника. Волею судеб и я и моя жена яв-

ляемся последними представителями двух древних родов, и будущее наше поколение не простит мне, если исчезнет одна из этих славных фамилий, имеющих свою блестящую историю. Чтобы этого избежать, я р... решил, что ожидаемый наследник объединит собою оба рода и назовется Каплан - Хевистави. Да здравствует он и да будет достойным преемником своих славных дедов и счастливых родителей!

Громкие пожелания, бурный „туши“ и застольное „мравалжамиер“ заглушили торжественный тост князя.

Марго опустила глаза, покраснела и тихо улыбалась. Потом пожала руку Теймуразу и вышла. А вечером улучшив минуту, прижалась к нему, шепча:

— Спасибо тебе, мой милый Теймур. Лучшего подарка для меня ты не мог бы придумать. Ты угадал мысли, которые жили во мне, и определил мое желание, объединив два рода в один. Спасибо тебе, мой дорогой друг.

Спустя несколько дней Теймураз повез молодую княгиню в Нашиндари — показать имение и познакомить с соседями.

Старый замок, фамильные ценности и богатые сады привели Марго в восхищение, и ее молодое сердце с каждым днем все крепче льнуло к любимому мужу.

Поздравлениям и чествованиям, казалось, не будет конца. Обеды, ужины, пикники следовали один за другим. По великодушию молодых хозяев в праздничное веселье втянулись и крестьяне, забросившие свои дела и заботы, и жадно припавшие в тени векового орешника к винным кувшинам князя.

Друг детства Теймураза, воспитанник и придворный священник старого князя, молодой отец Иоанн, не отходил от владельцев Нашиндари, то щедро наделяя их наставлениями и молитвами, то ревностно исполняя обязанности тамады, друга и охранителя заветов покойного князя. Время от времени он пытался обратить внимание хозяина на проделки Джако. Но опьяненный первыми днями любви, лицемерием окружающих и собственным великодушием, Теймураз или вовсе не слушал заветов и донесений священника, или же быстро забывал о них. Слишком горд и счастлив был он, чтобы заниматься мелкими делишками маленьких людей.

Джако же в эти дни совершенно вышел из берегов и никак не мог уговориться. С раннего утра и до полуночи он не давал отдыха своей глотке и грохотал то на кухне, то в саду, то во флигеле, то на скотном дворе.

Успевая бывать чуть ли не одновременно во всех уголках усадьбы, он всюду вносил смятение и панику, давая волю кулакам и плети и разбрасывая такую отборную и сочную брань, от которой молодые женщины впадали в полнейшее смущение.

— Джако, да перестань же ты ругаться, — умолял его по несколько раз в день Теймураз.

— Извиняюсь, больше не буду, — обещал буйный Джако, с тем, чтобы через несколько минут, с другого угла двора, снова ошарашить молодых новыми вариантами сквернословия.

Завидев же молодую княгиню, он расплывался широкой улыбкой, таял перед ней и расстилался ковром:

— Дорогая моя княгиня, не угодно ли винограду? А может быть княгиня скушает сливок, маслица, или жареную курочку? Или княгиня прикажет Джако при-

готовить зайчика и наловить рыбки? Джако — отличный рыбак и охотник и зайца хватает на бегу. А как же? О - хо - хо!

— Спасибо, Джако. Не беспокойся. Мне ничего не хочется.

— Как, спасибо? Ради такой госпсжи Джако готов не только поймать зайца, а броситься в реку! Да, да! А уходя бормотал про себя:

— Не барыня, а ангел, голубь! Э - эх, кабы...

И от мыслей назойливых бежал вымещать досаду на своей жене Пело и прислуге.

Как то он подошел к Марго вместе с женой; отдал низкий поклон, блеснул зубищами и взмолился:

— Дорогая княгиня, я и жена пришли к тебе с большой просьбой.

— Говори, Джако, если смогу — исполню.

— Да, княгиня, ты можешь исполнить, можешь. У нас с Пело два некрещенных сына и мы хотим, чтобы ты и князь крестили бы их.

— Это легко сделать, Джако. Когда будут крестины?

— Завтра, дорогая княгиня, завтра же.

— Прекрасно, я скажу Теймуразу.

На следующий день справили крестины и Джако породнился с господами.

Неделю спустя Теймураз заметался:

— Нужно ехать в Тифлис. Там уйма дел накопилось.

— Поживем еще, здесь так хорошо, — просила Марго.

— Нет, Марго, не могу. Кто его знает, что там делается с газетой, кооперативом. Боюсь, что без меня все пойдет прахом.

— Ну, как хочешь, Теймураз, но мне в деревне хорошо.

— Что же здесь особенного?

— Все: природа дивная, воздух, покой и... и ты, мой милый. Здесь ты постоянно со мной, а там...

— Там я тоже буду всегда с тобой, дорогой друг.

— Нет, нет, не верю. В городе тебе будет не до меня; помнишь, как летом, когда мы собирались жениться. Ты снова увлечешься делами и забудешь о моем существовании. А мне так хочется все дни проводить с тобой, быть постоянно около тебя, совсем близко... вот так... да, вот так, мой Теймур.

Но Теймураз начинал уже уставать от ласк жены и через два дня все-таки увез ее в Тифлис.

В первые годы замужества, Марго, увлеченная Теймуразом, вместе с ним хлопотала за „судьбы общества“. Но с течением времени все это ей наскучило и она мало-по-малу стала отставать от мужа.

Имея в своем распоряжении четыре человека прислуги, она постепенно отвыкала даже от самой легкой работы. Ей лень уже становилось налить самой себе стакан воды, подняться за носовым платком или книгой, лежащей рядом. Трясина безделья затягивала ее все глубже и глубже.

Некоторое время ее еще увлекала слава Теймураза. Заглядывая постоянно ему в глаза и улавливая малейшее его желание, она охотно переписывала его сухие статьи, перечитывала их уже напечатанными в газете, повторяла всюду его излюбленные слова и мысли и восхищалась им, чувствуя себя его двойником и расценивая счастье своего существования, как результат его великодушия и редкостных добродетелей.

Но время шло. Увлечение мужем остывало. Марго изнашивался и поблек. И тогда Марго решила, что, очевидно, переменился Теймур, и в этом нашла оправдание и своей перемене. И с неопровержимой ясностью вдруг осознала, что у нее есть своя личная жизнь, которую нужно пройти, исчерпать, заплатив за это всем тем, чем наделила ее природа, ее — одинокую, не знавшую жизни женщину.

Лучшие портнихи и шляпницы быстро проторили тропинку к ее квартире. Заработала кухня в доме Хевистави. Повар изнемогал, изошряясь угодить требовательным гурманам, навещавшим гостеприимную хозяйку. Принимая гостей, Марго и сама всюду выезжала, стараясь не пропустить ни одного интересного вечера, бала, концерта.

Но и в этой обстановке врожденная сдержанность оберегала ее. Мужчины увлекались ею, окружали ее вниманием, но она, принимая все это как должное, оставалась верной женой и подругой Теймураза.

Теймураз же ничего этого не замечал и не ценил той героической борьбы, которую вела Марго и за себя и за честь мужа.

Предоставив жене полную свободу, он сохранял ее за собой, как нечто дополнительное к газете, кооперативу, культурному обществу, без которых он не мыслил своего существования.

Но и эта жизнь вскоре надоела Марго. От друзей она отказалась, с мужем же отношения по-прежнему не ладились. Его дела и планы казались ей нудными и пошлыми; опротивела вся суетливость последних месяцев, все эти наряды, глупые развлечения и бесцельные поиски какого-то иного, осмысленного счастья. Нить

жизни оборвалась и не хватало ни сил, ни желания связать ее оборванные концы. На глазах мужа она сжигала себя на костре долга, но все было напрасно. Теймураз, как всегда, ничего не видел и не ценил ее подвига.

Да, мужья часто ошибаются, возлагая на жен неблагодарную задачу — самим заботиться о своем счастье и выискивать маленькие радости. Переступить грань недозванного — Маргарита не могла и, в конце концов, примирилась с судьбой, как примиряются с нею миллионы женщин.

Приняв неизбежное, она пошла за жизнью: по двенадцати часов не оставляла постель; просыпаясь на расвете с петухами, вызывала прислугу, ела апельсины и снова засыпала; в постели пила чай, завтракала, а затем, одевшись, бесцельно бродила по комнатам и посылала подавание нищенке, постоянно сидевшей против дома. Статьями мужа она больше не интересовалась и старалась избегать его бесед. Правда, одиночество ее томило и угнетало, но еще томительней и тяжелей казались ей разговоры с ним, таким сухим и педантичным, как много-томная энциклопедия, заполнявшая половину его книжного шкафа.

Теймураз считал день потерянным, если он прочитывал менее десятка газет и пары журналов. Утром, едва открыв глаза, он уже рыскал по столбцам газет. Даже во время еды, опустив нос в тарелку, он не упускал возможности проглотить сотню-другую печатных строк.

Убедившись, что ему не удастся сделать из жены достойной собеседницы, или, вернее, сам не умея быть с нею занимательным, Теймураз вовсе перестал замечать ее. Обедая с нею, он вел себя так, как ведет себя старый вояжер в ресторане, за отдельным столиком. После же

обеда, захватив кипу газет, располагался на мягком диване и продолжал чтение, зарывшись в бумажные дюны.

Иногда Марго, нервничая, пыталась его откопать?

— П... подожди, Марго, — ворчал он в таких случаях, лоя потерянную строчку, — п... подожди же, прошу тебя, мне некогда.

И впившись в найденные строки, снова не обращал внимания на жену.

Бывали дни, когда Марго не подчинялась ему и начинала шалить, как школьница. Хватала газеты и разбрасывала их по комнате, теребила его, приседала около, пыталась ласкаться к нему и просила:

— Довольно читать. Вспомни же, наконец, обо мне. Ну, посмотри на меня, — неужели я не интереснее твоих газет? Разве можно менять живую женщину на мертвые буквы? Ведь я могу спрашивать, отвечать, а бумага что? И, наконец, ведь я искренна, а газеты так часто лгут.

— Да, к сожалению, они часто лгут, — мычал муж.

— Вот, видишь! — радовалась она. — А еще я могу смеяться, прыгать, ласкать тебя, а газета ничего этого не может. Ну, расшевелись, же милый! Хочешь, я спою тебе?

— Успокойся, Марго. Право же, мне некогда. Ну чего ты расшалилась? Дай газеты!

— Хочешь сыграю тебе ноктюрн Шопена, или симфонию Бетховена?

Она садилась за рояль, но Теймураз не слышал ни Шопена, ни Бетховена. Он довольствовался тем, что получил возможность почитать заметку о муниципальных выборах в каком-то английском графстве.

Окончив симфонию и посмотрев на мужа, уткнувшегося в чтение, она снова подбегала к нему, вырывала газеты и сердилась:

— Послушай, Теймур!
— Марго, отдай г... газеты!
— Не дам! Я хочу тебя расшевелить. Слушай, я спою тебе романс.

И начинала низким грудным голосом:

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко: печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою...

— Марго, не сердь меня, — перебивал муж, протягивая руку, — дай газеты.

— Пение тоже не нравится? Тогда я станцую.

И схватив бубен, она начинала танцовать.

Плавно, как молодой тополь под теплым ветерком, она наполняла танец то гибкостью пантеры в засаде, то томной страстью монашенки, томящейся в летнюю ночь за монастырской оградой.

Но вот, бубен летит на диван и в тонких пальцах уже щелкают кастаньеты. Напевая стремительный мотив, она выстукивает буйный ритм. Затем, отбросив кастаньеты, снова, под бубен, переходит на лезгинку.

У Теймураза рябит в глазах. Ее распутившиеся волосы и упругие груди за расстегнувшейся блузкой колышатся в такт танцу. То затумясь печалью, то пламенея страстным желаньем, она носится словно на крыльях, манит кого-то пальчиком, зовет гибким телом и пытается зажечь, блеском черных глаз.

Усталая и запыхавшаяся, она падает на него, ждет его ласки, но он настаивает на своем:

— Марго, д... довольно меня мучить... Отдай газету и успокойся.

Она пробует упорствовать дальше. Брызгает его духами, хватая за ноги, хохочет, тащит с дивана, обнимает, целует...

— Хорошо... довольно... хватит. Верни газету и посиди спокойно.

Отчаявшись в конце, Марго швыряет ему в лицо мятую бумагу и словно побитая, со слезами на глазах и ломая пальцы, убегает в свою комнату.

Вечно сдержанный, холодный, болеющий за судьбы человечества, Теймураз постепенно отучил и жену пользоваться радостями жизни. А годы шли — долгие, безвозвратные, неумолимые. Теймураз все глубже и глубже погружался в свои книги, а Марго чахла в одиночестве, притихшая, глубоко обиженная.

В последнее время Теймураз был занят составлением трехтомной истории грузинской культуры. В то же время он успевал писать десятки статей в газеты, всевозможные доклады, заключения и, время от времени, посещать тайные собрания.

Так заканчивал он эпопею славного рода Хевистави, некогда первенствовавшего среди владетельных князей, управлявшего одно время центральной провинцией Грузии и даже тянувшегося к короне Багратионов. Чопорно-надменные фигуры деда и отца Теймураза, гордо и пышно проносивших фамильную славу своих властолюбивых предков, были у многих еще в памяти.

Теймураз в душе гордился своим знатным происхождением, но никогда и нигде этого не показывал, воспитывая в себе честного радикала, бойца, революционера. Но, временами, тоска по сыне давила его тяжкими раздумьями, и тогда в нем заговаривал не только обычный инстинкт отцовства, но его мучила еще и ответствен-

ность за судьбы рода, последним отпрыском и попечителем которого являлся он.

Усердно работая на избранном поприще общественника, Теймураз с нетерпением ожидал появления наследника. Но судьба зло подшутила над ним, наделив его бесплодной женой.

Взваливая вину друг на друга, супруги использовали все средства и советы патентованных светил, и даже услужливых знахарей, чтобы побороть упрямую природу. И, наконец, совершенно изверившиеся, они покорно вошли в тихое русло серых будней, не суливших им родительских радостей.

В жилах князя, казалось, струилась не кровь, а какая-то бумажная масса. Красивейшие порывы женщины его не трогали, он не понимал сладчайших волнений любви, в его душе не подымались ураганы и в сердце не зажигались пожары. Где-то в глубоких тайниках его, правда, мерцало маленькое пламя любви к жене, но оно не согревало молодую женщину, не вызывало в ней трепета жизни и тех восторгов, которые создают настоящее счастье и могли бы принести бессмертие роду Хевистави.

Не взяв ничего от жизни, потеряв всякую надежду стать матерью, Марго входила в возраст также спокойно и молчаливо, как входил в ее спальню Теймураз — гусем с подбитыми крыльями, кораблем с опавшими парусами.

Забравшись под одеяло к жене, он вяло водил рукой по ее телу, а в голове его, словно пчелы в улье, шевелились сотни проектов. Он видел себя на высочайшей трибуне, беременным судьбами мира; увлекался будущим Занзибара, волновался восстанием в Марокко, спорил с Милюковым, убеждал Ллойд-Джорджа, возмущался Мильераном; оппонировал знакомому, с которым днем часа два

рассуждал на улице; слагал в уме очередную передовицу, готовился к завтрашнему докладу, исчислял прибыли и убытки кооператива; все взвешивал что-то, измерял, подсчитывал, и только об одном забывал — о своих обязанностях перед женой, засыпавшей на холодной руке мечтателя, после бессильных, немощных ласк, которыми он только истязал и озлоблял ее.

Не познав ответного порыва, Марго в конце концов убедила себя, что, очевидно, в супружестве, вот такая хилая ласка и почитается за счастье. Любовь же, зажигающая души и разрушающая все на своем пути, существует лишь в книгах и бредят ею только жалкие фантазеры-поэты, да врунливые романисты. Так порешила Марго и запрятала свое сердце, словно арестанта, в неволю.

Но арестованный мечется взаперти, стонет в бреду, и гоняется за видениями.

До Теймураза не доходили эти стоны. Ему по-прежнему было некогда, ежедневно он был занят очередными чернильными битвами и увлечен своими общественными делами.

Теребя, по привычке, пенсне и подпирая пальцем то небо, то потолок, он, спотыкаясь, вопрошал:

— Так в чем же смысл жизни? Поразмыслим, проан... нализирuem...

И плешивая мышь размышляла, хлопотала и что-то выкапывала, пока в один прекраснейший день не попала в лапы кошки.

Сначала кошка показалась ему котенком — маленьким, ласковым, игривым, мирно мурчащим. Он только что успел раскрыть глазки и, щурясь от света, забавно

спотыкался. На его пушистых лапках только-только показались слабые коготки, а вместо зубов алели вспухшие десны. Котенок даже не успел еще научиться мяукать; пока он только пищал, резвясь и кувыряясь. Теймураз вскармливал его молоком, потому что слабенькая пасть звереныша не научилась еще самостоятельно хватать добычу.

Книжник, чувствовал себя на седьмом небе.

Наконец-то мечта его жизни осуществилась! Наконец-то открылись врата рая!

И, бегая, без шапки, от зари до зари, он размахивал красным флагом и кричал охрипшим голосом!

— Да з... здравствует свобода! Да з... здравствует революция!

В газетах без конца писал и возглашал:

— Человечество еще не видело интеллигенции, подобно русской. Я горжусь, что воспитывался ею и вместе с нею. Счастливая нация!

И замотался и заработался так, что потерял и голос, и ноги, и голову.

А месяца летели красным вихрем.

Пришло отрезвление и глаза книжника увидели иное; по иному стали шевелиться его мозги. Из добродушного розового звереныша котенок вырос в тигренка со сверкающими глазами, с грозным оскалом клыков и острыми когтями. Он уже подозрительно потягивается, становится на задние лапы, настойчиво требует мясного и растет не по дням, а по часам.

Князь перестал давать волю своему осипшему голосу, не размахивает больше красным флагом, не сочиняет од революции. Он сначала приумолк, потом съезжился и, наконец, ошетинился сам. Тигренок показал свои зубы,

и цапнул Теймураза, отскочившего в сторону и в ужасе завопившего:

— Вяжите эту тварь! В клетку — его, подлеца!

Красный цвет теперь приводил фантазера в ужас и неистовство. Он посжигал флаги и, забившись, как мышь в нору, испуганно выглядывал оттуда, не сводя глаз с расшалившегося тигренка.

А тигренок успел уже вырасти в зверя, и сам, израненный и истекающий кровью, рычал и метался во все стороны.

Теймураз бежал без оглядки, взывая отчаянным, безнадежным голосом утопающего:

— Спасите! Погибаем!

Но вопли обреченного терялись в бездонности событий. Буря заглушала его жалобы, тигр же слизнул, словно лужицу крови, все его дела и надежды.

Скорбные, тяжелые дни наступили для Теймураза. Словно перышко, подхватила и понесла его буря, и невиданные смерчи тяжелыми жерновами давили и калечили его.

Он не узнавал себя, не уяснял, что творится вокруг. И тогда, постепенно возвратившись к книгам, в них стал выискивать отгадку происходящему, сравнивая далекие, смутные легенды с сегодняшним днем.

Аналогии из истории утешили его, вселив надежду, что все изменится к лучшему. Порывшись же в „Апокалипсисе“ и изучив бредни пророков, магов и сектантов, он поверил, наконец, мудрости Соломона, что „все — суета сует“, что все рушится и обращается в прах, как и его миражные ожидания жалкого безумца, искавшего что-то и печалившегося лишь для того, чтобы в результате страдать самому и причинять страдания другим.

Дальнейшие размышления воочию убедили его, что та живая жизнь, которую, как ужасный факт, он наблюдает сегодня, совершенно не вяжется с тем, чему учили его великие наставники и книжная мудрость. Это странное противоречие теперь обнаружилось с определенной ясностью, ибо события отказывались подчиняться книге и разворачивались своими путями — новыми, удивительными, неожиданными.

Теймураз отошел от жизни и возненавидел ее настолько, что в яростной схватке, слепо, как животное, готов был погибнуть сам, лишь бы покончить с врагом. И в своей упорной злобе он стал походить на упрямого библейского отца, возненавидевшего сына только за то, что тот, исполненный неблагодарности, дерзости и гордости, посмел уйти от него.

Почитая себя за „отца“ революции, Теймураз, как библейский старик, пришел к тому же выводу: сын мой горд и непокорен, но он молод и неопытен; изведает неизведанное и смиренно возвратится в лоно родительское.

Но надежды не оправдывались. Жернова продолжали шуметь, ураган свирепел и мрак застилал разум книжника. Безумная затея сына терзала отцовскую грудь, давила стариково сердце и он не знал, куда бежать ему от всего и как укрыться в разбушевавшейся стихии.

До женитьбы Теймураз не знал нужды. Но с тех пор, как жена его решила жить сегодняшним днем и проживать, а он сам еще глубже ушел в общественную работу, дела его заметно пошатнулись.

Щедрая, но бестолковая благотворительность супругов, увлечение изданием газет и брошюр, стипендии в школах, поддержка бедных родственников, частые приемы и выезды, вечно раскрытые двери гостиной — все

это приводило к солидным пачкам счетов, требовавших оплаты.

Кредит в банках был исчерпан, и там уже косились на бесконечные обращения Хевистави о переучете векселей. Оставалось одно: по частям закладывать и продавать имение. И Теймураз продавал и перезакладывал до тех пор, пока не пришла революция, окончательно завершившая его распад.

Первым долгом Теймураз прикрыл газету, затем отказался от стипендий и приступил к распродаже бриллиантов и жемчугов жены. Затем очередь дошла до фамильных драгоценностей и реликвий, оставленных верному Джако на хранение в Нашиндари, в огромном дубовом сундуке, окованном медью и железом.

Видя, что волны революции захлестывают и Грузию, Теймураз затребовал доставить сундук в город.

Спустя неделю в его кабинет ворвался Джако и заревел:

— Убей меня, князь, убей! Джако не смеет больше жить!

— Что? Что случилось? Говори же скорее, — взволновались супруги.

Вместо ответа, Джако колотил себя по голове, рвал усы и бороду, долбил кулачищем грудь и протяжно выл:

— Погиб несчастный Джако, погиб!

— Да, говори же, наконец, что случилось?

— Разбойники украли сундук! Вот, что случилось!

А теперь убейте бедного Джако...

Марго была ошеломлена неожиданным известием, а Теймураз, облегченно вздохнув, утешал управляющего:

— Ну, ничего, Джако, успокойся... Напрасно ты нас напугал. Я думал, что с... случилось что-нибудь похуже.

— Чего же, более худшего, ты ожидал? — промолвила Марго. — Ведь этих ценностей нам хватило бы на десять лет. А теперь...

У нее подкосились ноги и она присела на край дивана.

— Успокойся, успокойся, Джако, — продолжал утешать пройдоху Теймураз. — А я-то подумал, что у тебя жена умерла, или сын.

— Да лучше бы жена померла и сыновья все передохли, чем принять такой позор. Ей-богу, Джако говорит правду. Ох, горе мне несчастному!

— Джако, да перестань ты выть и расскажи толком, как все случилось.

И Джако, успокоившись, продолжал рассказ:

— Вот как случилось... Все спали. Ночью пришли разбойники... с кинжалами... Кешеле в рот положили тряпку... Сломали сундук и все забрали.

— А дальше, дальше что же было? — спросила Марго.

— Дальше Кешела забыл... Я проснулся, всех поднял на ноги, но грабители вскочили на коней и скрылись. Долго мы их искали, но они как-будто в землю провалились... Вот протокол от начальства. Тут все записано, и подписи есть и печать.

— Так тебе и следует! — с досадой бросила Марго мужу, усердно старавшемуся разобраться в безграмотном протоколе, подписанном какими-то самозванцами. — Этого нужно было ожидать. Ведь сколько я тебе твердила, что время беспокойное, что нужно съездить за ценностями. А тебе вечно некогда!

— Ус... спокойся, Марго. Ведь мне на самом деле было некогда. Помнишь, какая была горячка с выборами,

когда ты в первый раз просила меня поехать? Потом началась газетная дискуссия—нужно было следить и отвечать. Ну, а в последнее время я был занят своею книгой, выходявшей из печати...

— Книга! Дискуссия! Выборы! А того не соображаешь, что мы теперь потеряли все, нищими остались! Вот к чему приводит твоя безалаберщина, несчастный фантазер!

— Мар... рго!

— Разиня! — хлопнула она за собой дверь, вытирая слезы.

О пропавших сокровищах со временем пришлось позабыть. В обмен на хлеб насущный был продан последний изумруд, а затем обручальные кольца. Далее, оптом и в розницу, пошла всякая домашняя утварь. Вынесены были на базар персидские ковры и мягкая мебель и, наконец, костлявая рука нужды так скрутила Теймураза, что ему пришлось задуматься над судьбою своих книг, которые он обожал так, как мог бы обожать только сыновей, если бы они у него были.

Двадцать пять лет потратил он на собиранье своей библиотеки! В течение двадцати пяти лет не было недели, чтобы из заграницы или России на имя князя не поступала бы посылка с литературой. Не было такой грузинской книги, брошюры, даже листка, экземпляр которых отсутствовал бы в его обширных шкафах; и букинисты в городе постоянно были заняты поисками библиографических редкостей для князя Хевистави. С особенным усердием он собирал нелегальную литературу, которую переправлял для хранения в Нашиндари, где

для нее, на крыше замка, имелся специальный потайной уголок. И когда наступил момент расстаться с библиотекой, Теймуразу казалось, что его гонят на Голгофу, на вершине которой его ждет мрак непроходимый.

Еженедельно, дрожащей рукой он отбирал очередную кипу любимых книг и, как вор, пробирался с ними к букинистам, чтобы оставить их здесь за гроши. Незаметно смахивая с глаз слезы, он утешал себя надеждой, что не сегодня-завтра времена изменятся и чья-то невидимая рука повернет колесо истории в обратную сторону, и ему, Теймуразу Хевистави, возвратятся и имение, и сады, и мебель, и деньги, и ценности Марго, и его библиотека.

Но дни проходили тяжелой, медленной поступью, словно заводная железная лошадь — слепая, глухая и безразличная ко всему. За днями шли недели и месяцы, и год шагал за годом. Теймураз надеялся на чудо и в этом бесконечном ожидании рушились его предположения, пустела квартира, освобождались книжные шкафы.

Временами он заглядывал в комиссионные магазины, чтобы узнать о судьбе сданных на продажу вещей и получить за них деньги.

В этих быстро и неожиданно открывавшихся, и еще быстрее исчезающих, магазинах он любил, волнуясь, пересматривать принесенное сюда из неизвестных домов всевозможное старье.

Что только не выносилась из-за куска хлеба на эти торжища! Дорогие платья и тонкое белье, картины лучших мастеров и изящная посуда, книги и альбомы, вы-

шивки и безделушки, фарфор и фамильные ценности и тысячи различных мелочей — знаков счастливого супружества, любви и смерти, полных бог весть каких воспоминаний, приключений, переживаний. Каждая такая вещь: колечко и серьги, браслет и изящное зеркальце, портсигар и ридикюль, янтарные четки и мелочи из слоновой кости, бронза и фарфор, атласные карты и хрусталь, белые венчальные платья и шелковые манто — все это имело свою романтику, свое интимное прошлое, свои радости и печали, обещающее начало и трагический конец.

Иногда Теймураз узнавал здесь вещи своих знакомых и друзей. Так он выискал знаменитый веер старой уже княгини Ахатнели, вышитый золотом и усыпанный весь на редкость чистым жемчугом — подарок знатного князя, с предупреждающей надписью „N'oubliez jamais“. Князь и его дама дряхлыми стариками закончили свой дни в разных концах бывшей империи чуть ли не в один и тот же день. Он — трагически, а она — идиллически: узнав о смерти друга, княгиня вздохнула: „О господи!“ и навеки закрыла усталые глаза, когда-то сведшие с ума не один десяток сановников и князей. Узнал также Теймураз музейный сарафан — „катиби“ — княгини Арагвели, редкую по красоте упряжь коня князя Сурамели, замечательную диадему княгини Елены, ценнейшее древнее ожерелье княгини Кетеваны, евангелие десятого века князей Джамбакури и много других реликвий, одно ценнее другого, пригодившихся бы для украшения любого музея древностей.

Все это наталкивало Теймураза на воспоминания своего недавнего прошлого и он, тяжело вздыхая, жаловался на суровые дни, мелькавшие перед его глазами

и творившие новую историю на собственной его шее, историю, заставлявшую одних покидать арену этого мира, сдавая себя в архив, а других — занимать ее и завоевывать будущее.

Уходящий Теймураз тоже сдавал себя и семью в архив истории. Сжигая каждый день последние остатки надежды, с постоянно поникшей головой и потухшим взором, упираясь и спотыкаясь, он медленно сползал все ниже и ниже по колючей лестнице в склеп живых мертвецов.

Весь гардероб Теймураза, все фраки, сюртуки, смокинги, рединготы были уже проданы. Оставалась последняя пиджачная пара, которую портной перелицевал так, что левый карман очутился на правой стороне. Трудно становилось и крахмалить белье. Поэтому он перешел на мягкие воротнички. А потом, забросив вообще всякие манжеты и галстуки, отпустил бороду, оделся в дешевую парусиновую толстовку и подпоясался ремешком.

Бывший знатный князь, мнивший себя либеральным общественником, теперь походил на прогоревшего еврей-коробейника из захолустного местечка.

Хевистави занимали в городе семь комнат, но жили только в четырех.

Время перебрало барахтающихся супругов на следующий зубец своего колеса.

Как-то пришли люди с воронками на головах, винтовками на плечах, с мозолями на руках и приказали: — Товарищи, надо сократиться.

И Хевистави сократились, разместившись в трех комнатах.

Потом пришли рабочие со своим предложением:

— Товарищи, надо бы еще маленько подсократиться.

И, втиснув их в одну комнату, в остальных разместились сами, со своими, семьями — шумливыми, бестактными и заносчивыми.

С этого дня Хевистави попали в какую-то молотилку. Стесняемые и осаждаемые со всех сторон новыми, неизвестными людьми, лишившими их последней возможности тихо заканчивать свои дни в старом гнезде, они сначала еще пытались защищаться и отстаивать свое „право“ — кладовую, кухню, балкон, клозет, подвал — и требовали поддержания в доме порядка и чистоты.

Но Теймураз быстро одумался:

— Марго надо м... молчать, иначе потеряем последнюю комнату.

Опасения его вскоре оправдались.

Пришли снова какие-то люди и опять предложили:

— Товарищи, собирайте вещи!

И не успевшие попасть на базар жалкие остатки обстановки были легко перенесены в сырую полутемную комнатку, в которой когда-то, еще будучи батраком, спал Джако, беспокоив своим мощным храпом верхние этажи дома.

Несколько раз Теймураз пробовал служить, но вскоре понял, что бесцельно занимает чужой и чуждый ему стул. Новые люди и он говорили на разных языках, словно собрались они из неизвестных стран и разных веков и, поэтому, „здравствуйте“ одних казалось другим не приветом, а каким-то проклятьем.

Из ведомства народного просвещения Теймураз перекочевал в хозяйственное учреждение. Там к нему присмотрелись и вскоре убедились, что книжник многое

знает и мог бы пригодиться для дела. Но ясно было и то, что новых веяний он не понимает и никак не принимает. Теймураз ушел и отсюда, ибо и здесь ему нужно было говорить на языке, который был для него чужд и непонятен.

Долго бродил Теймураз из учреждения в учреждение, меняя одну профессию на другую. То он браковал службу, то служба его браковала. И, наконец, все двери перед ним оказались закрытыми, так как всюду он упорно не хотел делать того, что ему диктовала обстановка, а норовил, по чистой совести и простоте душевной, навязывать всем свои убеждения.

Оказавшись на улице без куска хлеба и без заработка, он решил пойти по единственно свободному пути, который привел его на биржевую площадь.

И с тех пор, встречая кого-либо из родственников или знакомых, он шептал им, криво улыбаясь:

— Я вращаюсь теперь в торговом мире. Если имеете что продать или заложить, могу помочь. Кончаю свою жизнь ком... миссионером.

И запыхавшийся и вспотевший, с высунутым языком, весь запыленный, семенил по шумной площади, расталкивая прохожих, чтобы продать чье-нибудь колечко или разменять пару турецких лир.

Часами он хрипло убеждал, лгал и клялся перед лавочниками:

— Клянусь ч... честью, курс идет на понижение... Покупайте, иначе через час заплатите д... дороже.

И однажды, с отчаянья ли, или поняв что-то, он взмолился:

— О, господи, какая р... роковая ошибка! Почему отец не сделал из меня плотника или слесаря! Одно из

двух: я родился или слишком рано, или слишком поздно.

И мысль родиться слесарем или плотником превратилась с тех пор в его мечту и стала назойливо сверлить голову. Вспоминая о ней при всяком удобном случае, он скоро надоел и себе и окружавшим этим новым увлечением.

В конце концов, железная метла очистила и биржевую площадь от любителей легкой наживы. Исчезли лиры и золотые, и Теймураз, словно выброшенная на берег рыбешка, забарахтался, не зная, что делать, как жить. Он бродил по улицам, встречал подобных себе неудачников, таинственно останавливал их и, теребя за пуговицу, шептал разбитым голосом:

— Не знаю, что делать. Хожу без работы, всюду отказ, не принимают. Нельзя ли у вас, до завтра, рубля два?

И если удавалось что-нибудь перехватить, благословляя подачку и, как нищий, посылал вдогонку благодарность.

Попрошайничество изо дня в день вскоре привело к тому, что знакомые, заведя князя, старались или обойти его, или заранее лезли в карманы, готовя подаяние, и наскоро передавая его по назначению, спешили от длинных предисловий нуждавшегося Теймураза. И если счастье сопутствовало князю, то он приходил домой со свертками подмышкой и улыбкой на лице. Если же ему приходилось возвращаться с пустыми руками, то он, словно захваченный на месте преступления, тихо оправдывался:

— Сегодня проклятый день... Ничего не достал... Придется потерпеть...

Марго молчала и терпела.

Правда среди многочисленных друзей и знакомых Теймураза не мало было таких, которых революция подправила и осчастливила и которые в прошлом многим были обязаны ему; но сегодня они избегали его общества и сторонились его, как зачумленного, оберегая свои карманы и, может - быть, репутацию советских граждан, к которым не хотел причислить себя Теймураз. Одни делали при встрече вид, что не узнают его, а другие, потупив взор, подходили к витринам магазинов и выжидали пока он пройдет.

Когда пришлось совсем круто, Теймураз вспомнил своих старых должников, которых когда - то он охотно поддерживал в нужде.

Но из этой затеи у него ничего не получилось. Многих уже не было в живых, некоторые успели забыть о своих долгах, а кто, если и не отказывался от обязательств, то все - равно ничем не мог помочь князю, ибо ничего не имел. Все понимали положение князя, все сочувствовали ему, но дальше этого дело не шло.

Теймуразу приходилось довольствоваться одним сочувствием и это, казалось ему, несколько смягчало хроническую голодовку, которую переживал он с Марго.

Ах, если бы он был свободным холостяком! Тогда, как-нибудь, он протащил бы себя через эту бездну разочарований, тоски и голода. Но он был не один. Тяжелой ношей висела на его совести Марго. И своей покорностью она в конце убивала его и отравляла и без того нестерпимую жизнь. Если бы она кричала, металась, во-

пила — все же было бы легче на душе. Своим протестом она рассеяла бы давившие его кошмары и освободила бы его от той тяжести, которая так угнетает его.

Но Марго словно лишилась дара речи и своим безмолвием заставляла молчать и мужа. Правда, Теймураз никогда не отличался разговорчивостью с женой, но прежде он этого не замечал. Теперь же ему хотелось говорить с нею без конца, излить душу, поведать ей все, и оправдаться за то, что они стали нищими, прозябают в сырой комнатухе и голодают вот уже несколько месяцев.

Несколько раз он пытался переложить ответственность за все беды на революцию, но Марго не поддерживала его своим участием, оставаясь в положении статуи и, угрюмо поглядывая на мужа, казалось, готова была обратиться в бешенство от его рассуждений. И бедный, пришибленный со всех сторон Теймураз, подавленный настроением жены, мрачнел еще больше и сгибался так, словно чья-то невидимая рука взваливала на него все новые и новые непосильные тяжести.

Марго хмурилась, молчала и терпела.

Она выросла не зная ни горя, ни нужды, но в ее характере с детства был заложен какой-то тайный страх и покорность судьбе, которой теперь она подчинилась безропотно.

„Теймураз, — рассуждала она, — работает, выбиваясь из сил и, как жена, я обязана все переносить“.

Но, голодая с Теймуразом, она не согревала его любовью и дружбой, не поддерживала его в борьбе, не находила для него слов утешения, не знала как и чем ему помочь. Оставаясь безразличной свидетельницей всех невзгод и лишений, чем она могла быть полезной

мужу в его схватке с оскалившимися событиями, в его поисках куска хлеба? Беспомощность и равнодушие ко всему овладели ею, а смутное ожидание, в одиночестве, чего-то несбыточного окончательно заставило ее уйти в себя и сделаться послушной превратностям судьбы.

И это ее состояние было для Теймураза тяжелее тех истерик, жалоб и упреков, которыми, вот-вот, вулканическом еде сдерживаемых злобы и ненависти, готова была разразиться она.

Марго не знала когда и как это началось, но ясно ощущала, как на полях ее поблекшей любви и разбитых надежд зловеще распускаются цветы презрения и ненависти ко всему живому и, прежде всего, к тому, кто был для нее ближе остальных и кто обязан был, — да, да, он был обязан! — дать ей любовь, и покой, и защиту, и этот проклятый кусок хлеба, от которого несет кровью и потом, слезами страданий, стоном мученичества.

— Марго, с... слишком тяжело жить, — пробовал иногда Теймураз нарушить молчание.

— Я ведь терплю, чего же тебе еще? — старалась спокойно отвечать она.

— Да, терпишь, но...

— Ты лучше думай о себе, а обо мне не беспокойся.

Но от ее слов несло фальшью и скрытой иронией.

— Ты говоришь как чужая.

— Когда я могла говорить иначе, ты молчал. Ты предпочитал тогда заниматься газетами, а не мной. Ну и отучил меня от человеческой речи. Впрочем, о чем нам говорить! Когда ты имел что дать, — скупился и не давал, а теперь, когда уже ничего не имеешь, ублажаешь меня пустыми разговорами.

— Послушай, друг, о чем ты вспоминаешь? Я хочу совета, твоей поддержки, а ты попрекаешь меня прошлым. Ты обязана мне помочь, иначе я свалюсь.

Марго молчала еще упорнее, а в глубоких тайниках ее скоплялась и бурлила злоба против бессилия мужа.

Ни он, ни она не помнят, как выпал и скатился первый кирпич из их, слабо скрепленного обручами супружества, дома. За первым кирпичем покатился второй, пятый, десятый; затем стали рушиться стены и, наконец, повалилось все гнездо и похоронило под мусором и мудрого книжника и его несчастливую подругу.

Бесконечные мытарства и непреодолимая нужда, заставили супругов возненавидеть животной ненавистью не только друг друга, но и наскучившую заботами жизнь, и безрадостное прошлое, и будущее без просвета.

Теймураз выдохся окончательно. Дальнейшая борьба становилась ему не по силам и он, сдавшись на милость судьбы, мечтал теперь лишь о том, чтобы на помощь явилась бы поскорее запоздавшая где-то смерть и забрала бы никому ненужные остатки его дней, положив всему конец одним ударом, без долгих уверток и лишних колебаний.

Но смерть не спешила и, сжав костлявой, холодной пятерней руки супругов, повела их дальше, не принося ни капли облегчения хотя бы на день, на час, на один миг.

IV

До революции, Джако Джавашвили на вопрос: откуда он, — протягивал палец к северу и отвечал:

— Оттуда, дорогой, с Джавского ущелья. Бедный Джако сирота, совсем сирота. Один только Кешела у меня.

Но когда с севера подули красные вихри и в ущелье спустились пять фронтовиков, вооруженных маузерами, пулеметом и ручными гранатами, и как пять башен окружили Джако, он сам мигом превратился в живой оружейный склад: новенькая винтовка, огромный маузер, фамильные шашка и кинжал Хевистави, три патронташа с патронами и четыре гранаты по бокам. Вооружился и забегал вокруг замка, как его законный наследник, в поте лица его заработавший, рявкая охрипшим голосом:

— Это мое, все мое! Кто сунется — зарыдает у того мать!

Его окружили братья и дяди: Кешела, Гиба, Тела, Мешта и Бринка, поддакивая ему и раздражая его аппетит лязгом оружия и громкими выкриками:

— Конечно все это наше! Пусть только кто-нибудь попробует тронуть!

Свое заявление и угрозы Джако подкрепил сладкими обещаниями и щедрым угощением.

Несколько дней пировало село: распили три огромных кувшина старого вина, уничтожили десяток баранов.

Прибрав к рукам крестьян, хитро примирившись с ними, Джако принялся восхвалять и укреплять новую власть:

— Да здравствует Жордания! — орал он. — Да здравствуют сицилисты, дающие бедным крестьянам свободу, землю и власть!

Сам Джако быстро получил от революции все необходимое, захватив Нашиндари в свои руки. Он сделался вдруг и сельским судьей и поверенным крестьян и их опекуном. Редко проходила такая неделя, чтобы он — бродячий арсенал — не воевал бы с новой властью то в Гори, то в Цхинвали, тыча кому-нибудь в лицо кулачком и давая волю широкой глотке:

— Нашиндарцы приказали Джако, чтобы он нашел правду. Да, они хотят правду и суд. Наш народ не может дать столько налога, и как сказал я, так и будет! Довольно! Баста!

Если нельзя было взять угрозами от имени народа, Джако менял тактику: он моментально прикидывался покорным мужичком и упрасивал голосом младенца:

— Помогите, милый человек, иначе село погибнет. Все мы голодаем, все голы и босы, скот околеует. Милые люди, вы должны помочь бедным нашиндарцам.

И, независимо от того, была ли удовлетворена просьба нашиндарцев или нет, Джако брал свое: возвратившись, он, на правах старосты, обходил село, волоча за собою арбу:

— Эй, ты, Петре, дели расход. Бедный Джако совсем израсходовался. С тебя, Сандро, мера пшеницы. Ты, Тедо, давай пару кур. А тебя, Ило, я обложил поросенком.

Собрав подати в арбу, он возвращался в замок, чтобы вскоре снова повторить паломничество в Гори, а после — новый набег на доверчивых сельчан.

Только на одного себя Джако получил семь десятин пашни. Поэтому он решил воздержаться от присваивания княжеского замка, а, явившись к Теймуразу с различными подношениями, то скаля зубы, то умоляя, то угрожая, почти за бесценку вырвал в аренду оставленные тому сад, замок и уголья.

Пронеслись ветром еще два года. Джако снова явился с подношениями к Теймуразу и похлопывая его лапой по узкой спине и сверкая огромными зубищами, выклянчивал:

— Не смогу я, дорогой князь, уплатить тебе вовремя аренду. Очень прошу подождать. Урожай наполовину погиб, а остальное крестьяне потравили, будь они

прокляты! Не народ, а разбойники какие-то. Что осталось, пришлось за налоги отдать. А кроме того, хо-хо-хо, Джако женился! Да, женился, о-хо-хо!

— Я забыл, в который раз ты женишься, Джако? расспрашивал растроганный Теймураз.

— Второй, это второй раз, дорогой князь. Такую красотку раздобыл — ну, прямо луна, а не женщина! Хо-хо-хо! — ржал он так, что в доме стекла звенели.

Новые дни пришли для Грузии. Страна стала советской. И с Рокских гор опять скатились вниз братья и дяди Джако, на помощь своему энергичному родственнику. И снова вооружившись до зубов, Джако, окруженный бравой ватагой, бегал вокруг замка и объявлял во всеуслышание.

— Мое, все мое! Пусть только сунется кто-нибудь!

— Наше, все наше! — вторила ему родня. — И замок и сады, и виноградники!

И все шесть претендентов поминутно щелкали затворами, хватались за гранаты, точили лезвия шашек, запугивая по ночам невидимых врагов выстрелами из маузеров и винтовок.

Свои угрозы Джако опять сдобрил обильным угощением и щедрыми обещаниями. Вином, водкой, шашлыками, зубоскальством встречал он новую власть.

— Наши нашиндарцы очень любят ревалицию. Мы будем стрелять в разбойников и меньшевиков. Мы все братья и живем по-братски. Мы очень любим, большевиков, только не берите с нас налогов. В этом году у нас был очень плохой урожай, все остались голодные и голые. Погода была очень плохая — засуха, дожди и град погубили нас. Все повысохло и погнило у бедных нашиндарцев.

Выклянчив в конце-концов что только можно было, Джако вновь обходил село, попрекал крестьян и выгребал из бедняцких лачуг к себе на арбу все, что попадало ему на глаза.

— Джако помогает своему селу. Джако простил вам налог. Джако теперь большой господин. А как же, очень большой! Степане, давай сюда поросенка! Симоне, тащи двух кур! Тедо, за тобой еще старый долг числится, сыпь три меры пшеницы!

И тащил в свой дом пшеницу, кукурузу, фасоль, шерсть, птицу, масло и мелкий скот.

Собирая подати, он не забывал поминать каждый раз на новый лад:

— Да благословит бог большевиков, давших бедному Джако и дом, и сад, и хорошие законы. К чорту меньшевиков! Не хочет больше Джако и нашиндарцы кормить буржуев! Не нужно! Долой таких правителей!

Наконец-то его мечта осуществилась! Теперь он прочно сидел, поджав ноги, на княжеских диванах и землях. Угомонившись и успокоившись, он сбросил с себя арсенал оружия и, засучив рукава, согнал на барские уголья, словно на вражеское поле, всех своих родственников.

От зари до заката, пахал он и сеял, подрезал и прививал виноградные лозы, опрыскивал их купоросом, приводил в порядок сады, собирал урожай и, втихомолку, занимался торговлей и ростовщичеством, забирая что попало в заклад и начисляя такие проценты, о которых раньше даже и не помышлял самый бессовестный кулак.

Мечтая только о наживе и услаждая свою ненасытную пасть, он продолжал хвастаться и угрожать при всяком удобном случае, а часто и без всякого повода:

— Да, да, Джако знает, что делает! Да благословит бог ревалицию и ее правительство, которое заботится о бедном Джако. Да хранят Джако его ангелы и молитвы. А вы, там, если только шевельнетесь...

И Джако посылал в пространство тяжелую отборную ругань и по адресу свалившейся власти и по адресу Теймураза, в кабинете которого он теперь похрапывал и отдувался, словно кузнечный мех.

V

В памятный день неожиданной встречи с Джако, Теймураз снял с себя чуть ли не последнюю рубашку, чтобы только получше угостить своего бывшего служаку.

Засучив рукава, Джако совал в рот еду тремя пальцами. Он доедал уже третью тарелку баранины с рисом, громко причмокивая и подшучивая над вилкой и ножом. Обгладывая лошадиными зубами бараньи кости и похлопывая Теймураза по согнутой спине здоровенной ручищей, он подсовывал ему уже в четвертый раз опорожненную бутылку и орал так, точно вызывал кого-то с противоположного берега реки:

— Кончал базар! Давай еще, если есть! Хо-хо-хо!

— Пей Джако, пей на здоровье. Бог наделил тебя хорошим ап..петитом и здоровым желудком. Я даже завидую тебе...

И хозяева, тревожно переглядываясь, угощали гостя, пожиравшего все как лев, и выпивавшего как буйвол.

— Да, аппетитом бог не обидел Джако, это верно. Кстати, давно я уже дал обещание святому Георгию Арбосскому зарезать бычка в день храмового праздника — и все некогда, прости меня святой Георгий!

И, широко перекрестившись, он наполнил вином три чайных стакана, поставил их на тарелку, поднял и рывкнул:

— Кумушка, княгиня! Дай бог бедному Джакко побольше таких красавиц и умниц как ты!

Опрокинув один за другим все три стакана, он икнул и продолжал:

— Джакко—несчастный человек. Имел две жены и обе померли, не выдержали. Теперь у Джакко новая жена, Нина. Очень красивая, как луна! А как же! О-хо-хо! У Джакко иначе быть не может!

Слушая гостя, Теймураз и Марго недоумевали, почему собственно умирали жены Джакко: характер ли Джакко загонял их в могилу, или какие иные обстоятельства? И почему ему так смешно: оттого ли что он вспомнил своих умерших жен, или же оттого, что и третья жена похожа на луну?

Заглушая смех и выкрики вином, Джакко рассказывал отрывками о своих похождениях. Особенно восторгали его увертки и проделки, на которые он пускался, когда ему нужно было задобрить власть и что-нибудь с нее сорвать. И гогоча как дикарь, которому удалось стащить зубную щетку у европейца, Джакко в третий раз опустошив стол и, все еще оставаясь голодным, озирался—не подадут ли еще чего-нибудь. Моментами он поглядывал на печальные лица хозяев и хлопая засаленной рукой кумушку по колену, или кума по спине, утешал:

— Чего вы горюете, милые! Все пойдет хорошо, все будет как следует!

Потом он принялся потешать хозяев анекдотами.

Теймураз от них задремал, а изголодавшаяся по смеху Марго, поглядывая на вечно бодрого Джакко и слу-

шая его болтовню, вдруг ожила. Она схватила бокал с вином, выпила сама, заставила выпить Теймураза и, невзначай, брызнув забытым весельем, на время разогнала давно поселившуюся в комнате скуку.

— Какой ты весельчак, Джако! Я давно уж так не смеялась.

— А как же? Джако очень веселый человек! Князь, получи пятую бутылку и замени ее полной. Эта проклятая жажда не хочет кончаться! Хо-хо-хо!

— Пож...жалуйста, Джако, пей пока пьется. Я еще не настолько обеднел, чтобы отказать тебе в лишней бутылке.

— Большое дело сделал Джако для наших дарцев, очень большое, — вдруг прихвастнул гость. — Правительство скоро открывает у нас школу. Этот пискун Ниника лопнет от зависти, когда узнает, что дело со школой кончил Джако, а не он.

— Да, в самом деле, — вспомнил Теймураз, — как пож..живает мой крестник?

— Твой крестник? Ниника? Нечего сказать, князь, хорош у тебя крестник! Испортился он совсем и все Нашиндари портит. Не дает Джако покою, все кричит: надо отнять от Джако дворец князя и открыть там школу и капратив. А для чего капратив? Не нужен он нам! Для школы Джако другой дом нашел, из-за этого и приехал в Тифлис, а капратив — к чорту!

— Марго, ты п...помнишь Нинику, моего воспитанника?

— Нет, не помню.

— И не нужно, не нужно помнить такого шалопаю, — перебил Джако. — Он хочет меня порадовать и открыть в моем доме капратив! Но, нет, не будет там никакого капратива, не будет!

Долго еще ворчал Джако, вспоминая Нинику и кооператив. Затем уперся взглядом в княгиню, помолчал и вдруг спросил, придвинувшись к ней:

— Княгиня, что ты делаешь в этом проклятом городе? Давай, поедем ко мне в гости. Ей-богу, поедем! Джако будет смотреть за княгиней, как за молодым барашком. Право же, едем, а?

Не ожидавшие такого приглашения, супруги переглянулись. Теймураз поправил пенсне и пробормотал:

— Спас... сибо Джако, мы под... думаем.

— Зачем думать? Чего размышлять? От своих дум ты и так состарился. Не нужно совсем думать, едем, и — никаких!

И так двинул пятифунтовым кулаком по столу, что бутылка упала на пол и разбилась. Джако опомнился, признательно икнул, зевнул как лошадь, и намекнул:

— Вздремнуть бы теперь!

— Пожалуйста, Джако, приляг, — предложила Марго и, привстав, указала на кровать Теймураза.

— Нет, нет, кумушка, не годится Джако спать на кровати князя. Джако любит спать на полу. Пожалуйста, княгиня постели Джако вот здесь, в углу.

Марго постлала на полу.

И, не снимая с себя ничего, Джако растянулся, как буйвол в пруду, и сейчас же захрапел.

Пока Джако спал в углу, сидевшие на узеньком балкончике, с опущенными головами, супруги раздумывали каждый про себя над костью, брошенной им бывшим управляющим.

— Ну, что ты с... скажешь, Марго?

Она пожала исхудавшими плечами и равнодушно ответила:

— Я уже сказала, мне все-равно. Решай, как знаешь.

— Мы сидим по горло в долгах, и жить нам в городе дальше нет никакой в... возможности. Остается, пожалуй, одно — ехать к Джако и поселиться на время у него. Но это ничего... В конце концов, Джако п...присвоил мое имущество и... Но не будем вспоминать об этом... Просто Джако нужны работники — и ты будешь распоряжаться у него по хозяйству, а я устроюсь в сельской канцелярии. Вообще, пора нам перебраться в деревню, это лучше, чем прозябать здесь.

Недобрая улыбка скользнула по лицу жены.

Теймураз поймал ее и возмутился:

— Марго, оставь свои усмешки! Не загадывай вперед. Возможно, что именно там, в Нашиндари, наладится наша жизнь, ибо человек часто находит свое счастье там, где он вовсе не рассчитывает его найти.

— Я не согласна с тобой, но и не возражаю против твоих планов. Решай, как знаешь, я подчиняюсь. Но если ничего не изменится к лучшему, тогда пеняй на себя.

— Я не п...понимаю тебя, ты вечно идешь мне наперекор, вечно возражаешь!

— Нет, я не возражаю, я лишь умываю руки. Ты сам постоянно твердил, что кто наспех решает, тот вскоре кается, и я только напоминаю тебе твои же слова и предупреждаю: будет хуже!

— Хуже не будет и иного выхода я не вижу. Надо принять приглашение Джако.

Марго закрыла лицо руками, поднялась и застонала:

— О, господи, за что такая немилость! Неужели нет нам иного испытания, как идти приживалами в дом этого подлого мужика?

Она остановилась перед образом святой Нины, безразлично смотревшей сверху на свою опечаленную сестру. Марго стояла с опущенной головой, словно в ожидании ее совета.

Подперев виски ладонями, Теймураз еще раз повторил:

— Да, мой друг, трудно, очень трудно. Но от судьбы не уйдешь, приходится под...чиниться.

— Ах, Теймураз, как надоело это вечное подчинение! Я уже перестала понимать, от кого же, в конце концов, зависит моя жизнь: от тебя ли — моего мужа, или какой-то рок коверкает ее.

— Да, в наше время мы, вряд ли, распоряжаемся сами собой.

— В наше время! Что это за наше время? Ты говоришь так, будто и впрямь мы когда-нибудь жили как нам хотелось. Вспомни только: все мы получали в готовом виде из имения, а сами умели только тратить и усердно завоевывать вот эту жизнь, плоды которой теперь пожинаем!

Теймураз перетерпел укол:

— Не преувеличивай, мой друг. Мы тратили, это верно, но ведь я работал?

— Еще бы! Работал, потел, но ради чего? Ради того, чтобы задохнуться вот в этой темной дыре и подготовить себя в батраки этой гориллы!

— Марго, успокойся. Еще не все потеряно. Рано или поздно жизнь вступится за нас.

— Когда же, когда? Ты только пойми: мы переезжаем в наемники к своему же мужику! Я — несчастная батрачка! И разве это не результат твоего усердия?

— Не мучь меня, Марго. Все в этом мире преходящее. Волны приливают и отливают, а пески остаются...

— Пока что, волны не щадят нас и, кто знает, что станет с песком, в котором мы барахтаемся уже столько лет.

— Ничего, Марго, все изменится к лучшему.

— Боже мой, сколько лет ты твердишь мне одно и то же, а дожила я пока только до милостей Джако! Подумал ли ты над этим?

— Да, думаю. Но в чем же, скажи, моя вина?

— Ты тысячу раз виноват! Ведь свыклись все с новыми порядками? Почему же ты упорствуешь и предпочитаешь мучить меня, записываясь теперь в приживалы к этому жулику?

— Да, предп...почитаю, ибо воля судьбы превыше всего!

И сделав жест рукой, словно приглашая судьбу войти, забегал по балкону, посматривая на крыши соседних домишек.

— Ну, хорошо, а как ты все-же предполагаешь поступить со мною? — почти шопотом, спросила Марго после длительного молчания.

— Где буду я, там будешь и ты.

— Пусть будет так! Только знай, Теймураз, если у тебя еще есть хоть капля веры в будущее, то я ни во что больше не верю.

— И все же ты должна с...следовать за мной и верить мне.

— Нет, Теймураз, не верю я тебе. Сердце подсказывает мне иное. Не слушай Джако, не ходи за ним. Если ты не устроился и не ужился здесь, то в деревне тебе будет еще труднее. Ну, что ты будешь там делать? Ведь не повиснешь же на шее Джако?

— Придумаю что-нибудь...

— Не знаю... С твоим характером и в твоих годах рассчитывать на удачу невозможно. Своей дороги у тебя нет и в одиночестве ты погибнешь наверняка, как безпомощный младенец. До сих пор нас спасало Нашиндари, но ты не смог удержать его; у тебя не хватило даже мужества схватить за шиворот вот этого вора, что храпит теперь на весь дом. Вечно ты всем уступаешь, вечно пятишься назад, а потом удивляешься и покачиваешь головой. Пора тебе понять, что бороться с жизнью ты не можешь и значит, нужно отказаться от всяких политических затей.

— Прежде всего, ты не об...бвиняй в воровстве. Джако. У нас нет данных для этого...

— А если-бы и были, то все равно ты бы их растерял...

— Что же, в конце концов, ты мне посоветуешь, Марго?

— Заяви о своей лояльности и живи, как живут все.

— Хорош совет, нечего сказать! Я просто не понимаю даже, как ты можешь мне это говорить!

— Могу, потому что я твоя жена и друг.

— Значит, ты толкаешь меня на пол...литическое самоубийство?

— Хотя бы и так! Скажи пожалуйста, что дала тебе твоя политика?

— Пока ничего, но...

— Ничего не даст и дальше!

— Возможно, но мое имя?

— Кому нужно оно, твое имя упрямого слепца, роющего самому себе могилу?

— Но я не могу быть двуличным, Марго. Это ты отлично знаешь.

— Не нужно быть двуличным. Но просто помолчать разве ты не смог бы?

— Пытался... не могу.

— Теймураз, все знают тебя за добрейшего человека; каждому известно, что ты не позволишь себе даже птицу спугнуть с ветки...

— А почему же тогда меня б...боятся?

— Никто тебя не боится.

— Чем же тогда объяснить, что меня каждый раз увольняют со службы и больше никуда не пр...ринимают?

— Увольняют, потому что ты невыносимо болтлив и нуден. И мой последний совет тебе, Теймураз: подчиниться искренно новому строю, прикусить свой язык и работать молча и добросовестно. Увидишь, все тогда пойдет по хорошему.

— Не м...могу, Марго.

— Тогда я больше ничего не скажу. Поступай, как хочешь.

Пока они спорили, попрекая и убеждая друг друга, Джако проснулся. Потягиваясь и позевывая так, что удивленно смотревший из угла баран мог бы просунуть голову в его пасть, он поднялся и, все еще икая, прохрипел в окно:

— Ну что, едем в Нашиндари?

— Да, Джако, едем,— быстро согласился Теймураз.— Сначала поеду я,— осмотрюсь, освоюсь, а потом приедет Марго.

— Вот это замечательно!— поддержал его Джако и, схватив подмышку заблеявшего барана и толстую гвоздевку, добавил:

— Завтра утром зайду за тобой, ты будь готов. Покатим в Нашиндари! А пока, кумушка, прощай! Давай руку, спасибо за обед.

И посмотрев на нее, как цыган смотрит на кобылу, с сокрушением заметил:

— Приезжай поскорее в Нашиндари, а то исхудала ты здесь, как корова к весне. Приезжай, хорошо будет!

Гогоча, он с трудом вынес за дверь свою огромную тушу.

На следующий день, напичкав Марго наставлениями и захватив связку книг, Теймураз вышел из дому и поплелся за Джако, повторяя без конца.

— Великолепная погода! Дивное утро! Замечательное солнце!

Спустя неделю Марго получила письмо.

„Здесь полнейшая тишина и спокойствие“, — писал Теймураз. — „Встретили меня очень приветливо. Ждут тебя. Обоим обещают работу. Все лишнее, за исключением книг и самого необходимого, продай сейчас же и немедленно выезжай. День выезда сообщи. Целую. Твой Теймураз“.

Оставив самую необходимую мелочь, Марго за несколько червонцев распродала остатки имущества.

В последнюю ночь перед отъездом, усталая и растерянная, присев на одолженный у соседа стул, она осматривала свою комнату.

Кругом было темно, сыро и тихо, как в свежей могиле.

Все было кончено.

Впереди зовущая темень и жуть непролазная. И не пощадит она заблудившегося путника, не выведет его на дорогу...

Пять червонцев, два десятка книг и три корзинки, наполненные женским тряпьем — вот все остатки пышного былого, с которыми Марго собралась в отъезд.

Ночь отсчитывала часы тягучие и томительные, как последние годы несчастливой княгини.

А ранним утром, когда на улицах было еще совсем тихо, Марго оставила дом, прощаясь с могилами предков, золотым детством, девичьими грезами и надеждами. И какими родными и дорогими показались ей вдруг и пустынные улицы, и унылые дома, и сонливые дворники, и спешившие на зов гудка рабочие, и дремлющие на углах милицейские. Странно было: почему она не замечала всего этого прежде и не испытывала привязанности к этой каменной мостовой, неуклюжим дворникам и даже бродячим собакам? Почему, почему?

С новыми чувствами и размышлениями покидала Марго ранним утром безлюдный город, его улицы и дома, с прикрытыми ставнями, и спешила в неизвестные края, где ожидал ее все тот же, беспомощный и неуверенный в своих силах Теймураз...

До этого, в Нашиндари Марго была три раза. Но, собираясь туда в прежние годы, она знала, что едет в свой дом, где ждут ее почет и уважение. Теперь же она ехала в тот же дом, но уже гостьей, а может-быть наймичкой к бывшему управляющему! Сердце ее разрывалось на части от сознания, что навсегда бросает она насиженное гнездо.

Поезд мчал на запад, а сердце стонало и просилось назад.

VI

На станции ее встретил широко улыбающийся Джако.
— Добро пожаловать, княгиня! — гаркнул он пофельдфебельски. — Как поживает кума, как доехала?

— Здравствуй, Джако... Только, пожалуйста, не называй меня княгиней.

— Почему?

— Потому, что князей больше нет.

— Князей больше нет, но моя кума будет всегда княгиней, — польстил ей Джако.

— А где Теймураз?

— Ему некогда, и он поручил мне доставить княгиню. А для чего он? Разве я плохой мужчина? Доставлю в Нашиндари так, что муха не посмеет тронуть! Ха-ха!

И подобрав ее корзины, он ринулся в толпу, расталкивая всех, опрокидывая и крича на всю станцию:

— Дорогу, дорогу, Джако идет!

Марго спешила за ним, застенчиво улыбаясь, смущенная медвежьим покровительством своего бесцеремонного кавалера.

На широкой арбе с ковровым навесом, Джако растелил пестрый тюфяк, и уложил на него Марго головой к козлам, на которых уместился сам.

Арба заскрипела по пыльной дороге.

Обалдев от радости, Джако то и дело оборачивается к уставшей спутнице, без устали скалит зубы, осыпает ее шутками и ржет как лошадь.

Арба еле ползет. От ее толчков будто от спазм, вздрагивает тело Марго.

Становится жарко.

Словно сатир сидит Джако на козлах и выпученными на лоб глазами пожирает полуоткрытую грудь женщины, бледную шею и руки и, обтянутые тонкой юбкой, бедра и колени. Животная натура его взывает к неудержимым желаниям; глаза мутнеют от охватившей

страсти; в распалившемся мозгу рождаются смелые грезы и грудь вздымается от тайных ожиданий. Он перестает ржать.

Длинные ресницы и копна пышных волос мерно колышались над полузакрытыми глазами Марго, точно черная нива под ветерком. Улыбка дремлет на губах, за которыми, в засаде, залегли два ряда белых зубов.

— Джако, подгони волов, а то не доберешься нам засветло, — напоминает она ему время от времени.

— Не беспокойся, княгиня, успеем, — успокаивает ее Джако, — во время будем дома. Жалко волов, устали они. А если опоздаем, Джако дотащит тебя до деревни на руках, о-го-го!

И снова принимается развлекать ее рассказами о своих похождениях, сельскими сплетнями и занятной выдумкой о всякой всячине, заражая неожиданными выкриками, хохотом и прибаутками утомленную женщину.

Наконец он замолчал, подумал и тяжело вздохнул:

— Э-эх, кумушка, бедная моя, не ценит тебя Теймураз!

— Почему, Джако, ты так думаешь?

— Так... похудела ты совсем, пожелтела.

Марго рассмеялась:

— Ну, разве же, в этом виноват Теймураз?

Джако хитро улыбнулся, подмигнув глазом:

— Джако все знает, все понимает. У настоящего мужчины женщина всегда будет здоровой. А ты у Теймураза исхудала как лошадь после молотбы. Так не годится...

— Что ты болтаешь Джако! Ха-ха-ха!

— Джако знает, что болтает, все знает. Ты мало кушаешь, плохо живешь и... Теймураз плохой мужчина, слабый, — вот от этого ты и худеешь. Все знает Джако...

— Ха - ха - ха! Какой ты дурень!

— Тебе нужно бархат носить, браслеты надевать, кольца золотые... А как же!

— О, господи!

— Тебе нужно сильного мужа, вот такого... посмотри на меня!

— Ох, какой ты смешной, Джако, ха - ха - ха!

Давно так не смеялась Марго. От смеха ожили ее глаза, вздымалась грудь, вздрагивали бедра. Она всплескивала руками и каталась по матрацу:

— Ну и чудак ты, Джако! Спасибо тебе... насмешил меня, ха - ха - ха!

Джако обрадовался. Его зубы заблестели еще ярче и смех перешел в настоящий грохот:

— Еще бы, Джако умеет смешить! Джако в цирк нужно позвать! О - хо - хо!

— Ну, а что, Джако, если - бы я была твоей женой?

— Моей женой?!

Джако чуть было не перевернулся с козел:

— Моей женой? — переспросил он еще раз.

— Ну, да. Что бы ты делал со мной?

Она привстала и, смеясь, посмотрела растерявшемуся Джако в глаза.

— Ну, расскажи, как бы ты ухаживал за мной.

Обезумев от неожиданности, Джако заржал на все поле:

— Господи, помилуй! Если бы Джако такую жену! Хочешь знать, что я делал бы?

— Да, да, хочу знать, говори.

— Ну, вот, слушай. Во-первых, кормил бы тебя каждый день хинкалами, мацони, свежим маслом...

— Хинкали, мацони! Боже, какая прелесть!

— Да, всегда бы кушала настоящие хинкали, мацони, кади и курдюк.

— Какое счастье, ежедневно — кади и овечий курдюк! Ах, как это замечательно!

— Конечно! Еще будешь кушать шашлык, котлеты, чихиртму, борщ, белый русский хлеб...

— Даже белый хлеб! А - ах!

— Ну-да, Джакo все найдет для такой жены, даже птичье молоко.

— Даже птичье молоко! О, господи, вот это был бы муж! Джакo, а если я захочу купаться в птичьем молоке?

— Если захочешь — значит будешь купаться. Все будет. Ты только прикажи — каждый день Джакo будет резать пять гусей, индюка, поросенка, жирного барана...

— Восхитительно, но только я привыкла к французской кухне, и тебе придется выписать повара из Парижа.

— Трoих выпишу!

— А одевать как меня будешь?

— Как одену? Бархатное платье, серебряный пояс, золотые серьги, браслеты, кольца — вот как Джакo оденет свою княгиню!

— Серебряный пояс, — как чудно! Ах, если бы на самом деле я была бы твоей женой, ха - ха - ха!

— Ты не смейся, Джакo правда сделает тебя счастливой. Станешь полной и жирной, как Джакo, а лицо будет, вон как тот мак.

— Ха - ха - ха! Весить семь пудов и быть красной как мак, чего - же еще желать!

— Опять будешь настоящей княгиней, а Джакo... князем.

— Джакко — князь? Ох, и шутник же ты!

И она покатилась по ковру, корчась от душившего ее смеха.

— Скажи, а что ты будешь делать, когда станешь князем?

Громко смеясь, Джакко, охотно выкладывал:

— Джакко оденет шелковый архалух и черкеску из дорогого сукна. Да, из самого дорогого. У князя Автандила такая была... У Джакко уже есть серебряный наряд: пояс, шашка, кинжал, газыри и русские сапоги, — блестят как черное солнце... Пять или десять прислуг будет, арабский конь и, для тебя, новенькая коляска.

— Коляску я не хочу, мне нравится автомобиль.

— Будет автомобиль.

— Подожди, Джакко, а разве удобно будет тебе, князю, ходить за плугом, а мне княгине, месить тесто и стирать белье?

— А зачем нам пахать и стирать? — разинув рот, удивился Джакко. — К чорту все это! Зимой мы будем жить в Тифлисе, а летом в Нашиндари.

— Значит ты станешь буржуем? Но тогда у тебя все заберут.

— У меня, заберут? — вспыхнул он вдруг. — Кто заберет? Кто посмеет? Джакко придушит и Нинику и Дату и разгонит всех! Пусть только попробуют.

За смехом и шутками, Марго не заметила как село солнце и вечерние тени, быстро сгущаясь, заволокли долину. Дорога как-будто затерялась и арба сначала поплелась по тропинке, а потом, свернув под бугор, пересекла реченку и очутилась в кустарнике.

Марго осмотревшись, встрепенулась:

— Джакко, куда мы заехали?

— Так лучше, дорогая княгиня, так путь короче.

— А мне помнится, что нам нужно ехать совсем в другую сторону.

— Ничего, кума, ничего. Ты не беспокойся. Джако хорошо знает дорогу. Лежи и не волнуйся.

Уже совсем стемнело. Арба мяла кустарник, подсакивала на рытвинах, делала зигзаги и, наконец, остановилась в густой роще, у реки.

Джако соскочил с козел.

— Полежи княгиня, не бойся. Я сейчас...

Он быстро нырнул в темноту и через несколько минут, ломая сучья появился с противоположной стороны, прохрипев:

— Кума, а дорогу - то мы потеряли.

Марго вздрогнула.

— Где мы, Джако?

— А чорт его знает! Проклятые быки заблудились.

— А что это шумит за деревьями?

— Лиахва... Очень вздулась, арба не перейдет...

— Послушай, Джако, как же так? Ведь ты вырос здесь и, говоришь, потерял дорогу?

В голосе ее, зазвучавшем строго, послышались нотки тревоги.

— Заговорились мы очень, вот и заблудились.

— А зачем ты выпрягаешь волов?

— А как же? Надо их попасти немножко. Все равно нельзя в такую темень ехать дальше. Сейчас дорогу не отыскать.

И вкрадчивым голосом стал успокаивать:

— Ты не бойся, у Джако ружье есть, маузер и кинжал. Со мною никто тебя не тронет. А если кто попробует, то такую трепку задам, что всю жизнь не забудет

Подходи, кто есть! А ну, кому не лень! — заорал он в темноту, будто и впрямь в кустах засели разбойники, замышляющие похитить Марго, за которую он, верный рыцарь, готов положить голову.

Но Марго, начинает уже побаиваться не разбойников, от которых он собирается ее оберегать, а его самого.

Она больше не протестует и, по старой привычке, решает покорно молчать и ожидает дальнейших злоключений.

Джако возится у арбы, продолжая ее утешать:

— Не тревожься, никто не посмеет нас тронуть. Сейчас Джако разведет костер, угостит княгиню ужином и уложит ее спать, удобно, как дома.

Послышался треск сухих сучьев. Джако натащил хворосту и вскоре небольшая полянка осветилась ярким костром.

Джако бурчал то в кустах, то у арбы:

— Сейчас все будет готово. Все будет хорошо.

Бросил у костра коврик, положил подушку, усадил Марго и разложил перед ней вареную курицу, сыр и вино. Сам тоже присел, чмокая жирными губами и угощая растерявшуюся княгиню:

— Кушай, пожалуйста, кушай. Не беспокойся. Нашиндари недалеко. Покушай и засни. А Джако с ружьем будет до утра тебя сторожить.

Марго молчит. А Джако, повалившись на спину засмотрелся в небо и, после долгого молчания, ткнув рукой в воздух, произнес:

— Вон звезда Джако. Она мне счастье дает. А сбоку — твоя звезда. Эх, если бы обе звезды приваляли бы ко мне со своим счастьем!

Марго посмотрела на восток, где застыл оранжевый Марс, и ничего не сказала. Потом взобралась на арбу и стала готовиться к ночлегу.

Джако, завернувшись в бурку, расположился под арбой.

— Спокойной ночи, княгиня!

— Спокойной ночи, — тихо ответила Марго.

Наступило молчание, тяжелое и тревожное, как бомба с тлеющим фитилем.

Сон не идет к Марго. Молоточком постукивает сердце и дробинки впиваются в разгоряченный мозг. Она ворочается с боку на бок и насильно закрывает глаза, чтобы заглушить тревожные думы. Но сон запрятался куда-то в гущу кустарника и призраки толпой ползут на арбу, громоздясь скалой и наваливаясь на свернувшуюся в комок женщину. Они терзают беззащитное тело и смутной тревогой бороздят сознание.

Марго чувствует недоброе. Ей уже кажется, что какая-то опасность окружает ее. Она задыхается, старается не шевелиться, обливаясь холодным потом. Вот-вот что-то случится...

Объятая страхом, она вскакивает, гонит кошмары и, тяжело вздохнув, почти кричит:

— А-а-а!

— Что с тобой, княгиня?

— Ничего, Джако, спи, ничего...

Из-под арбы доносится тяжелое дыханье, деланный кашель и храп...

— Ты спишь, кумушка?

— Нет, не спится мне, Джако.

Ночь темная и теплая. Легкий ветерок бегаёт по роще. За деревьями Лиахва шумит. Где-то, совсем близко, филин ухает. За рекой заунывно тявкает собака.

Вдруг далекий выстрел глухо взбудоражил тишину. Марго вздрогнула и затаила дыхание. В зеленой чаще забеспокоились ночные зверьки и птицы и пуще прежнего разлаялась собака за рекой.

— Не спишь, дорогая княгиня? — раздалось из-под арбы.

Марго не узнала голоса своего спутника. Не ответила, съежилась, притаилась. А спустя минуту арба вздрогнула и под ковровый навес стала пробираться огромная тень.

Марго не успела опомниться, как на поджатую ее ногу навалилась тяжелая рука.

Словно медведь в улей, забрался в арбу Джако.

— Джако, что тебе нужно?

— А разве ты не знаешь?

— Послушай, Джако!

— Тише, молчи...

— Джако, куда ты лезешь?

— Подвинься, пожалуйста, немного. Джако внизу очень холодно.

Марго вскочила:

— Я слезаю... пусти меня.

Но было поздно. Джако, опрокинул ее на спину и, облапив, придавил своей тушей.

— Зверь, что ты делаешь!? Мерзавец! Негодяй!

Не обращая внимания на крики и сопротивление, Джако, не спеша, связывал женщину своими руками и ногами, прижимал ее головой и плечами, хватал зубами.

Смяв измученное тело, точно белье, в большой узел, насильник заговорил:

— Ну, успокойся, дорогая. Зачем же драться. Все равно никто не будет тебе помогать. Лучше молчи, мое золото.

— Животное! Насильник! Пусти! По-мо-ги-те!..

Джако свирепел и грозил:

— Молчи, говорю тебе, а то задушу как кошку!

И прикрыв ей лицо своей лапой, сжал слегка горло двумя пальцами.

Через несколько минут, притушив дикую страсть и несколько остывши, он, поглаживая потной, закорузлой лапой ее грудь, самодовольно ржал:

— Вот видишь, как делается у Джако. А ты хотела драться, царапаться. Совсем это не нужно. Царапаются только дети. Драться княгине тоже не годится.

Точно побитая собака тихо стонала Марго.

— Я тебе руку свернул? Больно? Ничего, скоро все пройдет. Палец тоже заживет. Джако очень любит кусать женщину, когда она красивая. И платье порвал? Наплевать, купим новое... Не нужно плакать, месяц ты мой дорогой, солнышко ясное...

Насытившись своей болтовней и насильной лаской, Джако вытер грязными пальцами мокрые глаза княгини и снова полез под арбу. Через несколько минут он опять захрапел на всю рошу, а Марго, обессиленная и оскорбленная, оплакивала горючими слезами так грубо поправленную честь женщины и рода Каплани-Хевистави.

Корчась от перенесенных мук, она, чтобы хоть чем-нибудь утешить себя, грозила про себя: „Подожди же, негодяй, дорого обойдется тебе все это. Дай только доехать до Нашиндари, ты ответишь за все, жалкий бандит“.

Приближалась полночь. Свежел ветерок. Отчетливее шумела Лиахва. Собака умолкла. Филин куда-то перелетел и его тоже не было слышно.

Под арбой снова зашевелился Джако:

— Ну что, Марго, ты спишь?

Холодная дрожь пробежала по спине женщины. Она прикусила язык, чтобы сдержать крик ужаса и возмущения.

Ненасытная страсть выталкивала Джако из-под арбы, и он опять полез под навес.

Марго больше не кричала и не боролась. Не было ни сил для борьбы, ни надежды на помощь. Она только тихо стонала и плакала как усталый ребенок, бормоча что-то несвязное, не то о пощаде, не то угрожая Джако.

Еще раз насытившись, Джако вновь утешал жертву: — Опять плачешь? Ведь ты же не ребенок, а взрослая женщина!..

И захихикал:

— Агу! Агу, девочка!

Взяв себя в руки, Марго перестала плакать.

Джако обрадовался и, просунув ей подмышку палец, принялся ее щекотать, приговаривая:

— Ну, засмейся... развеселись же!

И внезапным порывом, словно фонтан, из груди Марго вырвался безудержный, нервный смех, перешедший в дикий хохот, перемешавшийся с выкриками, рыданиями и унылым воем на смерть замученного зверя.

Джако пришел в восторг:

— Ну вот, и отлично! Видишь, как развеселил тебя. А как же! Джако умеет развлечь женщину!.. Так, так, посмейся еще, посмейся, дорогая княгиня.

И Марго смеялась вместе с ним долго, пока хватило сил. Затем, окончательно обессилив, растянулась плашмя и почти не дыша, только вздрагивала, как осинный лист.

На заре, снова зашевелилась бурка Джако и он в третий раз перебрался к Марго. Но из-под навеса уже

не слышались плач и окрики. Просыпающуюся природу встречали ответные страстные стоны и бредовый шопот женщины.

В зеленой роще, на берегу реки, когда небо проти-
рало глаза и одевалось в голубые одежды, Марго прос-
нулась, широко открыв глаза, и удивленно посмотрела
на мир.

Странно пронеслась эта ночь и такой сладост-
ной истомой наполнила тело. Да, это то самое, о чем с
таким волнением рассказывали ей подруги, и чего — она
теперь это поняла, — не могла дать ей беспомощная лю-
бовь мужа. Это то, что годами дремало в ней, пока Джако
своей звериной страстью и диким порывом не разбудил
и не дал познать в короткие часы летней ночи.

Бессонная ночь и неожиданность мучительных иску-
шений утомили Марго. Но, тем не менее, инстинкт про-
снувшейся женщины подсказывал ей о странной переме-
не: словно камень скатился с ее груди и в радостной
песне ожило тело. Застоявшаяся кровь забила звонким,
горным ручьем. Теперь только она почувствовала, как в
вихре дикой страсти очистилась ее душа и наполнилась
какой то безудержной радостью и иными зовами, которые,
уже столько лет, казались ей такими недостижимыми.

Марго улыбнулась. Наступающий день волновал ее
по-новому, и она крепко заснула на мерно покачивавшейся
арбе, двинувшей в дальнейший путь.

Теймураз встретил въехавшую во двор арбу радо-
стным возгласом:

— Слава богу! Куда вы запропали?

— Арба сломалась, дорогой князь, — моментально нашелся Джако. — Из-за этого и не успели приехать вчера к вечеру.

— А где же вы ночевали?

— Ночевали в Леванашени, у дяди Тома. Очень хорошо встретил он Марго и тебе велел кланяться.

Смущенная Марго молчала, стараясь смотреть в сторону, и поправляла помятое платье.

Впервые познала она стыд измены и оттого испытывала в душе острую боль. Приключение в дороге бросало ее в трепет. И она лгала вместе с Джако, подтверждая своим молчаньем его вранье. Слова застряли у нее в зубах, точно птенцы в гнезде, бились слабенькими крылышками и не решались вылететь, опасаясь мучительных упреков ревности, слёз и, может-быть, крови.

Но рассказать обо всем мужу все-таки нужно, скрыть от него свой позор она не может и внезапно мысль осенила ее: она расскажет ему обо всем, расскажет после, вечером, когда они останутся наедине, поведает ему все, без утайки, и предложит уехать отсюда немедленно, навсегда.

„Дорогой друг, — скажет она ему, — я признаюсь тебе во всем, но об этом, кроме нас, никто не должен знать. Ты всегда был умницей, помолчи и теперь, ибо одно лишнее слово опозорит нас навеки. Неизбежное — неизбежно, любил ты часто повторять, и вот оно пришло, мой милый, мой несчастный Теймураз“.

Да, как честная жена, вечером, сегодня же, она покается и смоет позор страшной ночи.

А Теймураз смотрит на сидящую в арбе жену и словно пытается поймать ее взгляд. Марго тоже взглянула на него и загорелась от стыда, покраснев до корней волос.

Наконец, пересилив себя, она соскочила с арбы, подбежала к мужу и сжала его руку.

— Что с тобой Марго? — испуганно спросил Теймураз. — На плече р...рана, платье порвано...

Снова к вспыхнувшей и растерявшейся Марго быстро пришел на помощь Джако:

— Княгиня соскочила с арбы и зацепилась платьем за перекладину. Повредила себе руку и порвала платье... Ты, князь, не беспокойся, все скоро заживет.

И пока дядя Кешела выпрягал волов, а Джако громовыми раскатами приводил двор в панику, Теймураз отправился с Марго по своему бывшему дому.

— Ты пос...смотри, что стало с нашим домом, стонал Теймураз, водя жену по комнатам замка.

Марго едва узнает имение. Старинная мебель поломана, картины изорваны. На закоптелых от железных печей стенах развешаны кожи, сушеные фрукты, косы, меха, тряпки и разное крестьянское хламье. Один угол комнаты оклеен старыми газетами, брошюрами и прокламациями — всей той нелегальщиной, которую Теймураз пересылал Джако для хранения. „Искра“, „Большевик“, „Колокол“, „Борьба“ — всему этому пришел конец.

— Посмотри, Теймураз, посмотри, — указывает Марго на обклеенный угол.

— Вижу, — махнув рукой, вздыхает Теймураз, — туда им и дор... рога. Все это надо было сжигать тогда же. Но я был глуп, друг мой... Впрочем, забудем об этом.

Украшенные изразцами и химерами вековые дубовые колонны безжалостно изранены топорами и изуродованы гвоздями. Зала и комнаты набиты бочками, кувшинами, корзинами и жестяной посудой, от которых несет керо-

сином, кислыми овощами, гнилыми фруктами, прогорклым маслом, дохлыми крысами и плесенью.

Один из углов заполнен початками кукурузы, другой — неочищенной фасолью, в третьем — гниет картофель.

Исчезли тяжелые персидские занавеси, венецианские зеркала, французские гобелены, шелковая мебель, ширазское стекло и всякие статуэтки и художественные безделушки. Стенные дубовые шкафы, с тонким орнаментом, хранившие когда-то оружие и массу книг, теперь полны тюками затхлой постели, неочищенной щетины и немытой шерсти.

Всюду разбросаны остатки знаменитых военных доспехов рода Хевистави: луки и стрелы, колчаны и палицы, кинжалы и мечи, копья и щиты, шлемы и панцыри, ружья „Сирма“ и „Сиата“, клинки дагестанские и грузинские. Все это прежде хранилось под запором и наблюдением. Дубликаты редкостей Теймураз в свое время продал в Америку, оставив у себя лучшие экземпляры, остатки которых валяются теперь, поедаемые ржавчиной, изогнутые, изуродованные.

На каменном балконе брошены старинные клинки „Горда“: ими теперь рубят хворост и обтесывают колья. Несколько щитов покрывают кувшины и бочки. Старые ружья служат перекладинами, на которых висят сушеные овощи. Из обширной библиотеки не осталось ни одной книги. Писанный масляными красками портрет отца Теймураза, в позолоченной тяжелой раме, подбит сзади темной жестью и заменяет собою чайный поднос. Древние иконы и переплеты редкостных книг прикрывают кувшины с сыром и кислой капустой.

Цветник у заднего фасада дома, когда-то изобиловавший чудесными сортами роз, пестрит сейчас огром-

ными желтыми и оранжевыми тыквами, разинувшими пасть подсолнухами, кукурузными побегами и зарослями фасоли. Сад и виноградник, всегда вычищенные и выхоленные, обросли сорными травами, кустарником и зарослями белены, репейника и крапивы. Сами лозы и фруктовые деревья, посаженные всего лет десять тому назад, уже успели состариться, напоминая рощицу на берегу Лиахвы.

Слезы душат Теймураза, старающегося сохранить хладнокровие.

— Да, вот она рука проходимца, чумазого хама! Кто одернет ее и когда! — простонал он и пошел дальше.

В огороде супруги наткнулись на пугало. На низком столбике, наискось, прибит ствол старинного ружья „Сиа-та“; к нему прицеплены рыцарские доспехи: нагрудник, наплечники, наручники. На шлеме с арабской надписью золотом: „Нет бога кроме бога“ — сидит сорока. Она громко болтает, раскланиваясь гостям.

Супруги остановились, посмотрели и горько улыбнулись.

Теймураз поправил пенсне и указал пальцем на пугало:

— Как странно все и уд...дивительно! Вот тебе апофеоз и символ нашей жизни!

Они одни. Пора бы поведать обо всем мужу. Но Марго не знает, как начать трудный рассказ: с упреков ли, что Теймураз не послушал ее и переселился сюда, или же прямо приступить к повести о своем падении.

Словно вкопанная стоит она, и грудь вздымается тяжело, готовая взорваться тоской вороньего крика. Несколько раз она уже раскрывала рот, но слова задерживаются кашлем, упорствуют, срываются и бегут назад, как ягнята, ведомые на заклание.

Наконец, с трудом, она произносит:

— Послушай, Теймураз...

Но Теймураз не слышит ее. Он занят. Уставился взглядом в пугало-кольчугу и отдался тяжелому раздумью.

Марго молчит и ждет долго-долго.

Муж повернулся к ней спиной, смахнул слезу, и прошептал:

— Пойдем, Марго, пойдем... Тяжело здесь. Под... дымемся на балкон. Когда-то ты очень его любила.

— Да, любила. Пойдем...

И решила про себя: „вечером“.

Во дворе льется кровь. Джако режет кур, индюков и баранов. Открыл огромный кувшин вина и пригласил крестьян — показать себя и своих гостей, бывших владельцев замка.

Когда дошла очередь резать кур, Джако подозвал Теймураза и, протянув ему птицу, предложил:

— Ну-ка, князь, прикончь ее. Для Джако это будет хорошей приметой. Впрок дому пойдет. Вот нож...

Теймураз вздрогнул и отступил:

— Не м...могу, Джако.

Джако расхохотался. Крестьяне улыбнулись.

— Какой же ты мужчина, если и курицу не можешь зарезать! Вот, смотри, как это делается...

И Джако вмиг покончил со всеми курами, поотрывав им головы и побросав на землю затрепетавших птиц. Затем, проткнув кинжалом горло барану и отделив голову от туловища, добавил:

— Вот видишь, это гораздо проще, чем скушать цыпленка.

Теймуразу не под силу было смотреть на конвульсии животных. Он почувствовал себя скверно, побледнел и отошел.

Джако продолжал издеваться над ним, а Марго стыдила его с балкона:

— Ты шутишь, Теймураз. Неужели тебя так пугает кровь птицы или барана?

Поднявшись к ней, он оправдывался, как провинившийся школьник:

— Не м...могу. Не привык...

Она подернула плечами и слегка сжала губы.

— При чем здесь привычка? Мужчина не должен бояться крови. Воображаю, что стало бы с тобою, если тебе пришлось бы убить человека!

— Убить человека? Чтобы я убил человека?! А р...разве это возможно? — смущенно возразил Теймураз.

— А почему бы нет? Предположим, что ты получил возможность безнаказанно убить своего кровного врага...

— У меня нет таких врагов.

— Ах, да...

И после минутной паузы добавила:

— Хорошо. Но допустим, что кто-то меня тяжело оскорбил, — вот у тебя и появился враг. Что же ты будешь делать с ним?

— Как оскорбил, чем?

— Предположим наихудшее: он учинил... надо мной насилие.

— Насилие? — задумался Теймураз.

— Да, самое гнусное, животное насилие.

— Насилие... — повторил Теймураз.

И ответил тоном, в котором ясно чувствовалась трещина сомнения:

— В таком случае, кон... нечно, я готов убить. Да, я убью без колебания. Вот проживу немного среди этих людей, закалю свой характер, привыкну к крови и тогда смогу уб... бить, не дрогнув.

Ничего не возразив, Марго снова подумала: „Нет, никогда, он не сможет убить. И есть ли смысл, такому малодушному, рассказывать о вчерашней истории? Для чего? Стоит ли?“

Ей очень хотелось быть отомщенной. И она была бы так счастлива, если бы Теймураз выказал бы себя настоящим мужчиной и, оберегая свою честь и честь жены, убил бы этого гогочущего внизу Джако, настоящего мужчину — сильного, настойчивого зверя! Ах, если бы это случилось! Если бы Теймураз был способен защитить ее!

Но, посмотрев на его хилую фигуру и на мечтательно устремленные в потолок глаза, решила: „Ему некогда. Сейчас он вероятно в Занзибаре. Ему не до меня. Подожду до ночи“.

Пока стряпался обед, Джако устроил смотр своему дому перед супругами Хевистави.

Вызвав всех своих дядей, теток, братьев — двоюродных и троюродных — Гибу, Кешелу, Туру, Телу, Мешту, Элисо, Мариаму, Тину, он вывел затем свою третью жену Нину, „похожую на луну“, за которой чинно следовала рота из двенадцати ребят — от всех трех его жен — грязных,

диких, полуголых зверенышей, таких же здоровых и плутоватых, как и отец, который, гордо подбоченившись, улыбался и кричал:

— Ох-хо-хо! Посмотрите на эту арестантскую роту! Ну, что скажете, кум и кума? Как нравится работа Джако? Хороши поросята? Хо-хо-хо, все мальчишки вышли в меня, а девочки будут красавицы, как Марго!

Посмотрев на детей, Марго улыбнулась. И мальчишки и девочки были точной копией отца.

— Господи, как их много! — удивилась она.

— А как же! — заржал обрадованный Джако. — Пока сделал двенадцать, а дальше посмотрим, хо-хо-хо!

— Не слишком ли много, Джако? — наставительно заметил Теймураз.

— Почему много? Могут еще двенадцать сработать! А как же! Ты как думаешь, жена?

Жена Джако, тощая и некрасивая женщина, „похожая на луну“, смущенно вздернула губами, захихикала и укрыла лицо платком.

— А вот ты, кум, сплеховал! — в упор обратился Джако к Теймуразу. — Почему у тебя нет ни одного мальчугана?

Теймураз глубоко вздохнул:

— Не знаю... Бог не дал.

— При чем бог, дорогой мой! Бог ночью спит, ему не до ребят. Сам должно быть подгадил, а валишь на бога, хо-хо-хо!

Марго и Теймураз, переглянувшись, тоже рассмеялись. А Джако, еще раз осмотрев свое потомство, скормандовал:

— Ну, поросята, вольно!

И „поросята“ с визгом и смехом окружили Хевистави, цепляясь за их платье карабкаясь на них, как на сучья

деревьев. Марго достала сладости и тогда визг превратился в рев и вой.

Дети вырывали друг у друга конфекты, работая зубами, руками и ногами, а Джако, продолжая стоять подбоченившись и не обращая внимания на всю эту возню, разглядывал двух женщин и, словно цыган на ярмарке, сравнивал их, как кобыл. Но выбирать было нечего: на одну он смотрел просто, как на женщину, а на другую, как на мать дюжины его детей и батрачку.

И, покачав головой, Джако с сокрушением и восторгом шепнул жене, указав на княгиню:

— Вот, настоящая женщина! А ты что? Кляча и только!

Женщина быстро повернулась и ушла, а Марго сделала вид будто ничего не слышала.

— Этих троих еще не крестил, — сказал Джако, указывая Теймуразу на самых младших ребят.

— Как же так?

— А зачем? Теперь это не нужно. Джако умный человек и имеет разных детей: и крещеных и некрещеных. Кто знает, вдруг понадобятся некрещеные. А как же! Все может быть!

Закончив парад, Джако вынес на балкон кресло старшего в роде Хевистави — массивное, дубовое, с резьбой и перламутровой инкрустацией — и грузно опустился в него. Перекинув ногу на ногу и усадив бывших владельцев против себя, он задымил махоркой из позолоченной трубки отца Теймураза и завел чинную беседу, явно подражая манерами покойному феодалу, которого одни называли арабским шейхом, а другие — трехбунчужным пашой.

Но натура одолевала Джако, и он, то и дело срываясь с места, перегибался через перила и орал на все село:

— Тура, куда прешь, мерзавец! Гиба, чего зеваешь, болван! Бринка, идиот, довольно тебе спать!

И все эти „мерзавцы“, „идиоты“ и „болваны“, слышав грозные окрики Джако, разбегались покорно и молчаливо, как скотина нового владельца замка.

VII

Собравшиеся, по приглашению Джако, крестьяне расселись, поджав ноги, вокруг длинных скатертей, разостланных на зеленом лугу, под вековым орешником, и жадно набросились на жареное мясо и вино. Ели как волки, пили чашами и пели охрипшими голосами, подерживая охотно очередные тосты тамады:

— Да здравствует Джако!..

— За здоровье нашего хозяина и покровителя Джако!

Важно сидевший во главе стола Джако, отрезая от бараньей ляжки лучшие куски, кланялся и мычал полным ртом:

— Спасибо. Пейте на здоровье. Пейте, пожалуйста, и не скучайте.

По левую руку от себя он усадил Теймураза, а по правую Марго. Подавая ей то одно, то другое блюдо, он дарил ее особым своим вниманием и, нарочито афишируя свою близость к ней, то громко называл ее на „ты“, то нагибался к ней и нашепывал что-то на ухо.

Через каждую минуту он пытался острить и искусственным смехом подчеркивал перед собравшимися свое остроумие и интимные отношения с бывшей княгиней. Заставляя ее кушать чуть ли не насильно, он приговаривал так, чтобы все слышали:

— Кушай, княгиня, кушай пожалуйста! Ты должна потолстеть! — Если будешь слушать Джако, он откормит тебя, как пасхальную индейку. Хо-хо-хо!

Теймураза он почти не замечал и лишь изредка, повернувшись к нему, издевался:

— Кушай, князь, как следует, а то, кажется, ты ни разу не чувствовал себя сытым с тех пор, как крестьяне перестали тебе выплачивать оброк.

И, вспомнив, как Теймураз нервничал, когда увидел во дворе кровь, заорал во всю глотку:

— Интересно, чорт возьми, кто дал такому мужчине звание князя! Боятся крови, как дыпленок огня! Даже курицу не может прирезать, курицу! Нет, Теймураз, ты не князь, а Бринка, да, — Бринка!

Бринка — близкий родственник Джако — почти калека, полоумный, юродивый. Когда то он „купил“ у Теймураза весь его заповедник, а теперь возился у котлов и, возмущая Джако, улыбался, как и Теймураз, улыбкой праведника.

Неожиданно Теймураз уперся взглядом себе под нос и стал нервно поправлять пенсне, как бы в чем-то проверяя себя. Потом сделал знак Марго, указывая ей на скатерть и фамильный сервиз, еще недавно принадлежавшие ему.

Это было вскоре после свадьбы, когда Марго собрала все старое и новое белье и поручила мастерицам переметить его крупными шелковыми инициалами. Год спустя, она и Теймураз уехали в Европу. Осматривая Сен-Клу, они побывали на Севрских фарфоровых заводах, закупили здесь разной всячины и заказали несколько сервизов с позолоченными гербами и монограммами Хевистави. Считая хранившееся в Нашиндари белье и сер-

визы давно реквизированными большевиками, как им однажды заявил об этом Джако, Теймураз теперь вытаращил глаза на сиявшую позолоту посуды и голландское полотно.

Переглянувшись, Теймураз и Марго условились не поднимать пока разговора о замеченном, отложив его до удобного случая — на вечер или на следующий день.

Рядом с Теймуразом сидели прежний управляющий имением — старик Петре, и поп-расстрига Иване. Оба они воспитывались под наблюдением и руководством покойного „большого“ князя (Теймураза называли „малым“). Петре долго управлял княжеским хозяйством, а Иване служил сначала дьяконом, а затем священником и придворным духовником в Нашиндари. Когда же молодой Теймураз, утвердившись в правах наследства, приступил к ликвидации обширных владений отца, Петре не вынес этого и, оставив службу, вернулся к своему очагу. Священник же Иване, учуяв дуновение новых дней, своевременно сообразил и променял рясу на крестьянскую чоху.

Петре тогда еще пророчил Теймуразу судьбу, которая теперь его постигла.

Видя, как нужда толкает Теймураза в батрачество, Джако, конечно, только злорадствовал. Но Петре был честен и незлобив. Он лишь слегка посмеивался и с горечью в голосе бормотал:

— Так, значит, Теймураз, пришлось и тебе пойти по людям?

— Да, пришлось, дорогой Петре, — отвечал Теймураз.

— Эх, хорошо умереть во время! Большой Автандил знал, когда умереть. А доживи до всего этого, вероятно, от тоски, он сам перерезал бы себе горло.

— Ничего, — утешал Теймураз более счастливого Петре, — не беспокойся, приливы и отливы чередуются, а пески остаются.

— Это верно, но на песках я часто видел много задохшейся рыбы, — жестоко вставил глава стола, Иване. — Было бы тебе, Теймураз, лучше, подыскать работу; иначе, не уцелеешь — ведь отливы иногда запаздывают возвращением.

— Он прав, — заметил Петре. — Помню еще твой отец очень любил повторять: „Пока Петр подоспел, с Павла шкуру содрали“.

Тамада Иване встал и взял слово:

— Вот, что я вам поведаю. Семь веков тому назад Руставели сказал: „одни приходят в сад жизни, а другие уходят из него“. А еще где-то сказано, что первые да будут последними, и последние первыми...

— „Сегодня ты, а завтра я“, — вставил сидевший в конце стола, сын Петре, Ниника.

— Прежде дворяне крестьян в ярмо запрягали, — продолжал Иване, — а нынче колесо жизни завертелось в обратную сторону...

— Вот, вот! Правильно! — взревел Джако. — Теперь пришла наша очередь впрягать в ярмо дворян и князей. Да, да! Теперь мы на них поедем!

— Жизнь породила новых дворян, — продолжал расстрига. — И чем, например, наш хозяин не дворянин? Разве к Джако не подойдет дворянский герб?

Сидевший среди молодежи Ниника метнул молнией, а Джако, обратившись в сплошную улыбку, вопросительно окинув растерянным взглядом гостей, застыл с разинутым ртом, еле удержав на кончике языка готовое сорваться: „Конечно!“

— Джако — настоящий дворянин, — продолжал расстрига. — За ним сила и умение устраивать и свою жизнь и помогать жить остальным. Ведь многие из дворян давно уже стали походить на нищих; теперь же они окончательно повыводились и растерялись, и их место занимают те, которые хоть и не могут похвастаться происхождением, но достойны даже княжеского титула за свой ум и влияние. Среди наших крестьян разве мало таких, которые сами создали себе дворянское положение, завоевали гербы и почетные грамоты? Вот таких дворян мы все уважаем, потому что каждый знает, что, например Джако Дживашвили заботится о наших бедняках также, как и о собственной семье.

Молодежь в конце стола возмущалась и нервничала, а хитрый расстрига все угождал и расхваливал Джако:

— Даже подсчитать нельзя, сколько этот человек сделал для нашего села. Скольких вдов, сирот и бедняков поставил он на ноги. И мы надеемся, что Джако и в будущем не оставит нас своим покровительством, когда в этом случится нужда, и по-прежнему будет помогать нам и хлопотать за нас перед властью. А поэтому, да здравствует наш новый дворянин Джако Дживашвили!

— Вот это так! А как же? Джако очень всем благодарен и если нужно будет, всегда поможет каждому бедняку-крестьянину.

Привстав, Джако низко раскланялся и снова сел, поджав под себя ноги.

Молодые друзья Ниники неистовствовали и шумели, а Джако, обнял расстригу и крикнул:

— Петре, аллаверды к тебе!

Опорожнив турий рог, он наполнил его снова и передал Петре.

— Спасибо! — прошамкал тот, выпил и пустил рог дальше по столу.

— Держу пари, — шептал один гость другому на ухо, — что Джако завтра же пошлет расстриге пару мешков пшеницы!

— Я не верю этому ни на грош, — ответил тот, засмеявшись.

— Долой дворян! — внезапно раздался голос Ниники среди поднявшегося шума.

— Долой их, долой! Не нужно! — подхватили его сверстники.

Поднялась суматоха. Гости шумели, перешептывались, успокаивали молодежь и посматривали то на Джако, то на Нинику, то на растерявшегося расстригу.

Отойдя поотдал, Ниника кусал свои маленькие усики и метал молнии в Джако и бывшего попа.

Теймураз подошел к нему:

— Нин...ника, зачем все это! Прошу тебя, успокойся и уговори замолчать своих друзей...

— Молчать! — гаркнул вдруг Джако. — Молчать, приказывает вам Джако! С ума вы сошли, что-ли? Какой я князь или дворянин!? Иване пошутил, а вы не понимаете шуток! Молчите, молокососы, птенцы желторотые! Говорить хочет наш князь Теймураз!

И, спотыкаясь, Теймураз произнес длинную проповедь о братстве, равенстве и социальном мире, о границах прав молодежи, о приличии прежних и разнузданности нынешних юношей.

— Так защищайте же братство, мир и дружбу. Все же остальное само собой приложится. Запишите в своих сердцах мой девиз: труд, честь, мир и терпение!

Красное вино побороло вспыхнувшие было страсти, и скоро все позабыли о претензии Джако на дворянство.

Выпивка протекала мирно, прилежно, с соответствующим этому делу бесконечным терпением.

Ниника затянул хоровую песню. Ила стал ему вторить. Десяток мощных голосов их поддержали, хлопая в такт в ладоши.

Джако сразу же очутился в кругу, сбросил с себя папаху и пустился в пляс.

Голоса оживились, песня зазвучала веселее, танцору словно поддали жару.

Басы мерно тянут, а Ниника заливается стихами:

Парень в лес сманул девицу,
Обещал поймать ей птицу.
Но какие, — где там птицы! —
Не ходите в лес девицы!

И хор, поддакивая Нинике, повторяет:

Ах, какие, — где там птицы! —
Не ходите в лес девицы!

Описав несколько кругов, Джако пригласил Марго. Она улыбнулась и вдруг понеслась, словно бесенята молодости подхватили ее.

Распустив руки крыльями и грациозно откинув голову назад, легко и плавно скользит она, улыбаясь, по кругу, как носилась когда-то, увлекая и обжигая всех своей очаровательной молодостью.

Но это было так давно, и словно целый век отделяет ее от этих золотых, невозвратных дней юности. Она

даже забыла, когда танцевала последний раз. Но сейчас кровь опять заструилась ручейками минувшего и лебедем плывет Марго по широкой зеленой полянке. Сегодня с нею снова молодость. Сегодня ей только двадцать лет, И поэтому за спиной она чувствует только задорное хлопанье разгоряченных ладоней и в ногах чеканный ритм плясовой.

Она скользит по кругу, ни на миг не отставая от преследующего ее и все учащающегося темпа. Но следом за ней носится не прежний стройный юноша, а пришедший в исступление медведь, размахивающий лапами, похожими на толстые сучья, и давящий землю широкими ступнями, словно трамбовками. Его бедра трясутся бурдюками, ежевая голова прыгает на плечах точно тыква, и блещут клыками огромные зубы, когда он вдруг начинает ржать и гоготать:

— Пляши, Джако! Танцуй, Марго!

Ниника, сын Петре, посылает ему в догонку:

Хорошо, Джако, ты пляшешь.

На носках живей валяй!

Но коль носом землю вспашешь,

На себя тогда пеняй!

Теймураз не отставал от других и, отбив себе руки, заикаясь радовался:

— Уд... дивительно, до сих пор она сохранила грацию тела и подвижность ног!

Ниника не устает и его поэтическая изобретательность не иссякает:

Парень девушку поймал,

Обещал ей песен.

Почему ж девченке стал

Поясок вдруг тесен?

Хор все громче и зазорнее припевает:

Почему ж девченке стал
Поясок вдруг тесен?

А медведь Джако, преследуя газель, захлебывается в дикой радости:

Пляши Джако! Пляши Марго!
Пляши Джако! Беги Марго!

Поручив приятелю роль запевалы, Ниника вмиг очутился между Джако и Марго, заставив медведя выйти из круга.

Теперь уже барс охотится за газелью и, плавно покачиваясь, то настигает ее, то отстает, то снова ловит и опять выпускает.

Забыв где она и что с нею, Марго ничего не замечает, никого не видит. Сбросив с плеч пятнадцать лет, она вся просветлела и каким-то чудом вновь обрела унесенную временем прелесть порывов и радостную беззаботность юных лет.

Круто повернувшись, словно невзначай, она пропустила мимо себя барса и, вся зардевшая и запыхавшаяся, выскочила из круга, заулыбалась ребенком и упала на стул, обмахиваясь платком и удерживая рукой готовое выскочить из груди сердце.

Обрадованный муж засуетился около нее, а горделивый хозяин, бегая по кругу, выкрикивал:

— Вот как у меня! А как же! Хо-хо-хо! У Джако так, чорт возьми! Ха-ха-ха!

Марго встала из-за стола с закатом солнца. Остальные же засиделись до поздней ночи.

Вино быстро подействовало на Теймураза. И, путаясь в собственных ногах, он повис на руке Джако, еле шевеля заплетающимся языком:

— Ты пр... рокоформи нас, Джако, до поры, до вр... ре-
мени. А когда все изменится...

— К чорту твои перемены!—орал ему в ухо Джако.—
Не желаю, чтобы что-нибудь менялось. Хочешь забрать
обратно имение? Не будет этого!

— Нет, Джако, нич... чего я не возьму обратно.
Лишь бы всем жилось хорошо. А пока мы у тебя пор... ра-
ботаем, поможем тебе, — утешал забоявшегося перемен
Джако бывший хозяин.

Они вошли в бывшую спальню Теймураза, освобо-
жденную на сегодня от корзин и кувшинов. На полу
были приготовлены две постели. Марго уже спала, рас-
кидав обнаженные руки поверх одеяла. Разговор мужчин
ее разбудил. Джако вручил ей мужа и, пошатываясь, по-
вернулся к выходу. Задетая плечом дверь жалобно взвиз-
гнула и осталась открытой.

Едва успев раздеться, Теймураз потерял сознание,
повалился бревном и моментально захрапел.

В полночь Джако пробрался в комнату гостей и
улегся рядом с Марго.

— Тсс... молчи...

Теймураз спокойно храпел. Марго хотела звать на
помощь, бежать, оттолкнуть насильника, но бессилие
сковало ее.

Через десять минут Джако уполз обратно, а ко вто-
рым петухам фигура гориллы снова появилась в комнате.

Сердце женщины затрепетало, как пойманная птица.
Снова она хотела кричать, будить мужа, выскочить в
окно, но потеряла голос и не смогла даже пошевели-

нуться. Сознание беспомощности и чувство стыда и страха охватили ее железными тисками. Она лежала затаив дыхание, покорная, растерявшаяся...

Как это случилось, она не могла понять. Вместо того, чтобы кричать или бежать, она перегнулась к мужу и прислушалась. Тот спал попрежнему крепко, выводя носом тонкие трели. И ее руки, вытянувшись в темноте, чтобы оттолкнуть Джако, — да, чтоб оттолкнуть его, — эти неверные руки, словно чужие, не спрашивая ее, вдруг обвились кольцом вокруг волосатой шеи непрошенного гостя и, словно готовясь к смертельной схватке, судорожно застыли... Ах, как это было противно сладостно, и непреодолимо!

Марго больше не заснула. Опустошенная душа и поруганное тело искали покоя и не находили его. Она пыталась оглянуться назад, чтобы хоть отчасти оправдать свалившуюся на нее напасть и понять причину той ужасной подлости, в которую она погрязла. Действительно ли виновата она и как ей быть?

И перед ее глазами выросла безвольная фигура Теймураза, умученного книжной мудростью, и невольно напрашивалось сравнение: слабенький муж, замучивший ее своим бессилием и бесплодной любовью, и звероподобный Джако — смелый, наглый, с медвежьей силою, дикарской душой, юноша телом, весь от первобытности, кусок самой природы. Теймураз многое знает, но сам никому ничего не может дать. Джако — круглый невежда, но он многое умеет. У мужа — широко открытый разум и глубокое образование; Джако — почти слепой и немой, у него лишь огромная воля и жажда жизни, он насыщен первобытной радостью, у него тонкая смекалка и инстинкт отличной охотничьей собаки. И в этом новом мире, суро-

вом и жестоком, книжник оказался беспомощным ребенком, поверженным бурей и отброшенным быстрым потоком жизни, а безграмотный детина чувствовал себя в своей тарелке, совершенно преобразившимся, — все творилось ему в угоду, все ему было на руку, ничто его не тревожило. И он жирел, а Теймураз таял, уступая ему свое место. Один потерял все и бежал от жизни, а другой собирал потерянное и только смотрел, что бы еще загрести.

О, бесспорно, Теймураз представлял своеобразное совершенство. Словно премированную лошадь, баловала и холила его жизнь. Но, в результате, получилась ничемная безделушка, вроде той, над которой терпеливый китаец высиживает годами и которая, по существу, никому не нужна. Она производит какие-то движения, мотает головой, но все это только забавно и быстро надоедает.

Джако же не ушел дальше десятого колена обезьяны и являл собою типичного обитателя непроходимых лесов кавказских ущелий. Его еще удивляли кирпич и стекло, вилка и нож, часы и карандаш. И вот, такой дикарь, кортавший дни в лесах и на пастбищах, а ночи в хлеву, со скотом, — он, вдруг, победил Марго, смял ее звериным прыжком, взял, потому что захотел.

Марго мечется в ужасе от только-что оставившего ее кошмара. Нужно искупить вину, нужно найти выход из создавшегося положения. Еще вчера ночью, там, на берегу Лиахвы, ей казалось, что проще всего смыть позор в мутных перекатах реки. Но невидимая рука удержала ее от этого шага. Смешно и глупо так рассчитывать за грехи! Даже девушки в таких случаях ведут себя умнее! Убить Джако? Но как же поруганному, измятому телу совладать с хихикающим насильником? Ведь

пальцем его не прикончишь! Оставалось одно — поведать все мужу и уговорить его бежать от такого гостеприимства обратно в город, с которым он порвал всего лишь несколько дней назад.

Но день прошел, а муж ничего не узнал. Она колебалась, решительность ее ослабевала, и чей-то голос и сейчас убеждает ее: „К чему все это? Зачем тревожить мужа? Ведь мужчина до конца своих дней не забывает о таких вещах, и тень Джако будет вечно терзать их своим присутствием“.

И для Марго стало очевидным, что со вчерашней ночи она — любовница Джако. Еще вчера она убивалась и угрожала ему, а сегодня только размышляет, чем все это кончится: оставит ли Джако ее в покое, или это только начало скверной истории.

Марго не была исключением среди женщин. В ее жизни случались моменты, когда она не прочь была бы изведать тайны запрещенной любви, обзавестись любовником. И ей легко было осуществить свое желание, находясь постоянно, в дни супружеской молодости, в окружении тяготевшей к ней молодежи. Но соблазн легко побеждался и она оставалась верной женой и покорной подругой скучного мужа, пока, так неожиданно, так глупо, не сделалась любовницей этого чудовища. И все это совершается почти на глазах мужа, у него под боком!

Но Марго не помышляла об измене и весь ужас так неожиданно обрушился на ее слабые плечи. Разве хотела она два часа тому назад нарушить супружескую клятву? Нет, это против ее воли руки обвили шею Джако и она отдала свое тело властному волосатому насильнику. Но Теймураз, мирно сейчас похрапывающий, — о чем думал он, поручая ее, молодую женщину,

этому дикарю? Почему так простодушно он верит ему? Или на кума можно положиться целиком?

Но уже поздно сопротивляться судьбе и защищать честь, проданную за кусок хлеба. Переезд в Нашиндари дорого обошелся Хевистави!

И зачем, вдобавок ко всему, нужно было напиться Теймуразу! Не случись этого, она, возможно, сумела бы вечером уговорить его уехать отсюда. А теперь... нет, теперь у нее не хватит сил. Она во власти Джако, и ей нужно подумать лишь о том, как бы скрыть свой позор.

Опять, как в ту ночь, вдали шумит Лиахва, лают собаки, пугая тьму, и шелестит в ветвях прелютренний ветерок...

Уже светает. Просыпаясь, зашевелился птичий двор: куры закудахтали, захлопали крыльями. А Марго все борется с сомненьями, мечется, но кажется, уже готова отступить в горячей схватке поруганной чести с взбудораженной плотью. Сердце отскочило куда-то в сторону и трепещет как щепка в расходившейся волнами крови и, как странно, Марго не узнает себя. Она точно пробудилась от долгой спячки и тянется весенним пышным цветом к ласкающему солнцу, жадно впитывая соки земли.

Босая, полунагая, с распущенными волосами, она выскочила на балкон. Ее открытое лицо почти спокойно, в глазах — откровение сладостного греха. Познавшие радость груди стали за ночь упругими, как весенние почки, и взволнованно тянутся к солнцу.

Но бессонная ночь дает себя чувствовать. Марго зажмурила глаза, устало улыбнулась прозрачному утру и потянулась, закинув руки над головой.

Миллионами алмазов блистают по траве росинки. В саду во дворе мычат коровы и телята, хрюкают свиньи,

визжат поросята, гогочут гуси и волнуется вся проснувшаяся тварь. Все это собирается в единый мощный исступленный гимн, без нот и дирижера, бессознательно славящий наступающий день.

Куры и цыплята окружили Марго и настойчиво требуют утренней подачи. А одетая в черный фрак с белым жилетом сорока вскочила на решетку балкона и тараторит что-то непонятное, мотая головой и подергивая хвостом.

Вдруг Марго увидела Джако. Он стоит в тени огромного чинара, усердно почесывая спину и жадно лоя ее, полунагую, горящими глазами.

Марго отскочила в сторону, прикрыв рубашкой грудь. Затем снова выглянула, улыбнулась, и, быстро повернувшись, убежала.

Вслед ей раздалось веселое ржание довольного жеребца, завидевшего кобылу.

— О-хо-хо, держись, Марго!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

— Марго, под... дымемся на башню, посмотрим долину старого Картли, — предложил как-то жене Теймураз. — Помнишь, ты любила прежде проводить там вечера. И Иване пойдет с нами. Захвати только бинокль.

Осторожно цепляясь за выступы дряхлых стен, они поднялись по витой каменной лестнице на вершину башни.

— Вот сердце Грузии! — сказал Теймураз, очертив пальцем круг в воздухе.

Гордо высится замок Хевистави над долиной. Внизу, с трех сторон, по склонам хребта расположилось большое село Нашиндари. Старинная стена широкой каменной лентой опоясала замок, главную башню которого, похожую на огромный каменный столб, никак не смогли снести ветры веков. Сколько лбов расшиблось о ее неприступность в былые времена, когда вражеские силы пытались вступать в борьбу с родом Хевистави и шли на Картли, орошая свою кровью несокрушимые бойницы.

Ограда вокруг башни уцелела, но ворота уже давно сорваны, и теперь вход в замок открыт каждому. Крестьяне пробовали было разобрать и ограду, но бросили эту затею, переломав напрасно стальные кирки и не получив цельного материала для стройки своих лачуг. Только крест удалось сорвать им с церкви, да разнести заброшенную виноградадавилню.

— Иване, а куда девался крест? — спросил Теймураз, заметив оголенный купол церкви.

— Сняли.

— Кто? Когда?

— Джако. В прошлом году.

— А где же ты был? Зачем ты ему позволил это сделать?

— А разве, Теймураз, спрашивали твоего позволения, когда раздевали тебя и других там, в Тифлисе? — улыбаясь переспросил расстрига.

Нахмурившийся Теймураз ничего не ответил и отошел к другому углу башни.

Широкая долина со всех сторон сжата хребтами. С севера, на всем протяжении Картли, высятся белоснежные громады Кавказского хребта; на северо-восточном горизонте, у истоков Ксани и Арагвы, словно библейский патриарх, восседает Казбек; на западе вздыбился седой Сабзела, а между ними расположились рядами Рокские и Рачинские массивы, образуя обширную площадь не то для рыцарских сражений, не то для танцев чудовищных мифов. Одни из них залегли в вековой неподвижности, другие застыли на коленях, третьи согнулись стоя, а четвертые, — те, что поотдаль, — словно завернулись в белоснежные плащи и стоят несменяемыми стражами. И вся эта необозримая громада изрезана бесчисленным множеством складок и ущелий, в которых курятся по утрам синие туманы.

Солнце заходит. Над вершинами Сурамских, Джавахетских и Боржомских гор облака сгрудились в пестрый хоровод и окрасились в чудеснейшие цвета, с редчайшими отливами. Солома и пламя, кирпич и медь, агат и гранат, золото и бирюза, — все это походило на гигант-

ски крылья устремившейся на запад сказочной птицы, пылающая голова которой клюет светло-лазоревого горизонта.

Одетые в длинные, зеленые чадры роц, Лиахва и Кура сверкают то расплавленной сталью, то оранжевым пламенем; по широкому карталинскому ковру пестрым шитьем полегли серенькие села, изумрудные сады, облысевшие бугры и зреющие нивы.

— Иване, взгляни на Картли. Это четвертая часть ис... исторической Карталинии — Грузии. От нее оторвали Ардаган, Бамбак, Казах, отрезали Самцхе, Джавахетию, Борчало, и теперь добрались уже до самого сердца — Тифлиса. Наша грудь оголена, ворота разрушены и дом наш открыт для всех, словно караван-сарай на большой дороге.

— Да, история расправилась с древней Карталинией...

— Несчастливая, кто только не топтал ее! Но было время, когда хоть великие народы мяли наши спины; а дальше этим ведь стал заниматься каждый, кому только не лень было зайти в чужой дом, чтобы прихватить парую кирпичей... Загляни-ка в историю, — там ясно написано: Карталиния всегда была Пруссией для Грузии, а где нынче эта Пруссия с пруссаками?

Теймураз тяжело вздохнул:

— Я их не вижу.

— А я хорошо вижу. Они идут сотнями и тысячами из наших же глубин.

— А я тебе говорю, что не вижу их.

— Не видишь, потому что не хочешь видеть. А я, живя здесь, знаю все лучше тебя. И вижу отлично, как мы растем и здоровеем. Народ прямо на глазах пере-

рождается: точно нива весенняя прет из земли. Вспомни хотя бы, как лет пятнадцать назад, ты хотел открывать школу в Нашиндари. Тогда приходилось уговаривать крестьян принять участие в этой затее, и они нас за это чуть камнями не забросали. А теперь по Картли уже десятки школ, а с осени и в Нашиндари откроем.

— Кстати, Теймураз, — заговорила молчавшая все время Марго, — не смог бы ты преподавать в этой школе?

— Да, я тоже хотел обратиться к тебе с этим предложением, — обрадовался Иване. — Это будет подходящим для тебя занятием и нашиндарцы очень обрадуются.

— Нет! — категорически отрезал Теймураз.

— Вот как?! — удивилась Марго.

— Ник... когда!

— Почему? — спросил Иване.

— Во-первых, не для того я прожил жизнь, чтобы з... закончить ее в сельской школе, поставив крест на своем прошлом. А, во-вторых, мне не по силам преп...подавать всякую фальшь и ерунду, которыми заполнены нынешние учебники. Педагог прежде всего должен сам верить во все то, чему он собирается учить других.

— Так, значит, ты предпочитаешь быть батраком Джако? — бросила ему Марго и, не дожидаясь ответа, направилась к лестнице. — Помоги мне спуститься, уже темно...

Теймураз не обратил внимания на ее слова и, повернувшись к жене спиной, уперся взглядом в далекий запад.

Темные тени уже ползли по долине Куры. С севера несло прохладой снегов.

— Пос... смотри-ка, Иване, — промолвил после долгого молчания дрожащим голосом Теймураз, указывая

в сторону Сурамских гор. — Как великолепно там, на западе!

И, вздохнув глубоко, прошептал про себя:

— И все идет оттуда: и культура, и мораль, и свобода, и мир...

— Уж будто все? — усмехнулся Иване.

— А разве в этом можно сомневаться? Нет, об этом не спорят.

— Ты идешь? — раздался из темноты голос Марго.

Он опять не отозвался и не заметил, как расстрига отошел помочь Марго спуститься с лестницы.

Прижав руки к груди, Теймураз пристально уставился в темнеющую даль.

На второй день, по приезде супругов в деревню, Джако и его гости зажили по новому.

Джако вообще не отличался трудолюбием. Он только умел командовать, запрягая в работу свою родню и знакомых. С тех же пор, как в его груди поселилась страсть к Марго, он и вовсе перестал прикасаться к работе, избегая появляться в полях или садах.

Но орать не уставал. Наоборот, его голос теперь чаще и громче оглушал село с высоты балконов и узких окон:

— Тура, увалень паршивый, чего ползаешь!.. Кешела, Гиба, шевелитесь, скоты ленивые!

Сам же, целыми днями, словно гусак, расхаживал по двору, или, заложив за спину ленивые руки, наблюдал с балкона за рабочими, бросая им приказ за приказом.

Устав кричать, он валился в тяжелое, мягкое кресло, лениво отравляя воздух махоркой и чухался в нем, как боров в грязной луже.

Жену свою — забитое безмолвное существо — в последнее время он особенно не миловал. Не в меру нагружал ее тяжелой работой, оскорблял и унижал на каждом шагу, не давал ей ни минуты отдыха, понукал как лошадь, придирался из за каждого пустяка, а чаще всего без всякого повода.

Располагая отличным рабочим скотом, несколькими арбами и здоровыми мужчинами в семье, Джако упорно придерживался варварского обычая: взвалив, например, на тощую жену мешок с пшеницей, он гнал ее на мельницу, покрикивая вдогонку:

— Ну, иди быстрее, а то, смотри, плохо тебе придется.

И, согнувшись втрое, склонив голову низко к земле, несчастная женщина плелась к далекой мельнице, изнемогая от усталости. У нее постоянно болели ноги и спина, но она не жаловалась на это, предпочитая молчать, ибо заранее угадывала привычный ответ Джако:

— Собака от хромоты не подохнет. Ну, проваливай!

После встречи с Марго, он окончательно возненавидел жену. Все, что она ни делала, ему не нравилось: ни ее стряпня, ни вязанные ее руками носки, ни ее разговоры, ни молчание, ни походка...

Как-то Теймураз не выдержал и заметил ему:

— Джако, поч... чему ты мучаешь жену! Она у тебя совсем заработалась.

— А для чего бог создал женщину, если не для работы?

— Времена не те, Джако.

— Плевать на времена, нужно работать.

— Слушай, Джако, мы все об... бязаны работать, но женщина слабее нас и ее не следует очень утруждать.

— Что такое? Женщина слабее мужчины? О-хо-хо! Ничего ты в этом деле не понимаешь! Это вы, в городе, испортили, избаловали женщину, а у нас она должна работать.

— Неужели тебе не жаль Нину?

— Жалость выдумал баран, когда попал волку в лапы, а вы, ученые, записали это в книгу.

— Что за дичь ты несешь! — не выдержал Теймураз.

— Дичь, не дичь, а только это так и есть. Джако плохо не скажет. Хо-хо-хо!

— А ты знаешь, что по новым законам женщина и мужчина равноправны?

— Они равноправны только в постели, а-ха-ха!

— В таком пришибленном положении женщину держат только мусульмане.

— И это знает Джако. Молодцы мусульмане, настоящие мужчины!

— Но ты ведь православный?

— А как же, конечно, православный!

— Так вот, послушай. В евангелии сказано...

— Знает Джако, знает, что там сказано. Джако женился три раза и священник три раза говорил, что жена должна бояться мужа, а муж должен держать ее в кулаке, вот так!

И Джако так потряс и стукнул тяжелым кулачищем, словно зажал и хотел раздавить камень.

Убедившись, наконец, что волку объяснять евангелие бесполезно, Теймураз перестал заступаться за Нину. А Джако, поручив ей прислуживать Марго, поминутно напоминал:

— Нина, помоги барыне снять туфли!.. Приготовь ей воды!.. Вычисти княгине платье! Быстро!

Марго пыталась умерить услужливость Джако и несколько раз попробовала было отказаться от услуг Нины, но Джако это так взбесило, что он пуше прежнего стал понукать женой и в конце извел несчастную женщину.

И когда она окончательно свалилась, он сам поставил ей диагноз, определил болезнь и прописал рецепт: посадив Кешелу на лошадь, он погнал жену пешком в Рокское ущелье, к родителям, для лечения горным воздухом.

Избавившись от жены, Джако стал играть в открытую: с утра до вечера он твердил только о Марго, помнил только ее, услуживал ей без конца и, ни на кого не взирая, обратил ее в свою повелительницу, а всех остальных в ее слуг и рабынь.

— Твоя княгиня плохо одевается, — сказал Джако Теймуразу и сейчас же предложил: — Джако даст тебе взаимы, и ты приодень ее, а то тебе же неудобно.

Теймураз обрадовался:

— С... спасибо, Джако, большое тебе спасибо. Долг я возвращу в двойном размере.

„Ох, и глуп же ты!“, — подумал про себя Джако, дымя длинной трубкой.

— Никогда я не забуду твоей ус... слуги, Джако, — продолжал расчувствовавшийся Теймураз, — улыбнется же мне когда-нибудь с... судьба. А пока, слушай, расскажу тебе новость. Вчера получил из Тифлиса известие...

И преподнес Джако свежую утку о том, что ровно через десять дней большевики уходят из Грузии.

Приняв новость в одно ухо и выпустив ее в другое, Джако подумал про себя: „Вот идиот! Он думает, что обрадовал меня. Но Джако очень хорошо понимает, что если это случится, то придется возвращать и дом, и сад, и землю, а самому убираться во-свояси, в Джавские горы. Но нет, шалишь, этого не будет!“

Пустив слезу благодарности, Теймураз обрадовал и Марго:

— Вот, видишь, какой благородный человек, этот Джако. Он оказался настоящим джентльменом... Придет время и я отблагодарю его как следует за такое одолжение. Скоро это будет, очень скоро. Я уже слышу шаги...

Вечером Джако сказал Теймуразу:

— Ты останься и присмотри за хозяйством, а я завтра повезу княгиню на станцию и там подожду, пока она вернется из Тифлиса.

На другой день Джако и Марго уехали, а Теймураз вступил в исполнение непривычных обязанностей, мешая всем и уговаривая каждого:

- Кешела, надо напоить скот.
- Уже напоил.
- Гиба, вымети хлев.
- Вымел еще утром.
- Марта, н... надо подоить коров.
- Да эти недойные...

И втихомолку все посмеивались над князем, которому казалось, что он, наконец-то, взялся за дело.

По вечерам Теймураз подымался на башню и по долгу смотрел на запад, заслоненный Сурамским хребтом — таким же молчаливым, мрачным и равнодушным, каким он выглядел в течение многих веков.

Джако с Марго вернулись через неделю.

Увидев закупки, Теймураз изумился.

— Марго, да ведь этого тебе х...хватит на несколько лет. Как же мы рассчитаемся с Джако?

— Ничего, заплатим, — успокоила мужа Марго. — Я встретила Сандро Шивашвили.

— Ну, и что же?.. Да говори же скорей, говори!

И, разузнав новости, побежал скорее к расстриге, чтобы почесать язык и дать волю взбудораженной фантазии.

Посмотрев ему вслед, Джако улыбнулся и сказал:

— Знает Джако, как ты будешь платить долги! Ничего уже с тебя не возьмешь. Джако одел княгиню и кончено! Хо-хо-хо, ничего не понимает княжеская голова!

Помимо купленного для Марго, Джако привез из города тюки мануфактуры, обуви, домашних мелочей и крестьянских товаров, которые из-под полы он принялся продавать сельчанам, сдирая с них такие цены, какие не снились даже самым отъявленным барышникам.

Марго за месяц пребывания в гостях у Джако настолько изменилась, что это стал замечать даже Теймураз, вообще очень редко что-нибудь замечавший.

— Уд...дивляюсь, — говорил он жене, — чему приписать такую перемену? Прямо не узнаю тебя!

И впрямь, Марго выглядела прекрасно. Ее потускневшее и несколько одрябшее было тело, стало снова упругим, налилось кровью и покрылось легким летним загаром; взгляд оживился, под подбородком образовалась легкая складка, грудь поднялась выше, бедра округлились

и все движения приобрели девичью легкость и эластичность.

„И что ей так пошло впрок?“—раздумывал Теймураз и уверял себя: „Вероятно тихая деревенская жизнь, здоровый воздух и отличное питание. Все это делает чудеса“.

А Джако посмеивался в душе и наедине шептал Марго:

— Это Джако знает, как делать чудеса: воздух, пища и... сильные руки! Еще бы! Джако заколдовал тебя, принес тебе талисман, и ты опять стала живая, поправилась. Да, да, это все оттого.

А Теймуразу, лукаво улыбаясь, говорил:

— Женщина — это сад, его нужно поливать, иначе он высохнет.

И, ненасытный, он все чаще и решительнее преследовал женщину. Забирался к ней в комнату, ловил ее то где-нибудь за грудой огромных корзин, то настигал в саду, а то, просто, затаскивал в амбар или на чердак.

Постоянные прогулки Теймураза были ему на руку. А если тот иногда надолго засиживался, то Джако всучивал ему в руки ружье или удочку и говорил:

— Кум, Джако очень хочется свежей рыбы.

Или:

— Княгиня хочет сегодня скушать перепелочку.

— Сейчас, Джако, с... сейчас пойду, — отвечал Теймураз, довольный тем, что может услужить и жене и хозяину.

Возвращаясь, Теймураз зачастую заставлял их вместе. Еще издали он слышал ржанье Джако и веселый смех жены. Завидев его, они расходились в разные стороны, как-бы избегая при нем показываться вместе.

Не замечая всего этого, Теймураз не делал никаких выводов, предпочитая размышлять и делать сложные выводы из сложнейших ситуаций послевоенной эпохи.

Однажды Джако заявил Марго:

— Не годится тебе жить в плохой комнате.

И в тот же день притащил ей откуда-то пышные ковры, тонкие паласы, шелковые занавеси, мягкие кресла, зеркало в позолоченной раме, мраморный умывальник и широкую английскую кровать.

Марго не находила места от радости. Бегала, смеялась, шалила и, убрав комнату, и не зная как отблагодарить любезного хозяина, повисла на засаленной шее Джако, смеясь и приговаривая:

— Джако, мой хороший, мой славный!

Подхватив Марго на руки, Джако расцеловал ее:

— А как же! Для своей княгини Джако готов сделать все!

Теймураз вернулся с реки с парой рыбешек. Он не узнал комнату и, протерев глаза, воскликнул несколько раз:

— Вос...хитительно!

Но осмотревшись как следует, он узнал свою мебель, ту самую, которую, по словам Джако, реквизировали местные власти.

Подняв палец кверху, он спросил:

— Где же до сих пор была эта мебель, Марго? Ведь Джако все сваливал на крестьян и уездную власть, говорил что они ее похитили.

— Молчи, Теймураз, неудобно. В конце концов мы здесь только гости; Джако же заслуживает благодарности уже за то, что постарался все это собрать и сохранить

для нас. Ведь ты сам видишь, что он не пользуется нашей мебелью.

— Да, ты права, — согласился Теймураз и вечером, пожав руку доброму хозяину, сказал: — Джако, ты ч. . . чрезмерно к нам добр. Я твой вечный должник и, право, не знаю, когда и чем смогу тебе отплатить за все.

— Джако не нужно благодарить. Живи себе на здоровье, лови рыбу и стреляй перепелов.

После этого дня Джако осмелел окончательно и начал вносить в свои комнаты картины и бронзу, атлас и бархат, фарфор и шелк и массу мелких безделушек, о которых давно забыли супруги Хевистави.

Но главных ценностей, когда-то собранных самим Теймуразом в дубовый сундук, так и не было видно. Грабители, „похитившие“ этот сундук, упорно не возвращали его хозяину, а Джако, много лет искавший их следы, ни одного слова не мог прибавить к тому, что он уже сообщил однажды хозяевам в Тифлисе.

Как-то вечером, сидя на балконе, Теймураз в десятый раз перечитывал древнюю „Книгу мудрости и лжи“ Орбелиани. Джако накануне уехал на чью-то свадьбу. Вдруг у ворот одновременно заржали лошадь и Джако.

— Гай, га-а-а-ай! Держись Джако!

И вороной конь, весь в пене и мокрый, храпя и взрывая копытами щебень, вихрем ворвался во двор.

Осадив лошадь перед балконом и завидев в окне Марго, Джако заулыбался, сорвал с себя папаху и гаркнул на весь двор:

— Здравствуй, дорогая княгиня!

Но, заметив перегнувшегося через перила Теймураза, быстро сгладил оплошность:

— Здравствуй князь, как ты себя чувствуешь? Со-
скучился я по тебе.

— Здравствуй, Джако. Ты, кажется, в..выпил?

— Да, малость хватил. Бутылочек десять, не боль-
ше, хо-хо-хо!

Скатившись с лошади, он бросил поводья подбе-
жавшему Мешта.

И вдруг Теймураз увидел на коне роскошную сбрую: вы-
сокое седло, нагрудник, стремяна. Все было мастерски сде-
лано из старинного чеканного серебра, крытого позолотой
и сотнями мелких и крупных драгоценных камней. Особенно
выделялся широкий нагрудник, середину которого украша-
ла золотая семилучевая брошь, величиной с ладонь, усы-
панная алмазами, изумрудами и бирюзой, оправлявшими
огромный кровавый рубин, — военная добыча предка Тейму-
раза в столице Индии, Дели, в начале восемнадцатого
века, когда Надир-Шах покорил и до чиста ограбил Индию.

По этому поводу Теймураз в свое время написал
исследование, утверждая, что славный вождь Чолока-
швили, — ворвавшийся первым с отборным грузинским
отрядом на стены Герата и Кандагара и решивший судь-
бу Индии, в битве около Дели, — происходил по матери
из рода Хевистави. Далее он доказывал, что персидский
шах Ага Магомед Хан, напавший много лет спустя на
Тифлис, разрушил все дворцы не только по дикой злобе, а
также с целью отыскать этот самый рубин и знаменитый
бриллиант царя Ираклия, добытый им в том же Дели, в
кровавую ночь восстания, которое обошлось индусам в
тридцать тысяч жизней и всех сказочных богатств, на-
копленных на протяжении бог весть скольких веков.

Но скопец-шах не нашел ни того ни другого. Брил-
лиант исчез бесследно, а рубин был подарен Ираклием

прадеду Теймураза за усмирение бунта князей Эристави, и ныне сиял на груди вороного коня Джако Дживашвили.

Затарактев по лестнице, Джако ввалился к себе и заперся на ключ. Мешта увел лошадь на задний двор. А Теймураз стоял и вспоминал, как Джако, собираясь вчера на свадьбу, до тех пор не выехал со двора, пока не услал его на рыбную ловлю. Ясно, что он не хотел показать ему дорогого убранства коня, а теперь, с пьяных глаз, наскочив на хозяина, должно быть обдумывает, как выйти из положения.

Но это не все. Важно еще то, что нагрудник от сбруи лежал как раз в „похищенном“ сундуке. Теймураз это помнит отлично, так как он сам положил его туда. Очевидно и остальные ценности хранятся у Джако.

Оббегав весь дом, Теймураз, наконец, нашел Марго. Она вышла из комнаты Джако, смущенно заметив:

— Бедняга, он так пьян, что не узнает даже себя. Я дала ему воды.

Но Теймуразу в этот момент было безразлично почему Марго находилась в комнате Джако.

— Ты в...видела? В...видела рубин?

— Рубин? Какой рубин? Ах, да...

Ну да, она видела и знает все. Джако отыскал след этого седла, только седла. Все же остальное погибло безвозвратно. Отыскав рубин, Джако перекупил его, под страхом строжайшей тайны, за сто коров.

— Ты представляешь, какая чудовищная плата! — нервничала Марго. — Но обиднее всего, что теперь мы не имеем на него никаких прав. Если власть узнает о существовании рубина, он будет навсегда потерян и для Джако и для нас. Если же он останется у Джако, то

останется какая-то надежда когда-нибудь получить его обратно. Не правда ли?

— Ты п...права, Марго.

— Значит, нам нужно молчать.

И Теймураз замолчал.

С некоторых пор Джако стал обращать внимание на свою внешность.

До приезда Марго он ходил весь засаленный, взъерошенный с невымытым лицом и грязными руками.

Марго взялась за него:

— Джако, вымой голову! Джако, иди умойся! Не забывай каждый день чистить зубы! Перемени белье! Сбрей бороду! Перестань сморкаться в руку!

Тот иногда пробовал огрызаться:

— Джако некогда каждый день чистить зубы! Как можно в неделю два раза менять белье! Джако каждый раз забывает платок...

Но все же привыкал к опрятности и постепенно стал походить на человека.

Будучи в Тифлисе, Марго затащила Джако к зубному врачу, и тот привел в порядок его зубы, походившие на заржавленные грабли. Затем она, почти силой, заставила его купить новую чоху, материал на белье, туалетное мыло, приличные сапоги, фабричные носки, носовые платки, зубную щетку, книги, тетради и кое-что из письменных принадлежностей.

Джако бурно протестовал, поражаясь дороговизне цен, размахивал руками, наполнял магазины руганью и называл ростовщиками продавцов, которые требовали за тетрадь три копейки.

— За три копейки Джако целый час работает, понимаешь, целый час! Это грабеж! Нельзя так обирать бедных крестьян!

Марго спешила уводить „бедного крестьянина“, но через несколько минут он затевал ту же сцену в другом магазине.

Сельский цырульник теперь посещал Джако через день и пыхтел в течение часа, пока ему, наконец, удавалось соскрести с лица клиента неподатливый, жесткий кустарник. После этой операции Джако терял свой медвежий облик и походил на бритую обезьяну.

Вонючая махорка также стала выходить из обихода Джако. Теперь он баловал себя сухумским табаком, из которого Марго готовила ему папиросы.

Просидев недели две, она сшила ему белье и арха-лук, нарядила его во все новое, навесила на него оружие Хевистави и сказала:

— Ну, посмотри теперь на себя и вспомни как ты выглядел прежде. Совсем изменился и, небось, сам нравишься себе?

Джако подошел к зеркальному шкафу и заржал от удовольствия:

— Да, вот это настоящий человек! — гаркнул он, рассматривая себя в зеркале. — Совсем похож на князя!

И он долго беседовал со своим двойником, то размахивая руками, то угрожая самому себе, то улыбаясь, то хмурясь, то показывая язык. Принимая перед зеркалом различные позы, он старался изобразить свирепое лицо и принять надменную осанку, — таким рисовался ему образ настоящего князя. Марго еле оторвала его от зеркала, которое устало кривляться и отражать нового претендента на княжеское место.

Затем Джако вышел из дому и, подбоченившись, стал обходить село, как новый владелец Нашиндари, стараясь вызвать к себе уважение, почет и страх.

— Ну, каков Джако, а? — спрашивал он, появляясь во дворах. — А вот скоро Джако научится грамоте, тогда держитесь!

И засев за азбуку, он усердно потел часами:

— А-а-а, бе... баня... бандура...

Спустя неделю, он уже ковырял в тетради вершковыми буквами: „Джако очень любит княгиню Марго“.

Постигнув премудрость соединять буквы, он вытащил из шкафа кучу палок и палочек — всю свою сложную бухгалтерию, на которых надрезы означали счета дебиторов, а длина палочки — соответствующий контокоррент.

Усевшись за стол и разложив перед собой эти счетные орудия, он принялся менять систему бухгалтерии, переписывая с палочек в тетрадь: „Гибя Пухашвили должен Джако девять пудов кукурузы, три мешка капусты, семь пудов пшеницы, восемь ячменя, а всего... — и, пропотев с полчаса над пальцами, подсчитал и записал: „а всего двадцать семь“.

Пустяки, что эти „двадцать семь“ состояли из пудов, мешков и прочих неслагаемых в одно измерение!

Имелась в бухгалтерии Джако еще другая книга, с более правильными записями и с меньшим количеством неточностей, — это его память, которая никогда ему не изменяла, за исключением лишь тех случаев, когда он сам хотел о чем-нибудь забыть или кое-что изменить.

Переписав последний счет: „Соло Гелашвили заплатит мне два пуда фасоли, а вдова Тваури четыре мотка шерстяных ниток“, он так вздохнул и крикнул, точно вспахал десятину земли:

— Конец делам! Теперь Джако ученый человек и уже никто его не проведет! Главное, Джако бухгалтерию выучил! Берегись теперь, Ниника!

Затем обратился к Марго:

— Пожалуйста, напиши в Тифлис, чтобы присылали газеты. Нужно законы советские знать и все что делается на свете, а то так не годится. Вот Ила и Ниника все знают, а бедному Джако стыдно перед народом. Пожалуйста, напиши сейчас же.

Родня Джако все знала и молчала, а Теймураз ничего не замечал и попрежнему ловил рыбу. С утра он уходил на Лиахву, возвращался на полчаса к обеду и снова отправлялся к реке, чтобы к вечеру принести с фунт рыбешки и похвастаться своей удачей.

Изредка он ходил на охоту, чтобы пострелять перепелов, сорок и ворон. Бывал с крестьянами в полях и только мешал им работать. Бродил без всякой цели по рощам, заглядывал на гумна и увлекался собиранием коллекций насекомых, минералов и полевых цветов.

— При случае м... можно будет продать за приличную цену, — обнадеживал он себя.

Крестьянские ребятишки посмеивались:

— На букашках и лопухах захотел заработать. Раз так, нужно ему помочь.

И со всех сторон тащили ему улиток, жуков, козявок, всякие цветы и травы и все, что попадало под руку.

Копаясь часами в справочниках, Теймураз размещал экспонаты по местам и помечал их латинскими, грузинскими и русскими надписями.

Когда же и это занятие ему надоело, он принялся за садоводство. Но, пропотев несколько раз и облепив руки волдырями, по-прежнему продолжал бродить без цели по окрестностям и бездельничать. Заглядывал во все уголки села, заводил бесконечные споры то с попом-расстригой, то с случайно захавшим учителем из соседнего села, вразумляя и поучая их до тех пор, пока язык не отказывался работать, а челюсти ныть от утомления. Непонятно, каким образом Теймураз обзавелся новой привычкой: если ему не удавалось найти собеседника, он принимался беседовать и спорить с самим собой; возражал себе, жестикулировал и, поправляя пенсне, восклицал, призывая на помощь указательный палец:

— Нет, это ведь просто пор...разительно!

Наблюдавшие за его беседами с самим собой крестьяне не могли удержаться от смеха, а Теймураз, завидев их, конфузливо улыбался и шел дальше. Иногда он не замечал их смеха и острот и продолжал свои рассуждения, вызывая уже открытое хихиканье и град оскорбительных замечаний.

По праздникам и в предпраздничные дни он противился в крестьянские толпы и принимался читать им лекции о судьбах человечества, об исторической закономерности событий, о нашей отсталости и о счастье цивилизованных народов. С упоением рассказывая о чудесах техники и науки, о виденном и читанном, и проповедуя единение, братство и свободу, он сводил каждую беседу к одной основной цели: внушал идею необходимости сближения с Европой и усвоения ее цивилизации.

— Иначе — пустота и неминуемая гибель!

Крестьяне слушали его с разинутыми ртами и удивленными глазами, изредка переспрашивая:

— Да неужели же там так свободно разгуливают под водой?

— Да!

— И по воздуху целыми днями летают?

— Да, летают, а мы за ними на арбах гоняемся...

— Возьмем, например, Германию, — продолжал Теймураз. — Климат там куда хуже нашего, а урожай — втрое больше чем у нас! А отчего это? К... культура!

Но Теймураз был понятен сельчанам до тех пор, пока удивлял их рассказами о технических достижениях заграницы. Но едва он начинал рисовать им сложнейшие политические перспективы, как в их неискушенных головах все перепутывалось, и сам он начинал сбиваться, теряясь в противоречиях фактов, в догадках и предположениях.

Теймураз никак не хотел согласиться с тем, что жизнь бежит настолько стремительно, что он с каждым днем отстает от нее и все его понятия о ней, сложившиеся в совершенно иной обстановке, потеряли теперь всякий смысл и практическое значение; что величайшие общественные сдвиги запрудили своей мощью русло прежней жизни и бурным потоком рвались, смывая все на своем пути.

Этому потоку давно уже уступил Теймураз. Но он упорствовал и, словно выброшенная на песок рыба, бессильно барахтался, пытаясь утешать себя и других:

— Ничего, продержимся! Я еще жив! Мое время еще придет, и тогда мы отличим врагов от друзей!

Но трещинка в голосе делала его заверения мало убедительными даже для самого себя, и он уже начинал болеть сомнениями относительно своих надежд и планов.

Так или иначе, счистив с души ржавчину и успокоив чесотку языка, он направлялся к себе, а крестьяне, провожая его взглядами, говорили сокрушенно:

— Н-н-да! Когда-то был большим баринoм, а нынче вот заделался приживалом...

— Жаль все же его...

— Это время так скрутило его, а то жил бы себе и сейчас припеваючи.

— Какой чорт жил бы! Он уже давно все распродал...

— Только дом с садом, да виноградник, оставались. Быстро промотал бы и это.

— А, смотри, от своего все же не отказывается. Все надеется, что Джако вернет ему имение.

— Ну, чорта-с два!

— Землю вернуть? Подохнем, а вершка не уступим.

— Будет!

— Довольно!

Но все же жалели его и особенной ненависти к нему не питали. Даже ценили его познания и часто обращались за советами:

— Господин Теймураз, оказывается новый закон вышел о земле. Ты бы растолковал нам его.

— Никаких ваших новостей я не признаю и ничего не хочу о них знать.

— Почему?

— Потому что законы пишутся на бумаге, а жизнь идет своими путями, и всем этим законам грош цена.

— А не поучил бы ты нас, как лучше землю удобрить?

— С уд... довольствием.

И читал им такую сложную и отвлеченную лекцию, с которой в пору было бы выступить на каком-нибудь научном съезде:

— Эта теория удобрения называется законом Либиха. Растения нуж... ждаются, главным образом, в азоте, извести, фосфорной кислоте и калии.

— Непонятно что-то... А скажи: чего бы такого подсыпать земле?

— Гуано и навоз.

— А где его взять этот самый гуано?

— В Ам... мерике.

Крестьяне переглядывались, почесывались, а затем кто-нибудь все еще допытывался:

— Навоз мы вот вывозим в поле, но, говорят, что он теряет силу, потому что не так мы его содержим. А как его держать, мы и не знаем.

Теймураз тоже не знал, как не знал он вообще многого, и все же упорно советовал вместо буйволов обзаводиться упряжными лошадьми, заменять арбы фургонами и разводить швейцарских коров взамен местных, малодейных, но выгодных. То, что интересовало крестьян, оставалось без ответа, к остальным же его советам они отнормились с опаской и недоверием.

II

— Ну, как у тебя со службой? — спросил Джако Теймураза.

— С... службой? Ах, да, совсем упустил из виду, — виновато ответил тот.

Через неделю, в летнюю душную пору, Теймураз отправился в Гори. К вечеру с трудом добрался до

уездного города, а через два дня, собравшись в обратный путь, повстречал Иване и подсел к нему в арбу.

— Плохо, погибаем, — начал Теймураз.

— Напротив: растем, оживаем, — ответил Иване.

— Все это глупости, Иване, ошибаешься ты. Мы все растеряли: свои души, свой стиль, свой быт и скоро от нас ничего не останется.

— Нация бессмертна, Теймураз.

— Бессмертны только мистические бредни, а в вечное теперь не верит даже влюбленный студент. И когда-то еще наступит пора умирания прочим нациям, а мы, грузины, уже на исходе.

— Не верю я этому. А если даже и так, разве не безразлично все это для человечества? Оно-то ведь не сгинет.

— Человечество! — иронически воскликнул Теймураз. — Ты говоришь так, будто и впрямь оно существует.

— Ну не человечество, так классы существуют, пролетариат...

— Пролетариат! — злобно усмехнулся Теймураз. — Я знаю только интересы моего народа.

— Но кто работает для человечества, тот работает и для своего народа.

— Не п... правда! Кто работает для своего народа, тот работает для человечества и надо помнить о себе, чтобы жить для д... других. А мы — и грузины и русские — умеем жить только для других, а про себя забываем.

— Брось это. Вот ты скажи лучше: почему ты сам перестал работать?

— Почему я перестал? — взволнованно воскликнул Теймураз. — А разве я, несчастный наймит, могу теперь

р... работать и заниматься вопросами культуры? Я отдал своему народу все, что имел, а что получил взамен? Нищенский мешок, да право на голодовку.

— Да, тяжело тебе... понимаю.

— Недоверие, неб... благодарность и суд глупца — вот мой, и каждого общественника, удел!

— А разве тебе запрещено работать? — усомнился Иване.

— Да, своим делом мне не позволяют заняться, а до чужого я сам не дотронусь. У меня есть своя совесть и только ей я послушен. Разве это допустимо, когда теперь провизор правит машиной, а машинист распоряжается аптекой. Один давит людей, а другой их травит. Я так не могу, не могу!

— Нужно все это себе уяснить, нужно подчиниться новым требованиям жизни.

— Иначе говоря, искалечить себя? — и Теймураз привстал на одно колено.

— Зачем? Просто научись молчать.

— Ты прав, мой друг, надо молчать, ибо в наш век молчание единственная м... мудрость и величайшее из всех искусств. Замкнутые уста и рука, голосующая „за“ — действительно, лучшее доказательство лояльности и единственное спасение от голодной смерти.

— Да, и ты должен поступить именно так, — советовал Иване.

— Легко сказать! Но ты согласишься, что примириться с этим странным миром, значит вовсе оглупеть, оглохнуть, ослепнуть, потерять всякий вкус и осязание жизни! Глупца все любят, шут безопасен, умного же боятся и травят. А-ах, как хорошо было бы оглупеть! — и дрожащим голосом он еще раз повторил: — Да, да! Надо оглу-

петь, оглохнуть, ослепнуть! Но как это сделать? Я не могу. У меня ничего не выходит.

Иване улыбнулся и сказал тихо, почти ласково:

— Теймураз, но ведь ты уже пошел на это. Ты уже сделал себя и глухим и слепым, чтобы не видеть и не слышать ничего хорошего в том, что создается сейчас вокруг. Ты вооружился микроскопом и обязательно хочешь превратить муху в слона.

— Оставь, Иване, свои шутки. О каком созидании ты говоришь, о каких прелестях?

— Статистика показывает, что мы...

— Не говори мне о статистике, не надо! — перебил его Теймураз. — Пойми, наконец, что мир не видел более низкой проститутки, чем эта самая госпожа статистика, умудряющаяся одновременно отдаваться двум десяткам желающих. Но проститутка хоть отдает то, что имеет, а твоя статистика торгует воздухом с потолка. Нет, ты укажи мне, что мы имеем р... реального, чем мы действительно можем похвастаться?

— Очень многим. Посмотри вокруг себя и ты многое увидишь. Например, у нас в прошлом году провели канал, орошающий теперь пятьсот десятин, от ростовщиков мы отделались, с кулаками ведем борьбу, агрономов пригласили, ликвидируем безграмотность. В одном только нашем районе открыто десяток школ, а с осени и в Нашиндари будем иметь школу.

— Школы! А кому нужны ваши школы? Плодить грамотных нищих? Мало утешительного. От р... ростовщиков отделались? Ложь, крестьянин все равно продолжает платить по двести п... процентов. Агрономы? Да ведь это же фрак на босяке! С кулаками, говоришь, борьбу ведете? Так запомни: через несколько лет к... ку-

лаком будет объявлен всякий, на ком уцелеют штаны. Так-то, запомни...

— Остроумно, но не убедительно. Хорошо, запомню, но факт остается фактом: работа идет во всю.

— Да, работа идет до одури над р. . . разрушением. В одном месте строите, а в десяти рушите.

— Ну, знаешь, мы очевидно говорим впустую, и ты из упрямства не хочешь отличить белое от черного.

— Да, мы не понимаем друг друга, потому что вы, апостолы, сулите всем райское блаженство, которое неизвестно когда еще осенит нас, а народ пока что видит только нищету, чахотку, сифилис да всякую прочую напасть. Мы живем в каком-то исступлении и, погибая сами, кричим о спасении человечества. Не научившись строить еще отхожих мест, заедаемые вшами и ленью, мы лезем штурмовать небеса и, неизвестно, до чего добеснуемся.

— Нет, Теймураз, мы не лентяи и никогда мы не работали так много, как работаем сегодня.

— И, тем не менее, ухитрились создать небывалую армию нищих и г. . . голодных!

— Неправда, нашу работу отрицать нельзя, как нельзя отрицать и того, что мы сейчас с жадностью отдались учебе.

— Этого я не отрицаю. Мы учимся, но никогда мы не были такими надеждами, какими стали теперь.

— Теймураз, подумай, что ты говоришь! Я, быть-может, по сравнению с тобой неуч, но согласись, что я могу подмечать такие истины, которые ты просто не желаешь видеть. Скажи пожалуйста, ну, возможно ли, разрушенную войнами и революцией страну восстановить на второй же день?

— Революция тянется уже восьмой год. . .

— Французская продолжалась еще дольше.

— Но там народ уже через пять лет ожил, а что наблюдается у нас?

— Франция грабила весь мир, а мы д... думаем только о том, чтобы нас не трогали.

— Ха-ха-ха! Только об этом? Наивно! Все это сказочки...

— Да, Теймураз, с тобой творится что-то неладное. Ты походишь на человека, попавшего под обвал. И вот барахтаешься, бредишь, орешь, потеряв от страха здравый разум.

Теймураз замолчал. Потом заговорил снова, понизив голос:

— Может быть ты и прав, Иване. Революция действительно придавила нас. Февраль сбил с ног, октябрь окончательно смял.

— Кого „нас“?

— Всех.

— Фу, ты, дьявол! — выругался Иване в сторону и снова повернулся к спутнику.

— У тебя душа потемнела, Теймураз. И лучше освободись ты от этой накипи, чтобы она в конце не заела тебя.

— Уже заела, — жалобно промолвил Теймураз. — Я з... знаю себя: лечить меня трудно. Господи, когда все это кончится!

— Все зависит от тебя самого. Живи с народом, понимай его, помогай ему — и ты почувствуешь облегчение.

— Ка-а-ак! — изумился Теймураз, — я должен мыслить, как эти невежественные и пришибленные скоты? Кто же за кем, по твоему, должен следовать: я за ними, или они за мной? Нет, в хвосте этой баранты ты меня не увидишь.

— Увижу и за хвостом, если ты и дальше будешь так же упираться. Очевидно ты переучился, Теймураз, и сам толком не знаешь, что тебе нужно.

— Нет, я знаю и многое мог бы сказать, но...

— Но предпочитаешь клеветать и проклинать свой народ, понося его на каждом шагу и ни во что не веря. Так ты не проживешь. А все это оттого, что кроме своего кабинета да книг, ты ничего не видел. Вокруг себя ты не замечаешь ничего, кроме мертвечины и уходящих теней. Ты способен видеть только сваленные бурей, сгнившие дубы и отворачиваешься, как доживающий последние дни старик, от весеннего солнца, от молодых порослей дубняка, мощно выпирающего после беспощадно выкорчевавшего все урагана.

— Все это трескучие фразы.

— Твоему взору всюду мерещится только пустыня...

— Да, бесплодная, тоскливая пустыня.

— А интересно, как бы ты поступил, если бы власть попала в твои руки? Первым делом, вероятно, стал бы „подумывать и обсуждать“, а затем, не замедлил бы, открыв все ворота, доверить судьбу своего народа чужестранцам, которых ты ненавидишь только на словах. Ведь ты считаешь за лучшее попасть к ним в рабство!

— Да, культурного, сильного чужака, пожалуй, я не стал бы обходить.

— Так, поверь мне, что он скорее сглотнет тебя, нежели те, которых ты так чураешься и поносишь на каждом шагу. Теймураз, ну скажи откровенно, разве я не прав?

Теймураз приподнялся в арбе, словно осененный новым откровением, и, устремив палец кверху, нерешительно произнес:

— Пожалуй, да. Ты прав, да. Сильный опаснее слабого. Это верно.

— Значит согласен? Тогда что же осталось от остальных твоих мудрствований? Пустое место! Так прекрати бесноваться и терзать себя и поступай так, как приказывает жизнь. А будешь звать ветер — пожнешь бурю.

Теймураз задумался, потом произнес надтреснутым голосом:

— Нужно следовать за жизнью... Ну что-ж, пойду, только с ог...говоркой.

Иване резко повернулся к нему:

— Оговорки — ерунда. Ты или продолжай отрицать все, или принимай жизнь такой, какая она есть. Это мой совет тебе. Не послушаешься, исход для тебя один — психиатрическая лечебница.

— Ах, друг мой, — простонал Теймураз, — я кажется уже попал в нее. Все мы попали в нее, но некому нас лечить, Иване.

— Тогда нам не о чем больше говорить. Забирай с собою в могилу свою злобу и бабьи истерики.

— Ну, что-ж, злоба моя святая и другого исхода для себя я не вижу.

— Ну и подыхай!

— Пусть будет так. Смерть меня не страшит.

И растянувшись в арбе, он продолжал метаться и стонать, угрожать и клясться, молиться и проклинать — и час своего рождения, и гнетущее сегодня, и неизвестность завтрашнего дня и все, что сокрушило голубые башни надежд.

Проклиная все, он впал в полное неистовство:

— Так нам и следует! По-делом нам, заслужили!..

Издали арба казалась большой клеткой, поставленной на колеса, в которую посадили непокорного пленника.

Долго бесновался Теймураз, размахивая руками и подпрыгивая вместе с арбой. Наконец прилег и успокоился.

Затем, приподнявшись, снова застонал:

— Я з...забыл тебе сказать еще об одном, Иване.

— Говори.

— Мне кажется, что несчастье мое в том, что я родился грузином...

— Что такое? Как ты сказал?

— Да, бог с...сурово покарал меня, создав грузином.

Сказав это, он зарылся отяжелевшей головой в сено, на котором лежал.

— Так, как же Теймураз? — спросил Иване. — Знает все проклял?

И, не дождавшись ответа, замолчал.

Теймураз казался мертвым. Иване повернулся на козлах и злобно сплюнул на землю.

III

Возвратившись к вечеру домой, Теймураз, как провинившийся школьник, тихо сообщил:

— Нич... чего не вышло.

— Ясно, ничего и не выйдет, никто тебе не даст места, никогда не даст, — злобно заметил Джако.

— Поч... чему же, Джако, почему? Я еще поищу в Цхинвали. Пойду туда послезавтра. Там меня знают.

— Вот, потому и не дадут, что знают тебя.

— Но ты, Джако, не беспокойся... Долг свой я тебе уплачу при первой возможности.

— Знаю я, как заплатить. Чем? Что у тебя есть за душой, чтобы ты мог платить? Ведь ты гол, как этот палец!

У Марго на лбу залегли морщинки, а в уголках губ змейками зашевелились жалость и презрение, — неизвестно к кому, — к мужу или Джако.

Она встала и быстро вышла из комнаты.

Теймураз поскутнел. Он долго смотрел на изорванные носки своих ботинок; затем, заплетающимися шагами, поплелся через двор по направлению к башне.

С трудом вскарабкавшись на ее вершину, он тоскливым взором стал наблюдать закат.

Золотистые лучи, огромными снопами вырывавшиеся из груди алых облаков, как-будто бодрили Теймураза и снова вселяли в душу неизъяснимую надежду.

„Не верно, — размышлял он про себя, — что солнце восходит только с востока. Для меня оно взойдет или с запада, или вовсе не взойдет“...

С лугов возвращались стада. Мычание и блеяние взбудоражило село. С полей и садов двигались усталые крестьяне, вяло перебрасываясь краткими фразами.

Женщины засутились: спешили доить коз и коров, кормить детей и встречать мужей ужином и лаской.

Поля опустели, застыв в молчаливом покое. А село задымил и ожило, наполнившись разговором и вечерними заботами, чтобы через час утихнуть совсем и притаиться в темноте.

И только Теймураз ночным стражем оставался бодрствовать на вершине башни, то расхаживая по каменному настилу, то отдыхая в амбразурах, где когда-то скрывались и бились его предки.

Как счастливы были они, не печалившиеся тяжелыми думами о судьбах мира, не испытывавшие забот о куске

хлеба, не знавшие гнета неволи у своих же крепостных! Их жизнь была проста и ясна: они жили и воевали, побеждали или умирали, но не терзались пытками, которые взвалил на себя их несчастный потомок, чувствующий сейчас себя так, будто не он расхаживает по башне, а башня всей своей тяжестью обрушился на его спину.

Время близилось к полуночи. Теймураз сполз на землю и, пошатываясь, подходил к дому.

Из-под лестницы, едва сдерживаемая цепью, выскочила огромная овчарка и, остервенело залаяв на все село, норвила броситься на Теймураза, точно он был чужим в этом доме.

Внезапно наверху, в комнате Марго, распахнулось окно и послышался голос Джако.

— Кто идет? Это ты, Теймураз?

— Да, Джако, это я.

— А что же собака лает?

— Не проп... пускает. Отгони ее, Джако.

— О-хо-хо! Хорошая собака у Джако! С таким псом можно спокойно спать! Ну, Богриа, замолчи же, чертовка! Цыц!

„Странно,—размышлял Теймураз, подымаясь по лестнице, — откуда так быстро очутился у окна Джако? Вероятно беседовал с Марго... А может-быть, спросонья, перепутал двери и забежал в нашу комнату, слышав лай собаки“...

Через несколько минут он уже храпел в постели и не слышал как Марго его спросила:

— Ты спишь, Теймураз?

Не слышал он и того как, заскрипев кроватью, она поднялась и, сунув голые ноги в мягкие туфли, тихо вышла из комнаты.

В Цхинвалах с поисками службы Теймуразу опять не повезло.

Усталый, запыленный, вспотевший, он еле доплелся обратно до Нашиндари.

И теперь, после бесплодных поисков работы, ему только и оставалось бродить одиноко с опущенной головой по селу, избегая встреч с женой и с Джако, точно несмываемый позор тяготел над ним...

Летняя пора в самом разгаре. Затаив дыхание, село изнывает от жары. Над созревшими и потрескавшимися полями стоит удушливая мгла.

Тяжело нагруженные снопами арбы, переваливаясь и поскрипывая, медленно тянутся друг за другом. Потные буйволы, с вспенившимися мордами и выпученными глазами, вытянув толстые шеи, безропотно тянут тяжелые возы, напоминая своими черными тушами чугунные изваяния. Возницы в мокрых рубашках и с повязанными головами плетутся рядом с ними, или впереди арб, напевая про себя „урмули“ и изредка взмахивая то длинным кнутовищем, то тонкой, гибкой хворостиной.

Село пестрит высокими стогами сена и полными гумнами снопов. Женщины и подростки, стоя на широких досках, подбитых кусками кремня, подпевая „оровела“, вяло погоняют тощих лошадей и усталых волов, упорно, как и погоняющие их люди, кружащихся от зари и до вечера с допотопными молотилками по гумну.

Все живое переселилось теперь на гумна. Куры поклевывают свежую пшеницу; утомленные жарой собаки, высунув длинные красные языки, валяются в тени, уча-

щенно дыша и, то и дело, вздрагивая от назойливо пристающих мух; похожие на огромные комья грязи, свиньи, аппетитно чавкают, собирая корки арбузов, дынь и огурцов, томно шевеля короткими спиральными хвостиками и удовлетворенно похрюкивая при каждой новой находке.

В теплой широкой канаве, в тени пахучих лип и жидковатых листвою ив, гогочут гуси и утки и шумно плескаются голые ребятишки.

В полях жгут солому, вяжут снопы и перекликаются жнецы.

Дойный скот, спасаясь от зноя, залег на берегу реки в тенистых рощах мелкого орешника и кизилового кустарника.

Джако тоже „работает“ на гумне.

После сытного обеда, сдобренного парой бутылок вина, он прилег в тени гигантского дуба и, покуривая и ворча, отдает приказания. Сегодня он сравнительно спокоен: от жары ему лень кричать.

Завидев возившегося на гумне Теймураза, он помянул его пальцем, усадил рядом и сказал:

— Вижу я, Теймураз, что не можешь ты работать. Поэтому никто тебе и службу не дает. И, значит, придется тебе помирать с голоду.

Теймураз вздрогнул. Он открыл рот, чтобы возразить, но еле вытянул из себя:

— С... голоду?

— Да, конечно твое дело.

Сплюнув густо в сторону и сунув трубку в голенище, Джако спросил:

— Скажи мне, нравится ли тебе торговля?

— Т... торговля? Очень нравится.

— Знаешь ты это дело?

— Конечно, даже оч... чень хорошо. Я изучал его в банке и в кооперативе.

— Плюнь ты на свой капратив! Не говори мне больше о нем. К чорту всякие капративы, слушай лучше Джако, от него ты больше узнаешь. Так вот, давай откроем с тобой в Нашиндари духан.

— Духан?

— Да, духан, лавку... Теперь все говорят, что правительство хочет, чтобы мы торговали. Как ты думаешь?

— Я и ... ддухан Я в ... ддухане?

— Да, ты, конечно. Джако будет хозяин, а Теймураз приказчик. И ты слушай меня: Джако умеет делать деньги, потому что крестьяне дураки, а Джако все понимает. Когда, помнишь, были боны,—все падали да падали они вниз,—тогда никто ничего не понимал. Утром ситец стоит один миллион, а вечером—уже два! Разве так можно? Разве это деньги? Нет, таких денег Джако не нужно,—товар нужно, это хорошо! Ситец хочешь взять,—давай керосин, фасоль, шерсть, фрукты! И все имел Джако, крестьяне все давали за ситец, дазали сколько Джако говорил. Считать тогда крестьяне разучились, совсем запутались, собака хозяина даже не узнавала,—и хорошо тогда Джако заработал, очень хорошо! Теперь деньги—да, настоящие! Вот, посмотри!

И вынув пачку червонцев, он потрепал ею перед носом Теймураза, словно дразнил свежим мясом голодную собаку.

— Да, это хорошие, настоящие.

— Еще бы! Это—деньги! Такие только царь делал! Молодец, хорошие деньги делал!

Спохватившись, он прикусил язык, испуганно оглянулся и, снизив голос, продолжал:

— Так давай... время теперь хорошее. Садись в лавку, торгуй себе, собирай червонцы. А Ниника пусть голову ломает, как школы открывать и делать этот... как его... социализм. Я покажу ему социализм!.. Значит начнем, князь? Кстати, тогда и со мною рассчитаешься...

— Оставь ты Н... нинику.

— Хорошо, оставим его, но ты что скажешь?

— П... подумаю.

— Опять „подумаю“? К чорту! Твое „подумаю“ только нищим тебя делает. Ты отвечай сейчас.

— Подожди до завтра...

— До завтра? Ладно, подождем. А теперь Джакко нужно спать.

И растянувшись на ковре, он сладко захрапел.

Вечером Теймураз советовался с женой:

— Как же ты посоветуешь, Марго?

— По-моему лучше возиться в лавке, чем околачиваться без дела. По крайней мере, нас хоть перестанут упрекать в дармоедстве.

— Но Джакко открывает не лавку, а духан, с вином и водкой.

— Это безразлично.

Подумав, муж ответил.

— Ну что ж, я пожалуй, соглашусь.

Джакко пользовался в селе влиянием и имел деньги, родню и друзей. Они доверчиво сдадут ему в кредит шерсть, масло, сыр, овощи и пшеницу, которые он продаст в Гори или в Тифлисе и взамен закупит керосин, мануфактуру, соль, мыло и разную мелочь. Кроме того, через Нашиндари проходит большая проезжая дорога и, значит, духан будет торговать хорошо и вином и водкой и всем прочим.

Джако втихомолку торговал уже давно, но тайная торговля стала ему надоедать, да и побаивался он ее, — поэтому, учуяв возможность легальной работы, он сразу же решил не терять времени.

Не дождавшись утра, Джако в тот же вечер снова схватил Теймураза за горло:

— Ну, говори же, хочешь или нет?

— Да, согласен.

— Вот и отлично! С богом!

— Ты назначишь мне ж... жалованье и будешь вычитать его за мои долги.

— Хорошо, Джако согласен. Итак, с божьей помощью приступаем.

— Да, попробуем.

— А теперь, — эй, Гиба, Кешела, давайте ужин, вино, водку!

И разошедшийся Джако до полуночи пил, строил планы, подсчитывал барыши.

Затем, уложив потерявшего сознание Теймураза, подхватил на руки Марго и понес ее к себе, как трехлетнего ребенка.

Две недели спустя, за околицей, у самой дороги, вновь ожил заброшенный уже давно духан.

Джако и Теймураз, съездившие в Тифлис, привезли оттуда несколько арб товара. Кроме того, Джако перетащил в духан вино и водку, посуду, фрукты, овощи, старинное оружие, различные остатки былой роскоши и всякую заваль, надеясь все это постепенно сплавить проезжим чиновникам и простодушным крестьянам. Тор-

говля закипела. Теймураз завел правильное счетоводство и с гордостью показывая свои тетради Джако, долбил ему:

— Это кас... совая книга. Это — товарная. А это будет книга к... коммитентов.

— Каких „комитетов“? Что за „комитеты“ ты еще тут заводишь? — испугался Джако.

— Не „комитетов“, а коммитентов; иначе — книга личных счетов.

И спустя два часа, закончил чтение курса:

— Это и называется, Джако, бух... хгалтерией.

— Знаю, понял... хорошая штука!

— Да, это гениальная вещь, — обрадовался „приказчик“. Весь мир управляется бухгалтерией!

— Вот, вот! Еще бы!

— Джако, — продолжал Теймураз, усевшись на своего конька, — в истории ч... человечества можно найти много интереснейших страниц проявлений исключительной гениальности. Например, находка пшеничного зерна, огня, изобретение колеса, все открытия Гал... лилея, Коперника, Ньютона, Стефенсона и Луки Пачиолло, создавшего бухгалтерию еще в 1494 году.

— Да, наверное очень умные были эти люди, — вздохнул Джако.

— О, конечно! Стефенсон изобрел паровоз!

— Молодец!

— А вот Галилей доказал, что земля вращается вокруг своей оси и солнца.

— Ну, ты, заговорился, если у тебя уже и земля закрутилась!

— Да, Джако, она вращается! Разве ты не знаешь, что солнце почти стоит на одном месте, а земля вращается вокруг него?

Джако громко заржал.

— О-о-хо-хо-хо! Заврался ты, Теймураз! Солнце стоит, а земля на оси вертится? Что-же она—арба, что ли?

— Условная ось, Джако, условная...

— Нет, ты рехнулся! Это твоя голова завертелась, а не земля!

— Послушай...

— Замолчи, замолчи! О-хо-хо, вот до чего довели тебя твои книги!

— Да ты пойми...

— Довольно, ничего Джако больше не хочет понимать, а то и он потеряет голову. К чертям и твои оси и твою бухгалтерию! Хватит с меня твоего ученья!

И Джако выскочил из духана, спасаясь от лекций своего приказчика.

Стоя за прилавком, Теймураз приветливо встречал всех заходивших в лавку, каждого внимательно выслушивал и почтительно предлагал:

— Что вам угодно? Не нравится? Тогда быть может вот этот цвет подойдет... и узор здесь лучше...

— Вам керосину? Од... диннадцать копеек... Соль — рубль тридцать...

Бойко шла торговля вином и водкой.

— Пож... жалуйста! Пейте на здоровье!

И Теймураз, подчиняясь обычаю и выпивая вместе с покупателями, незаметно хмелел, заплетался, держал речи и подпевал гостям:

Друзья, зажгите фонари,
Кутнем до утренней зари!

В духан ввалилась сельская молодежь.

— Вы, что-же, — спросил, стесняясь, Ниника, — приказчиком сюда поступили?

— Да, Н... ниника.

— А почему? — посыпались вопросы.

— Ничего не поделаешь, друзья! Нужда не спрашивает человека: хочет ли он стать за прилавок, или ему это не по душе.

— Но почему же с Джако? Он двадцать лет уже грабит здесь всех. А теперь, значит, и вы будете помогать ему заниматься этим делом?

— Он забрал все ваше добро, и вас же поставил приказчиком сюда? Как вы на это согласились?

— Согласился, — отвечал опешивший Теймураз, — согласился, так вышло.

— Как же это так? — настаивал Ниника, — странно все это.

— Да, странно... Но что ж мне оставалось делать? Судите сами...

И Теймураз поведал им о своем безвыходном положении.

— Знаем, все знаем, — промолвил Ниника. — А мы все хлопочем открыть школу и кооператив и рассчитывали на вас...

Молодежь хорошо знала Джако и воспользовалась теперь случаем поговорить о его проделках.

— Он ваш лес забрал.

— Он только грабить умеет.

— Он все ваши ценности прикарманил.

— Ваш рубин...

— И серебряную посуду.

— А сколько золота вашего он припрятал и распродал!

Теймураз догадывался, что и рубин и прочие ценности припрятаны в пределах имения, и разинул уже рот, чтобы сказать об этом, но сейчас же передумал: „Есл иузняют, заберут все, и тогда уже не вернуть никогда пока неунесенных еще, а только запрятанных богатств. А с Джако быть - может удастся когда -нибудь договориться о получении хотя бы части того, что он забрал“.

— Бог с ним, с этим Джако. Оставьте его в покое. Я знаю все.

— Нет, не все, — воскликнул Ниника. — Вы знаете не все!

— А ч... что же еще?

Молодежь переглянулась, а Ниника, прикусив язык, продолжал другим тоном:

— Джако — пьявка, ростовщик, грабитель!

— Знаю, знаю. Я ему в этом долго потакал и поэтому, отчасти, и сам виноват.

Но юноши не слушали его и, перебивая друг друга, выкрикивали:

— Вы сидели в городе и ничего не видели!

— А он расхищал ваш скот и вашу обстановку!

— И насиловал наших женщин!

— Мои родители состарились на этой земле, а Джако разлегся на ней! — вскричал Ниника. — Где же справедливость?

— Наши деды строили этот замок, а Джако им завладел! Разве так должно быть?

— Да еще привоил все, что было в замке.

— И сады...

— И виноградники...

— И скотину...

— Не для того же мы согнали князей и буржуев, чтобы вместо них посадить на свою шею Джакю!

— Он в дворяне метит попасть. Двух жен загнал в могилу, третью выгнал, а теперь четвертую отыскал.

— По всему селу хвастается, что скоро на княгине женится.

— П...позвольте, друзья, позвольте! А почему вы разрешили ему так своевольничать?

— На селе у него много сторонников...

— Говорят: Джакю нам помогает, Джакю за нас заступается.

— У него еще есть где-то покровители.

— Ничего, скоро выведем его на чистую воду...

— Выгоним из замка...

— И школу там откроем.

— А духан прикроем!

— Небось, и за садом и за виноградником сможем не хуже его присмотреть.

— Да какой он садовник!

— Он, вообще, не может вести хозяйство!

— Стой, ребята, помолчите, — остановил их Ниника и обратился к Теймуразу: — Дядя Теймураз, мы пришли просить вас помочь нам со школой и кооперативом.

Теймураз смутился. Просьба явилась столь неожиданной для него, что он не смог сразу ничего ответить.

— Да, мы пришли просить вас...

— Мы еще молоды и неучи, а вы...

На несколько минут воцарилось неловкое молчание.

— Я п...подумаю, друзья, — промолвил, наконец, Теймураз.

— Зачем же вам еще думать?

— Нужно подумать, Ниника, обязательно нужно...

— Пусть подумает, — сказал Ниника.

— Хорошо, пусть, — согласились Ила и Тедо.

— Только поскорее подумайте, дядя. Все равно мы не позволим вам оставаться у Джако.

И все вышли из духана, ругая Джако и лелея надежду заполучить Теймураза для своих целей.

Час спустя в духан вошел Джако с большой ношей на спине. Он принес Теймуразу постель, ржавый пистолет, кинжал, гербарии, коллекцию насекомых, словарь и церковные книги.

— Вот тебе... Когда будешь один, читай эти книги а то подохнешь со скуки.

Теймураз удивился:

— А для чего п... постель?

— Как для чего? — в свою очередь удивился Джако.

— А спать не хочешь?

— Спать? Здесь?

— А где же?

Теймураз не предвидел всего этого. Он согласился простаивать дни за прилавком, как это и подобает приказчику, но ночь оставлял в своем распоряжении. Ведь он не один, он женат! А его хотят оторвать от Марго! Нет, с этим он не согласится, он будет протестовать против такого произвола!

— Этот пистолет заряжен, — предупредил Теймураза Джако, — и если к тебе заявятся разбойники, ты беги на крышу и стреляй в воздух. Через пять минут Джако будет здесь.

Собиравшийся протестовать Теймураз глубоко вздохнул и пролепетал, точно извиняясь:

— Х... хорошо, но... пусть вместо меня спят в духане Гиба или Кешела.

— Это невозможно. Каждый имеет свое дело...

— Но, Джако...

— Довольно, баста! Покажи, сколько торговал.

— Вот выручка, изволь, — и перелистывая тетрадь, Теймураз защелкал на счетах, предъявляя отчет за день: — П... продано два пуда керосина, три пуда с... соли... стекол ламповых... махорки... всего на тридцать шесть рублей двадцать семь копеек. Вот деньги, с... считай.

— Давай.

И пока Джако считал деньги, поплеывая на пальцы, охая и потея, Теймураз продолжал:

— П... проданный товар я записал вот в эту тетрадь, выручка занесена в эту, и нужна еще одна тетрадь, чтобы записывать...

У Джако лопнуло терпение:

— Ты каждый день давай деньги, а записывай их куда хочешь. Мне твои тетради не нужны.

— А как же с б... бухгалтерией?

— К лешему твою булгахтерию! Отвяжись ты с нею.

— Как же так, Джако? В... ведь мы условились...

— Оставь меня в покое! Вот — булгахтерия Джако!

И стукнув себя пальцем по лбу, он поднялся, чтобы уйти.

— Хорошо, как тебе угодно. На всякий случай, я буду записывать для себя.

— Пиши, пиши и помни: если что случится — стреляй и жди меня. Да по ночам много не читай: зря керосин будешь жечь, и голова разболится... Не бойся никого, Джако всегда будет поблизости. Самое главное — хорошо торгуй, а за остальное отвечает Джако... Тебя тоже не обижу...

— Спасибо, Джако, но мне нужно видеться с Марго.

— Конечно, нужно. Когда Гиба или Кешела будут свободны, я пришлю их сюда, а ты пойдешь домой и по-возишься с Марго, хо-хо-хо!

Хлопнув Теймураза по плечу так, что тот присел от боли, Джако пожелал ему спокойной ночи и ушел.

Теймураз остался один.

Вокруг темно и тихо.

Присел на порог.

Что же это случилось с ним, Теймуразом Хевистави? Что за глупая шутка? Что за нелепое издевательство судьбы?

И оглянувшись назад и измерив пройденный путь — от беспечных дней юности до грязного порога этого духана, — Теймураз ужаснулся. Кто объяснит ему: почему он, человек умный и просвещенный, еще недавно всеми уважаемый и почитаемый, должен теперь проводить дни в грязном кабаке на большой дороге? За какие грехи забросила его судьба в эту деревенскую харчевню, в которой ему придется теперь заглушать свое мрачное одиночество выпивкой со случайными посетителями? И почему он должен кривляться и балагурить с ними, глотая вонючую водку, когда от тоски хочется рвать на себе волосы и бежать без оглядки, как бегут из дома, объятые пожаром?

Как все дико и глупо, как противно, позорно! От проспекта Руставели дойти до деревенских заборов! Семь барских комнат сменить на обстановку духана! Строгую пиджачную пару — на неуклюжую гимнастерку! Из видного общественника превратиться в лавочного приказчика, в наемника вора, бандита, прощальги!

Да, дальше итти некуда! Дальше — сплошная одурь, полнейшая мертвечина, зловоние трупа, в который он сам,

кажется ему, обратился. И чтобы разогнать невыносимое удушье, он подсел к коптилке, взял первую попавшуюся книгу и, открыв наудачу страницу, принялся читать, едва шевеля бледными, дрожащими губами „Нагорную проповедь Иисуса“.

... „Плачущие утешатся, кроткие наследуют землю, жаждущие правды насытятся ею“...

Теймураз закрыл книгу.

Нет, никогда этого не будет, никогда так не случится! Будь он один, возможно, у него хватило бы терпения и мужества пережить все эти невзгоды. Но ведь с ним — вечная спутница, преданная жена, с которой на сегодня он разлучен грязной стойкой поганой лавченки.

Теймураз пытался читать дальше, но останавливался в смущении от божественного бреда, обещавшего „царство небесное“ юродивым земли. Чтение евангельских откровений сменилось вереницей назойливых догадок и предположений. С сегодняшнего дня он заброшен от жены в эту сырую лачугу. А Марго там... и кто знает, что может с нею случиться... Нет, это невероятно! Как смеет он думать так о верной жене!.. Неужели она... Нет, нет, это ночной бред, большое воображение! Но, что же тогда, — или в нем заговорила ревность?

И вскочив, точно ужаленный, вспомнил, как утром Ниника в чем то хотел его уверить, на что-то намекал и растерянно переглядывался с товарищами.

И кажется Теймуразу, что кто-то хихикает над ним и шепчет: „поразмысли как следует“.

В бессильной схватке с неотступной ревностью он машет руками, изнемогает от назойливых мыслей, не зная куда от них деваться.

Копилка потухла. Хлопнув дверь, Теймураз бросился бежать вдоль темных заборов, бормоча под нос:

— Погибну, но все узнаю... Марго... Джако... Нет, это не кошмар... Все мы люди, а люди на все способны...

У лестницы, срываясь с цепи, оглушительно залаяла собака и свесившаяся из комнаты Марго темная фигура бросила грозный окрик:

— Кто идет?

Теймураз смутился, замялся, залепетал:

— Это я, Джако...

— Чего же ты шляешься по ночам! Разбойники что-ли, на тебя напали?

— Нет, Джако, н... никто не напал.

— Тогда зачем ты прилез сюда?

— Не с... сердись, Джако. Я пришел за г... гребешком.

— Что такое? В полночь за гребешком? О-хо-хо-хо! Чудак, ты еще не отвык от своих глупых привычек?

— Джако, но мне нужно причесываться...

— Конечно, нужно, но в лавке у тебя этих гребешков валяется несколько дюжин.

— Я з... забыл, совсем забыл.

— А как звать тебя—не забыл?

Джако исчез и через минуту снова появился в окне, крикнув:

— На, держи гребешок, да скорее возвращайся обратно, пока там не растащили лавку. За княгиню свою не беспокойся, Джако хорошо ее охраняет и никому не даст в обиду.

Теймураз долго копошился в траве, но не нашел гребешка.

Он был окончательно удручен неудачей, помешавшей проверить жену и избавиться от настойчивых подозрений ревности.

— Да брось ты возиться с гребешком! — крикнул потерявший терпение Джако. — Я тебе шею сверну, если сегодня ограбят духан! Беги скорее туда!

— Х... хорошо, Джако, успокойся, иду...

И поплелся обратно.

Возвратившись в лавку, зажег коптилку и принялся снова за чтение евангелия, бесплодно выискивая на страницах его оправдание своему смятению.

Далеко в темноте послышался скрип арбы.

От страха по телу пробежал озноб и затрепетало сердце.

Кто может ехать в такой поздний час? Неужели за-
поздавший нашиндарец?

И так невыносимо захотелось увидеть знакомого человека.

Арба вползла в слабую полосу света и перед Теймуразом выросла фигура расстриги Иване.

— А-а, это ты? Как я рад! — радостно воскликнул он, протягивая Иване обе руки. — Будь гостем, д... дорогой. Я сейчас... садись.

Иване остановил арбу, а Теймураз вынес вино и закуску. Расставил все на маленьком столике у дверей, усадил гостя и присел сам.

— Давно не видел я тебя, Иване, давно. Как поживаешь, как здоровье? Много, много мне нужно тебе сказать. Ты вероятно очень занят, некогда тебе, не правда ли? Ну, что-ж ты молчишь, рассказывай.

Ничего не отвечая, Иване выпил один за другим три стакана вина и тихо спросил:

— Теймураз, почему ты здесь? Разве твое это дело?

— А разве твое дело пахать землю? — вызывающе переспросил Теймураз.

— Так... налей еще.

На несколько минут внезапная неприязнь остановила начатую беседу.

— Что ты искал, Теймураз, и что нашел! — сказал, помолчав, Иване.

— Ис... скал одно, а нашел вот то, что видишь, — опять огрызнулся Теймураз.

— А я вот, как сейчас, помню твои статьи. Хорошее было у тебя перо — смелое, уверенное.

— Да, на крест похожее. Словно на Голгофу шел я со своим пером.

— Пожалуй, ты прав. Старые миры и крест и перо сокрушали одинаково, большая сила была в обоих...

— Еще бы! Ведь грохот орудий — пустяк, по сравнению с теми взрывами, которые творило перо!

— И вот — результат!

— Да... а, результат налицо... Тебе, Иване, посчастливилось, ты во время уберег себя и семью спас.

— Привычка предков: опытный храбрец умеет во время отступить.

— А Руставели учил славную смерть предпочитать позорной жизни.

— Ну и где же, по-твоему, больше правды?

— Не знаю, Иване, я совсем з... запутался.

Собеседники выпили и приумолкли.

Вокруг тишина.

Теймураз долго водил взором по мерцающим звездам, потом тяжело вздохнул.

— Нет правды на земле, недосыгаема она. А без правды разве мы люди? Почему я и говорю, что мы погибаем.

— Опять завел старую песню.

— Да, Иване, остались только старые песни и опустошенные души.

— Ты говоришь так, потому что не поладил с жизнью и оказался побежденным ею.

— Я побежден?

— Конечно, ты признавался в этом уже не один раз.

— Нет, дорогой, рано петь мне отходную. За собственным гр...робом я не пойду, Теймураз Хевистави не собирается пока умирать! Ты слышишь?

— Не кричи, слышу, — спокойно ответил расстрига.

— Я не все еще сказал! Придет время и я закончу свою речь. А оно придет, а я верю в это также, как в восход солнца, который будет через несколько часов!

И, вскочив, иступленно кричал, будто кто-то перечил ему и издевался над ним.

— Сядь и помолчи, — сказал Иване, насильно усадив его на место. — На, вот, выпей воды.

Теймураз не заметил, как расстрига перевел разговор на Джако:

— Он здоровый кулак. Если захочет — полсела купит.

— Да, это верно, — согласился Теймураз.

— Про твои ценности говорил, будто разбойники их похитили, а на самом деле...

— Знаю. Он этого теперь не скрывает.

— Говорят, снова собирается жениться... будто и невесту уже отыскал.

— Вот как! На ком?

— Не знаю... Ходят слухи, что на какой-то княгине.

— На княгине?

— Да, хочет иметь образованную жену.

— Княгиня... образованная... за Джако? Это сказка какая-то.

— Всяко случается. Поговори с ним — все узнаешь.

— Зачем? Меня это мало интересует.

Иване ничего не сказал. А Теймураз, не получив ответа, снова углубился в себя, пытаюсь распутать сложный узел, который шевелился где-то внутри и наполнял грудь тупой болью.

— Грязный он человек, — как бы про себя продолжал Иване. — Все село запоганил, сколько домов опорочил: кого купит, а кого просто силой возьмет. Нескольким раз собирались прикончить его, да ничего не вышло. Теперь иначе он действует: вместо оружия — хитростью берет. В жизни своей не встречал такого удава: смотришь, льстит кому-нибудь, угощает, дружит, помогает, а потом, вдруг, затянет петлю на шее друга...

И чего ради пристал Иване к Джако? Кто его просит рассказывать о похождениях этого человека? К чему все эти намеки, к кому они относятся?

— До сих пор хоть жен выбирал себе подходящих, — не унимается расстрига, — а теперь княгиню обязательно захотел...

Опять про княгиню!..

— Перед тем, как третий раз жениться, стал он волочиться за Тамарой, моей дочерью... Еле избавился от него: отправил девушку в Гори. Очень уж ему хочется именитое родство завязать. Помню, как бегал он тогда по селу и орал: „Держитесь, скоро дворянином буду —

на дворянке женюсь, на дочери священника!“ Не прошел у него этот номер, так теперь он...

— Что теперь? — прохрипел Теймураз.

— Теперь орет, что нашел себе княгиню... и опять всех предупреждает и запугивает.

— Да кого же, кого он отыскал? — почти застонал Теймураз.

— Не знаю... — произнес Иване так, что стало ясно, что он знает все. — Расспроси других, может быть что-нибудь узнаешь.

Что еще говорил Иване и когда он ушел, Теймураз не запомнил...

Так какую же княгиню наметил себе в невесты Джако? И почему ничего неизвестно об этом Теймуразу? Ведь Джако нигде обычно не бывал и поблизости вообще не было никаких княгинь. А если он в самом деле присмотрел такую невесту, то давно бы уже поведал о своем счастье Теймуразу, по десять раз на день напоминая ему об этом.

Но, по словам Иване, все знают историю Джако кроме него, Теймураза...

„Очевидно, такова судьба обманутых мужей, что они все узнают последними“ — хихикает ему на ухо чертенок.

„При чем здесь я?“ — огрызается Теймураз.

Конечно, не при чем. Наплел что-то нескладное Иване; сплетнями занялся, дурень, на старости лет. А может быть старику пошутить захотелось? Но ради чего, какая цель? Да Иване и не любитель таких неуместных

шуток; сплетником тоже никогда не слыл. Значит верно, что Джако женится на княгине и яснее ясного — Иване знает кто она; не хочет только назвать ее и, увертываясь от ответа, отсылает его к другим: „Порасспроси, узнаешь“.

Вспомнилось, что утром и Ила все пытался начать разговор о женитьбе Джако на какой-то княгине...

Недоброе чувство ужасного подозрения, родившееся только сегодня вечером, вдруг, точно искра, раздутая ветром, быстро стало обрастать огненными крыльями, обратилось в пожарище, готовое испепелить несчастного страдальца.

Да, теперь все ясно: Иване не назвал лишь имени Марго. И Теймураз, — как слеп был он до сего времени! — только сейчас, наконец, прозрел, очутившись лицом к лицу с жутким фактом предательства, подлости и двоедушия человеческого.

Сердце заняло острой болью и жилы вспухли от заметавшейся крови. Сомнениям больше не оставалось места. Боже милосердный, да неужели же все это так?! Неужели Марго изменяет ему? И с кем... с Джако?! Верить ли? Или это все тот-же глупый бред, каверзы больного воображения...

Но все то, чему он не уделял внимания с тех пор, как они поселились у Джако, разве не свидетельствует, что катастрофа готовилась не со вчерашнего дня, что она надвигалась уже давно, подготавливаемая этим наглецом без всякой утайки? Разве так себе возвратилась ей, Марго, поблекшая было в городе ее красота и в глазах поселился сытый покой самки, познавшей сладость весенней случки? Эти налившиеся кровью губы, эта округленность удовлетворенного тела, разве не свидетельствуют они о разврате, происходившем почти у него на глазах в те-

чение двух месяцев? И почему окружающие, заговаривая о здоровье и пышном цветении его жены, обычно неловко улыбались, а сама Марго виновато ежилась, исподтишка бросая взгляды на Джако, лукаво скрывавшего ее тайну?

Ведь с тех пор, как они переехали в Нашиндари, Марго не подарила ему ни одного ласкового слова и, вообще, избегает смотреть на него. Когда он говорит с ней, ее глаза в беспокойстве мечутся по сторонам, пытаясь запрятаться, что-то скрыть. Так ведет себя только вор с обокраденной жертвой. И до сегодняшнего дня он дремал, ничего не замечая, словно нарочно притупив свою наблюдательность.

И весь пылая, Теймураз припоминает дальше... Почему, когда ему хотелось приласкать Марго, она тотчас же отворачивалась от него, стараясь выскользнуть из его рук и холодом охлаждала его попытки:

— Довольно... оставь меня...

А по ночам она так заворачивалась в одеяло, словно заползала в мешок и притворялась спящей каждый раз, когда он касался ее. Если же он проявлял назойливость, она кричала:

— Оставь меня! Не время... я больна... уйди.

И Теймураз, избегая шума, покорно возвращался к себе на постель, ворча как ребенок, которому отказали в сладком. Выводов он тогда не делал; выводы пришли теперь сами.

Острый клинок воспоминаний вонзался глубже и беспощадной болью истекала рана.

„Женщина — как сад. Если его не поливать, засохнет“ — вспоминал Теймураз циничные остроты Джако, которые тот отпускал, скаля лошадиные зубы.

Да, доказательства излишни! Все очевидно — и бесстыдство, и жестокий обман, и семейный позор!

Бывало и так: проснувшись ночью, Теймураз иногда замечал, что постель рядом пустовала; а через некоторое время появлялась Марго и, не ожидая вопросов мужа, торопилась сама заговорить с ним:— „Ты не спишь, Теймураз? Мне тоже не спится... голова болит... душно здесь... Вышла подышать свежим воздухом“...

Характерно, что она спрашивала его: „не спит ли“ он, лишь по возвращении в комнату, а не покидая ее! Да, да, так случалось постоянно! А выходила она, — ну, конечно же, — к Джако! Это он охлаждал ее страсть!

— Изменница! Грязная тварь! Ничтожество!

Многое теперь вспоминалось Теймуразу, громоздясь в голове бесспорными фактами и обжигая его растревоженную подозрительность.

Вспомнился и день приезда жены. Где она провела ночь накануне? И не тогда ли началась вся эта история? Порванное платье, синяк на плече, вывихнутая рука... Господи, почему же он не догадался тогда обо всем! Так доверчиво поверил он в тот день рассказу Джако: „Сломалась арба... Ночевали у дяди Тома в Леванашени... Он кланялся тебе“... Когда бы не приехали они в Леванашени — под вечер ли, в полночь, — неужели Марго не могла найти у дяди Джако ниток и минут пять времени, чтобы зачинить порванное платье?

И еще: ради чего Джако наряжает Марго? Четвертая невеста?... Тратит на нее уйму денег и... ха-ха-ха!.. даже мне одолжил! Боже, какое доверие! Даже не расспросил ее! А, впрочем, зачем спрашивать? За ответом в карман она не полезла бы... Сказала бы, что ночевала у тети Нины, или еще у какой-нибудь тети.

Джако ее приодел, а она, в свою очередь, следит за ним, словно за породистым жеребцом. Приучает его к чистоте, научила грамоте и просвещает без конца. А как ведет она себя с мужем? В последнее время она уже не выносит его присутствия, не дает сказать ему слова и огрызается всякий раз, как только он позволит себе что-нибудь критиковать:

— Довольно, надоело твое брюзжанье! Что было, то сплыло, и ничто не вернется! В попугая превратился со своими противными разговорами! Стыдись! Чем сидеть, да ныть, подумал бы лучше, как деньги зарабатывать.

В Тифлисе очень часто они сидели без хлеба, но он не помнит, чтобы Марго в те дни так жестоко укоряла бы его и так ненавидела бы за беспомощность, как это она делает теперь. И не дай бог затеять ему разговор о знании и невежестве, о положении интеллигенции и торжестве выскочек, — Марго моментально его остановит:

— Довольно твоей философии! Я на себе испытала все ее прелести!

Или:

— Кому нужны твои пустые фразы и пыльные книги? И оставь, пожалуйста, Джако в покое. Пусть он — невежа, неуч, но зато он силен, — и в этом его оправдание. Что с того, что ты полон знаний, а курицы даже не можешь зарезать?

Если при этих разговорах случалось присутствовать Джако, тот моментально вскакивал и, размахивая руками, решал вопрос с плеча:

— Правильно говорит княгиня! Какой ты князь, какой ты мужчина? Тьфу! Курицу тронуть боишься! Для

чего твои книги? Джако три слова как следует не прочтет, а зато — вот как держит всех в руках!

И, потрясая в воздухе кулачищем, не находя слов, чтобы крепче выразить свою мысль, восклицал на весь дом:
— Вот как! А ты что думал!

Прежде Марго обычно сводила такие разговоры к шутке, но теперь она держит себя совсем по иному. В ее глазах Джако вырос в какой-то циклопический символ, в сверхчеловека, которому открыты все пути и дороги, которому ничего не стоит перешагнуть труднейшие барьеры и преграды. Он — новый человек новой эпохи, с крепкими мускулами, стальными когтями и кремневыми зубами, он все может, его ничто не страшит. Это он и ему подобные приведут восставший мир к покорности и создадут свою дисциплину, свое право. Под их свистящей плетью снова заработает разленившийся скот, закипит всюду сытая жизнь и каждый получит свой кусок хлеба — вкусный, большой, — получит его и Теймураз Хевистави, все знающий, но сам ничего не создающий.

Так оно уже и есть: ведь Теймураза уже приспособили к труду! Он теперь не даром съедает свой ломоть хлеба. Он получает его за то, что стоит за прилавком, — и это лучше, чем протягивать руку где-нибудь под забором.

И покорными глазами Марго восхищенно наблюдает, как расходившийся Джако, словно лев в клетке, мечется по комнате, рычит, размахивая руками, и топчется так, что все дрожит под ним:

— Э-эх, чорт! Поставить бы Джако у власти хотя бы на год! Показал бы он, как нужно делать законы и создавать порядок. Всем бы шеи свернул, как цыплятам!

Всех бы усмирил, всех обуздал! И Нинику, и Илу, и Дато! А тебя бы, Теймураз, писарем бы назначил. Писал бы ты приказы Джако для народа православного!

И ведь сбываются желания Джако: Теймураз уже работает у него и писарем, и счетоводом, и кабатчиком! А Марго за тот же хлеб насущный, нет... за тряпки! — пошла любовницей к этому необузданному хаму!

— О, господи! — воскликнул Теймураз.

Но тьма проглотила стон безысходности, а затем, сознание его, точно каленым железом, полоснула новая боль.

Самое главное упустил он из виду! Ведь всего два-три часа тому назад подтвердились все его догадки... Что делал в полночь, в комнате Марго, этот наглый пройдоха? Совершенно очевидно — оба они окончательно потеряли чувство стыда и всякой осторожности: Марго открыто изменяет, а Джако на глазах у всех принимает ее измену и издевается над обманутым мужем.

И вдруг так ясно представилась ему нагая Марго, на богатырской волосатой груди Джако. Словно к подушке прильнула она к нему, отдалась его медвежьей страсти и вдруг, как ком снега, начала таять в грубых объятиях. Теймураз не выдержал. Точно обжегшись, он рванулся вперед, наткнулся в темноте на холодную стенку и застонал:

— О-ох, мать моя!..

Почему потухла коптилка? Теймураз ее не тушил, сама же она не могла потухнуть, так как еще с вечера он налил ее керосином. Ветром задуть ее тоже не могло, ибо вокруг стояла абсолютная тишина.

Теймураз зашарил по прилавку, отыскивая спички, чтобы снова осветить конуру.

Пара зеленых огоньков шевелящегося клубка сверлят ему глаза. Дрожь пробежала по телу. Отскочив, взмахнул руками и крикнул не своим голосом:

— Гей, ты! Пошел вон!..

Мимо стрелой пронеслась кошка и, перескочив порог, исчезла в траве.

Что же это такое? Или впрямь сошел он с ума? Ведь видел же он — жену и эту обезьяну, мечущихся в постели! Видел совершенно ясно! Они обнимались, извивались, и их дыхание и придушенные стоны — он слышал, это не обман, не игра больного воображения! Он и не пьян, и мозг как-будто работает нормально, и чувства в порядке. Или, быть-может, незаметно выскочил какой-нибудь винтик из его сложного человеческого механизма, продолжающего работать как мельница без зерна и мельника?

Что-то невнятное бормочут губы; руки опустились, словно подбитые крылья; по телу — лихорадочный озноб. Теймураз это чувствует, но не в силах побороть себя, — ни совладать с разбушевавшейся стихией нервов.

Наконец, как-будто овладел собой и удивился очутившись на дороге, возле колючего плетня, на который наткнулся.

Протерев глаза и вздрагивая, как лист под ветром, попытался собрать последние усилия, чтобы вспомнить, каким образом очутился у плетня, далеко от лавки. Когда успел выскочить оттуда и куда несут его взбунтовавшиеся ноги?

Испугавшись самого себя, повернул обратно и бегом направился к духану. Споткнувшись, свалился на что-то мягкое. Его обдало пылью, колени заныли от боли, а затем, что-то взвизгнуло под ним и из-под ног, в сторону от дороги, метнулась собака.

Добравшись с трудом до лавки и почти потеряв рас-судок, — свалился у порога и принялся обтирать с лица холодный пот, придерживая рукой трепетавшее, как ма-ятник стенных часов, сердце.

Темная ночь застыла в мертвой тишине. Вдали шу-мит Лиахва. Где-то по шоссе поскрипывает арба.

Притаились кудрявые липы.

Филин заухал некстати — долбит наболевший мозг. Хищнику таким же уханьем из нижней рощи отвечает другой.

Теймураз замер от жуткой переключки. Это его судьбу проклинаят беспокойные птицы и не дают соб-раться с мыслями.

Ощупью поднял камень и швырнул в гущу лип. Филин сразу умолк, потом затрепыхал крыльями и с шу-мом пронесся в темноте.

Теймураз сел на траву, прислушиваясь к биению сердца. Наболевшие мысли больше не подчиняются; они разбрелись в разные стороны и тоже ищут покоя. Охая и кряхтя, будто тяжело раненый, привстал и, проташив тело несколько шагов, швырнул его, как мешок, на твер-дую постель.

Повеял предутренний ветерок, но Теймураз не чув-ствовал пролады. Он не в силах даже пошевелиться, чтобы сбросить навалившуюся тяжесть. Холодный пот снова выступил на лбу. Снова перед глазами, будто одержимые, беснуются Марго и Джако, хохочут, спле-таются телами и дразнят его, заброшенного в сырой угол, связанного по рукам и ногам, побежденного ночной пыткой.

В раскрытые двери пробрались бродячий пес с го-лодной кошкой и завели у изголовья борьбу за валяв-

шуюся под столом кость. Теймураз слышит их рычание, визг, грызню, пытается проснуться, но все напрасно...

К утру мысли как-будто снова зашевелились и он попробовал открыть глаза. Налившиеся свинцом веки не подымались. Он напряг все силы, чтобы вызвать образ Марго. Но, странно, — не может припомнить лицо, словно не знал ее и никогда не встречал.

Попытался привстать, чтобы прикрыть дверь, но ноги не повиновались; и язык не шевелился, когда он попробовал крикнуть, чтобы отогнать возившихся около кошку с собакой.

Жалким, беспомощным, никому ненужным, представился себе Теймураз в этой дыре.

Собака погналась за кошкой, выскочившей во двор. В духане водворилась тишина.

IV

Джако еле разбудил Теймураза.

— Почему так долго спишь? В чем дело? Или случилось что-нибудь ночью?

Едва приподняв ноющее тело, Теймураз промолвил:

— Я б... болен, Джако.

— Как болен? Почему болен? Не напали ли ночью разбойники?

— Нет, Джако, просто мне нехорошо. Мне нужно съездить в Гори, п... показаться доктору.

— Доктор? Брось к чорту доктора! Джако сам вылечит тебя в три дня. Водка, перец, керосин, пиявки — и все снимется, как рукой.

— Нет, Джако, с... спасибо, я поеду в Гори.

— Ну, как знаешь. Поезжай если хочешь.

Спустя час в лавку пришел Гиба и сменил Теймураза.

В то-же утро, возвратившись домой, Теймураз говорил жене:

— В с... странное положение п... попали мы, Марго. Живем в одном селе, в одном доме, а не видимся неделями. Не слишком ли мы загостили здесь, не пора ли нам честь знать?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Пора уезжать, Марго.

— Куда? К кому?

— Все равно — куда. На-днях выяснится... С... сегодня поеду в Гори, постараюсь найти службу и тогда...

— Так вот, когда найдешь, тогда и поговорим об отъезде, — холодно заметила Марго.

— Но ведь тебе неудобно ос...ставаться без меня в чужом доме?

Деланная улыбка пробежала по лицу Марго:

— Ты только теперь вспомнил об этом? Или, быть может, ты ревнуешь?

— Пос...слушай, Марго...

— Нет, серьезно, ты ревнуешь? Ха-ха-ха! К кому? Не к Джако ли?

— Много чести Джако, чтобы я ревновал тебя к нему.

— Как? — неожиданно вспыхнула она. — Разве Джако недостойн чтобы к нему ревновали? Почему вдруг такая немилость?

— Марго, я не п...понимаю тебя. Разве нужно говорить об этом? Значит, по твоему, я д...должен его опасаться.

Допустив нетактичность, Марго поспешила изменить тон разговора:

— Милый, ведь я же шучу. Неужели ты всерьез принимаешь мои слова? Ну, успокойся и поезжай. Может быть тебе посчастливится.

Холодно простившись с женой, Теймураз отправился в путь.

— Теймураз, — крикнул ему в догонку Джако, — желаю тебе успеха! За Марго не беспокойся! Джако не даст в обиду свою кумушку.

— До свиданья, Джако, — ответил Теймураз и, понуря голову, зашагал по пыльной дороге.

Было уже за полдень, когда Теймураз добрался до Леванашени. Повстречавшийся мальчуган охотно провел его к дому Тома — родственника Джако.

Старик сразу узнал гостя и засуетился, усаживая, с неизжитым еще подбострастием, Теймураза на ковер под навесом и громко клича свою старуху.

Старуха вышла с тазом воды и, по обычаю, предложила гостю обмыть ноги.

Расспросив друг друга о здоровье и новостях, Теймураз продолжал разговор, пытаясь незаметно перейти к больному вопросу.

— Джако просил тебе кланяться, Тома. Скучает он, давно, говорит, не виделся с тобой.

— Спасибо, князь, за привет. Джако совсем забыл меня. Больше года не показывается в Леванашени. Молодежь скоро забывает стариков... Говорят, большим человеком стал Джако... Конечно, теперь ему не до бедных родственников.

„Больше года не показывался“... Остальное Теймураз не дослышал.

— Да, Джако теперь не до бедных родственников,— повторил Тома и, взглянув на Теймураза, вдруг приподнялся:

— Что с тобой, князь? Не болен ли ты? Жена, дай скорее воды!

Теймураз с трудом поднял опустившиеся веки, приходя в себя. Сердце почти не работало, лицо пожелтело, губы сделались бледными и шептали, едва шевелясь:

— С...пасибо, Тома... Не надо больше воды... Это все от жары... Не привык я к ходьбе в знойную пору.

— Ты приляг, князь, отдохни, чтобы не стало хуже.

Теймураз растянулся пластом на ковре, закрыв глаза. Чувствует, как перестает биться сердце, как звенит в ушах, как кровь стынет в жилах, слабеют мускулы и в голове роятся мысли, словно пчелы, жаля больное сознание. После жгучей возни осинового гнезда, в голове вдруг похолодело, пчелы уже не копошатся в ней, а мечутся словно снежинки, гонимые морозным вихрем.

Теймураз пытается взять себя в руки, связать хотя бы пару порхающих мыслей, овладеть ими, но — все напрасно. Он не в силах шевельнуться, лежит трупом долгие, мучительные минуты и лишь чувствует, как голову давит одна тупая боль, рождаемая неотступным вопросом.

— Так ты говоришь, что Джако не был у тебя больше года?

— Да, князь, больше года.

— А память не изменяет тебе, старик?

— Память у меня, сказывают, завидная. Как сейчас помню еще каждое слово твоего покойного отца, помню и твой ребяческий лепет, первые твои шаги, все помню...

— Так... Но я слышал, будто Джако заезжал к тебе
месяца два тому назад.

— Нет, не был он у меня.

— А может быть он не застал тебя?

— Нет, я постоянно сижу дома.

— Так, так... хорошо... дай мне еще воды, Тома...

Так... спасибо тебе... прекрасно...

— Что прекрасно, князь?

— Все прекрасно, Тома, все...

Да, сомнениям больше нет места. Это даже хорошо, что, наконец, правда всплыла, что вчерашние подозрения подтвердились. Теперь все ясно и понятно. И если вчера в душе теплилась еще какая-то надежда, то сегодня беспросветный мрак окутал все, и оскалом черной пасти глядит на обманутого мужа несговорчивая жизнь.

Река не потечет обратно и прошлому нет возврата. Марго изменила, изменила жестоко и... ха-ха-ха... с кем? С Джако, с Джако Дживашвили! Да, это так, в этом больше не нужно сомневаться... „Арба сломалась... ночевали в Леванашени... у дяди Тома“... Но вот — и Леванашени, и дядя Тома!..

Марго, Марго! Неужели же это правда, что Джако, Джако Дживашвили, завладел твоим сердцем, и ты пошла за ним, за этим чумазым прохвостом, который сейчас там, подбоченившись, вероятно ржет: „Джако женится на княгине, обязательно женится! А как же!“

— Ха-ха-ха!—вдруг захохотал Теймураз,—хо-хо-хо! Ну, как же не смеяться!

Тома положил руку на лоб Теймураза.

— Тебе смешно, князь?

— Мне? Почему с... смешно?

— Не знаю, вероятно радость привалила, коли смеешься.

— Я не смеюсь, Тома! Чему мне радоваться?

— Это твое дело, князь. Только люди смеются, когда на душе хорошо.

Не потому смешно Теймуразу, что жену у него отняли. Смешно подумать — кто отнял! Джако Дживашвили! Выскочил из лесу зверюга и заграбастал женщину! Вчерашний раб, вор, невежда — родившийся в помете, проживший в нем всю жизнь, — несчастный пастух, сам похожий на скотину, презирующий мыло и чистое белье, — грязнуха, от присутствия которого невыносимо смердит в комнате, — это он-то завладел подругой всеми уважаемого общественника, женою князя Хевистави! Дикарь, чудовище, — ему мало владеть богатейшими садами и виноградниками, ему не хватает обширных полей и барского имущества, — так он потянулся грязными руками за княгиней!

— Ты опять смеешься, князь? Тебя веселит что-то?

Да, весело Теймуразу! Весело как повешенному, который точно также скалит зубы...

Все забрал Джако у Хевистави, — словно грабитель на большой дороге, раздел до-нага и пустил по миру на посмешище толпы! Разве это не гениальное издевательство судьбы? Разве на это не следует ответить смехом?

— Видать, ты совсем оправился, князь. Ну, дай бог тебе здоровья. Когда человеку весело — это хорошо, — ласково заметил Тома.

Что и говорить, — конечно Теймураз веселый человек. Это только жара его утомила, а так — он всегда готов посмеяться.

— Значит хорошо чувствует себя князь? — продолжал беспокоиться старик.

— Да, отлично, превосходно!

— А почему лицо побледнело и плохо держишься на ногах?

Ошибаешься старик, смотри-ка, как пройдет Теймураз по двору...

— До с...свиданья, Тома... Что ты сказал? Проводить меня хочешь? Не стоит, не беспокойся. До с...свиданья...

— До свиданья, князь. Кланяйся низко княгине и Джако.

Собрав последние силы, Теймураз быстро пошел по двору, направляясь к тропинке.

Но в глазах у него снова потемнело, голова закружилась, ноги задрожали и он едва-едва успел протащить расслабленное тело через двор и завернуть за изгородь. Спина гнулась от неимоверной усталости и к горлу комом подползало удушье.

Перешагнув развороченный плетень, он свернул с тропинки в виноградник и ничком свалился в пряную духоту трав и полевых цветов.

Тоска и отчаяние окончательно одолели несчастливца и, неожиданно, словно из прорвавшейся запруды, по щекам ручьями хлынули слезы. Так легко и от души Теймураз плакал только в детстве. Но сегодня он рыдал по иному: острая боль обиды за оскорбленные чувства жгла обнаженные нервы и в нестерпимой злобе, в беспомощном одиночестве, Теймураз ломал лозы виноградника и вырывал с корнями траву.

Обессиленный слезами и усталостью, он впал в глубокое забытие. Думать о чем-либо больше не мог. Пчелы перестали жалить усталый мозг и только тяжкими вздохами ныло побитое тело.

Кое-как прийдя в себя и собрав остаток сил, приподнялся и, цепляясь за лозы и спотыкаясь, снова двинулся в путь.

Но, выйдя на дорогу, остановился и задумался: куда идти? Возвращаться ли в Нашиндари, для расправы с Джако, или продолжать путь в город, обосноваться там и, затем уже ехать в деревню за женой?

Но как увезти Марго? Это же нелепость, бред безумца — ехать теперь за ней. Нет, этого он не сделает! Теймураз Хевистави не совершит такой глупости! Нет, нет! Даже если допустить, что Марго чистосердечно покается во всем и согласится уехать с ним, Теймураз Хевистави, все-равно не может унижить себя настолько, чтобы позволить любовнице грязного мужика носить княжеское имя! Нет, в нем еще сохранилось достаточно сознания и гордости, чтобы отказаться от развратницы, опозорившей честь рода Хевистави! Он больше не может целовать ее губы и жаться головой к ее измятой руками Джако груди!

„О, несчастная тварь, подлая развратница! Как смелы ты, столько лет прикрывать маской ангела свою жалкую душу! И неужели эта белая грудь могла таить в себе столько яда и грязи! Какой позор — прожить долгие годы и не суметь отличить змею от ягненка, божество от уличной потаскухи, в первую же ночь отдавшейся этому подлому дикарю, соблазненной его широкими плечами, сильными руками, жирными ляшками и необузданной страстью! И чем докажет она, что и прежде, в

городе, не ходила по дворам, и не отдавалась каждому встречному жеребцу, всем этим портным и сапожникам, приходившим снимать мерку с ее порочных ног“.

Да, десять лет ни о чем не подозревал! Ни разу не смутился даже ее поведением и пропускал мимо глаз и ушей подозрительное кокетство и двусмысленные улыбки со всякими знакомыми и друзьями, посещавшими тогда так охотно его гостеприимную жену. И, конечно, всех она щедро дарила ласками, всем она тогда отдавалась, оставляя его в дураках. Все эти пошляки, ловеласы, бездельники, кутилы, циники, нахалы — все они, безусловно „ценили“ Марго и передавали ее из рук в руки, легко и просто, как застольную, хмельную чашу!

„Подлая, распутная девка! Бессовестная тварь! Теперь ты обрела достойного друга! А если не хватит тебе Джако, тогда зови всю его дворню, всех нашиндарских мужиков и... потчуй свою похотливую утробу! На селе охотников хватит! Ублажат твое тело все эти Кешелы, Туры, Мешты и Бринки! Зови, зови же их!...“

Теймураз с омерзением сплюнул и, обтерев пот, зашагал дальше по пыльной дороге, сбивая кизиловой палкой листья с придорожных деревьев и кустов.

Нервы взвинтились до последнего предела, он шел все быстрее и быстрее, не обращая внимания на встречаемых путников, с удивлением оглядывавших его — похожего на ограбленного коробейника.

Миновав пригородные сады и обогнув старинную развалившуюся крепость, вышел на главную улицу города и, пересилив себя, принял спокойный, почти беспечный, вид.

В Гори Теймураз задержался с неделю. Побывал у всех старых друзей и родственников, ночуя поочередно

у каждого из них, чтобы никого не стеснять долгим присутствием. Ужасаясь, наблюдал, как теперь, до изнеможения, вынуждены были работать и бегать с высунутыми языками все те, кто жили раньше жизнью томительно праздной, по привычке довольствуясь нудным, провинциальным благополучием.

И с этими захудалыми, оборванными, потерявшими людьми засуетился и Теймураз, лихорадочно бегая с утра до вечера в поисках службы. Теперь он готов был с благодарностью ухватиться за какую-угодно работу: быть переписчиком, курьером, даже ночным сторожем.

Едва заслышав о какой-либо даже слабой возможности устроиться в том или ином учреждении, он срывался и бежал к знакомым и незнакомым людям, от которых зависела его судьба, и, согнувшись, по несколько часов высиживал в коридорах, чтобы в результате получить сухой отказ.

В бесплодных хлопотах прошла неделя, и тогда Теймураз решил на последнее: он пошел по квартирам власть имущих и дрожащим голосом умолял каждого дать ему работу под честное слово, что он никого никогда не потревожит своими убеждениями, что он накрепко заглушит их в себе, упрчет под десяток замков самой искренней клятвы.

Но его слезливые заверения оказывались напрасными. Предположив, что все двери закрываются перед ним только потому, что его не знают, Теймураз принялся рассказывать всюду о своем стаже общественника и, израсходовав последние остатки самолюбия, наконец, догадался, что все зло как раз в том и кроется, что все очень хорошо знакомы с его прошлым.

Не вызвав, несмотря на все старания, сочувствия и жалости к себе, окончательно огорченный недоверием, Теймураз решил, что кольцо неудачи навсегда окружило его.

V

В воскресный день, с раннего утра, беспомощный и растерянный, с опущенной головой, Теймураз бродил по окраине города, вокруг горийских садов. Устав от ходьбы, он с трудом вскарабкался по скалистым глыбам на развалины древней крепости и присев на камень, задумался.

Одиночество и неудача в делах притупили его злобу и смягчили ненависть к Марго.

Но, все же куда деваться? В чьи двери стучать? У кого искать приют и поддержку? Все пути отрезаны и ниоткуда не видно руки помощи. Все кончено!

Ах, если-бы он мог тесать камни, месить глину, владеть молотком или рубанком! С какой радостью присоединился бы он хотя бы к этим рабочим, что копошатся внизу, в развалинах домов, разрушенных недавним землетрясением. Да, он охотно стал бы в их ряды и знает заранее, как вкусен будет хлеб, орошенный трудовым потом; да, он был бы счастлив разделить их черный труд. Но, вчера, когда он подошел к ним, они встретили его так недружелюбно. Его пенсне и холодные руки вызывали только их усмешку и, наскоро распрощавшись, они отпустили его на все четыре стороны.

Об измене жены он почти не вспоминает. Сердце как-будто успокоилось, — во всяком случае оно не рвется из груди, как на прошлой неделе. Тихая печаль осеннего застоявшегося озера обволокла уставшие думы.

Внизу, под крепостью, суетится разрушенный городок. Влево и позади от развалин густыми зарослями раскинулись сады; вправо, поотдаль, мутная Кура обнимается с серебристой Лиавхой. За правым берегом Куры, под горой, виднеются вокзальные постройки и огромные нефтяные баки, окрашенные в желтый цвет. Ниже, по самому берегу реки, извиваясь черной змеей, тяжело дыша и отдуваясь густыми облаками дыма, ползет поезд. Сейчас он подойдет к скалистому хребту, в котором уже четвертое тысячелетие дремлет каменный город Уплисцихе — божья крепость. На востоке, в сизом тумане едва виднеются Ксанские и Зедазенские хребты, а ближе, среди жидковатого кустарника, в песчаных берегах, шевелится все та-же Кура.

Увлечшись пестрым пейзажем, перебегая глазами от одной картины к другой, Теймураз незаметно перенесся в Нашиндари. „Не ошибаюсь ли я? Не напутал ли старый Тома? Быть может Джако пошутил или оговорился, упомянув дядю Тома, — а на самом деле опоздал поезд? И вообще... кто знает, как все это случилось?“ Не надумана ли история с изменой Марго? Не поторопился ли он сплести вокруг жены всю эту паутину, в которой теперь запутался сам? Вдруг он поступил легкомысленно?

Ведь даже если согласиться, что Джако действительно прельстился Марго и полонил ее слабую волю, — возможно, даже взял ее насильно, — то и в этом случае нельзя не считаться с логикой, нужно отбросить всякую романтику и выяснить: почему это произошло, почему Марго пошла на измену и что оставалось ей делать после совершившегося факта? Убить насильника? Но могла ли она, слабая женщина, совладать с таким гигантом? Нет, конечно, не могла, — отвечал себе Тей-

мураз. Что же ей оставалось делать? Покончить с собой? Легко сказать! Много ли среди нас найдется таких смельчаков? Нет! Значит ей нужно было рассказать обо всем мужу и искать защиты! Но как, разве легко посвящать близкого человека в такие подробности и... что из этого получилось бы?

Нужно понять бедную Марго! Конечно, ей не по силам было поведать ему историю своего падения! Только женщина с базара могла рискнуть на такой шаг. Но Марго — чуткая, умная, воспитанная — она, конечно, побоялась скандала и поэтому скрыла свою тяжелую драму.

Но, почему же тогда, не объясняя причин, она не поспешила уйти вместе с ним, Теймуразом, из дома Джако? И на это не могла она решиться! Как, без всякого повода, она вдруг предложила бы ему оставить Нашиндари на следующий же день по приезде туда? Ведь отъезд из Тифлиса стоил столько неприятных разговоров, — она отказывалась ехать в деревню, предупреждала его, но он настоял на своем.

„А-ах, как я был непроходимо глуп!“ — простонал Теймураз.

Да, Джако, владеющий чудовищной волей, легко пленил Марго, подчинил ее себе и заставил молчать. Но почему она пошла за ним, а не за кем-нибудь другим, если муж ей вообще наскучил? Ответ так прост: в деревенской глуши Джако был единственным, навязавшим ей свою необузданную любовь, и она приняла ее, протестуя против поведения Теймураза, знавшего только книги да газеты, увлекавшегося изо дня в день политической хроникой и так скупно дарившего жену дружбой, любовью, вниманием. А дальше, разве не по вине мужа познала Марго нескончаемую нужду, которая обруши-

лась на них в результате его беспробудного увлечения политическими миражами и бесплодной фантастикой? Ведь в течение ряда лет, с тех пор как революция опрокинула его планы, он, словно фанатик, продолжал все же оберегать только свои принципы, не замечая, что жизнь уходит от него, оставляя его в совершенном одиночестве. Всему этому свидетелем была Марго, терпеливо переживавшая тяжкие невзгоды, покорно променявшая удобную квартиру на сырую, темную конуру и потерявшая в конце концов все, оставшись с парой обтрепанных юбок, в рваном белье, в изношенной обуви — постоянно голодная, несчастная, забытая.

„О, господи! — воскликнул в душе Теймураз, — смею ли я судить так сурово мою бедную страдальцу! Нет, она не виновна, она чиста, моя Марго! Это я измучил ее, это за мои грехи познала она жестокую расплату!“

И теперь, упрекая и виня во всем себя, он искал прощения у жены, освобождая ее от грубых подозрений, которые родились в жуткую ночь, проведенную им в лавке Джакко, и выросли в непоборимое смятение после посещения старика Тома.

Полное одиночество одолевало приступами острой боли. Марго, которую он так неосторожно оклеветал, только она — единственный верный друг — может помочь ему, успокоить, вселить бодрость. Иных друзей у него не осталось: они разбежались, как только увидели, что сытый стол Хевистави опустел и им больше нечем поживиться в его доме. Только одна Марго не покинула его в тяжелые годы и с безграничной покорностью шла за ним, перенося все невзгоды и лишения.

Дрожь пробежала по телу Теймураза. Страх ребенка, отставшего от матери, захватил его. Нет, он не в силах

больше оставаться в одиночестве! Пусть впереди какие угодно тернии, но сейчас он побежит в Нашиндари, бросится к ногам Марго, вымолит прощение и уведет ее хоть на край света. Мир велик и не без добрых людей. Им не дадут погибнуть, их поддержат; он будет работать круглые сутки, пожертвует всем — и остатком своих сил и даже убеждениями, — но выведет Марго из нужды и сделает ее счастливой. Пусть сгинет все — политика, родина, проклятые книги! Ему нет больше дела до них! Он будет знать и любить только свою жену, свою Марго!

Теймураз как-будто успокоился. На крепостной стене он один. В кармане у него маленькое евангелие, которое с прочими книгами оставил ему Джако, устраивая его на работу в духане.

Тайком, словно совершая преступление, Теймураз открыл книгу и, перелистывая страницу за страницей, старался постигнуть мудрость тяжелых строк. „Разделиша ризы моя и об одежды мои меташа жребий,“ — прочел он и остановился взглядом на полях, где знакомый почерк вывел карандашем: „Так вот и мои ризы разделятся“... Пометка его отца — князя Автандила. О чем думал старик, когда писал эти слова? Что означает его приписка? Или предчувствовал отец судьбу сына, которому пришлось делить не только одежды, но и жену и самого себя! Да, напророчил старик, хорошо умел заглядывать вперед!

Внизу звонили к обедне. Теймураз перекрестился и стал спускаться со стены.

В церковь он не заходил уже лет десять, со дня своей женитьбы. Если же ему необходимо было присутствовать на панихиде или отпевании какого-нибудь общественного деятеля, — он, обычно, проводил час-другой в ограде церкви в приятных встречах и беседах и скорее

спешил домой или на какое-нибудь очередное заседание. Но сегодня он шел на зов колокола с молитвенным смирением и радостью, как в детские годы, когда с матерью торопился к пасхальной заутрене.

Тропинка к церкви густо заросла травой и лопухами. В храме он едва насчитал человек десять старушенок и стариков. Прижавшись к стене в темном углу, дрожащими губами он шептал молитвы, сами запомнившиеся еще со школьной скамьи. Дьякон нараспев прочел послание к апостолам, а затем священник поведал притчу о распутной женщине, которую не осудил и простил Христос: „Иди и впредь не греш!“

Взволнованный Теймураз опустил худыми коленями на каменный пол и шептал со слезами на глазах:

— Марго, дорогая моя, и я не осуждаю тебя. Только воздержись и больше не греш. Оттолкни Джако и не терзай меня. Я тоже забуду все и буду жить для тебя одной... Боже праведный, помоги нам, прости нас и укажи путь истины!..

Обедня кончилась. Теймураз выходил из церкви умиленный, с просветленной душой. У выхода повстречался с престарелым священником:

— Отец Семен, я вас знаю очень давно, скажите можно ли в наши дни жить учением Христа?

— Можно и должно,—сухо ответил старик и, завидев в руках Теймураза евангелие, перелистал страницы и ткнул костлявым пальцем:

— Почитайте вот это место...

Священник ушел, а Теймураз все перечитывал: „Не судите, да не судимы будете“...

На душе в этот день полегчало и вокруг все посветлело, повеселело—и день, и люди; поверилось в сча-

стье, покой, — хотелось трудиться, любить, жить и бежать, скорее бежать к Марго, в Нашиндари...

VI

Радостный и бодрый торопится Теймураз к жене. Временами что-то напевает про себя и готовит теплые слова, с которыми обратится к Марго.

Если она в самом деле пленена Джако и тот вздумает силой удерживать ее, Теймураз скажет: „Товарищ Джако, все сложилось в твою пользу: ты завладел моим домом, землей, имуществом. Но, ничего, — пользуйся на здоровье, живи и работай. Только оставь в покое мою жену; она принадлежит мне — и этого права я ни при каких обстоятельствах тебе не уступлю. Ты силен, но не во всем. Там, где дело касается семьи — право на моей стороне, и лучше не пытайся бороться с законом, проиграешь! За гостеприимство прими от меня искреннюю благодарность и... прощай!“ Марго тоже поблагодарит любезного хозяина и уйдет с мужем.

Возможно, Джако ляпнет в ответ, что Марго хочет остаться с ним... Это уж совсем будет смешно! Ха-ха-ха! Неужели Джако рискнет на такую шутку?! Ну, что ж! — Марго тогда сама ответит ему: „Джако, до сих пор я была одинока. Муж мой двадцать лет боролся за человечество, в то время как ты благодушеествовал и, пользуясь нашим доверием, грабил и нас и крестьян. Теймураз боролся, а ты бездельничал; он сеял, а ты пожинал плоды его усилий, обирал его до тех пор, пока не пустил нас по миру. Ты воспользовался нашей беспомощностью и нуждой, чтобы поработить нас и поиздеваться так грубо, по-хамски! Но теперь — все кончено. Теймураз все знает,

все понял и ты должен забыть меня, Джако. Все должен забыть! Я люблю мужа и счастлива возвратиться к нему, потому что и он любит меня, и мы будем бороться вместе за наше счастье, за нашу жизнь"... Она гордо повернется, возьмет под руку мужа, и они уйдут.

Куда уйдут—все равно. Мало ли места на земле? Мало ли чем можно заняться при желании. Он займется ремеслом—будет сапожничать, давать уроки. Даже торговать папиросами он согласен! Да, он не откажется и от этой работы! С утра до вечера, в жару и холод, под дождем и в пыли, он будет стоять на улице, как живой укор времени, и кричать на весь мир о невиданном позоре интеллигента! Пусть будет так! И давно, давно нужно было плюнуть на бесплодную болтовню и взяться хотя бы за самое пустячное дело, ибо в паре чувяк, которые он изготовит, очевидно, больше практической ценности, нежели во всей его пятнадцатилетней „деятельности“ говоруна. И как жаль, что подобные истины так поздно приходят на ум. Расстрига Иване был прав, когда говорил, что „дорогу не оценишь до тех пор, пока не перевернешься с арбой“. Так оно и вышло: опрокинулась арба и видней стала дорога! Да, теперь она хорошо видна!.. Только бы скорее подхватить Марго и бежать с нею... Скорей! Скорей!

Дорога утомила Теймураза. Он прилег в тени осины и незаметно уснул. Уже сгущались сумерки, когда прохладный ветерок разбудил его.

Нагнав крестьянскую арбу, он вскочил в нее.

Часам к десяти вечера подъезжали к Нашиндари. В лавке Джако мерцал огонек. Теймураз зашел в лавку.

В ней возились Кешела и Бринка. Кешела готовил себе постель, а Бринка отвешивал соль для дома.

— Значит, Бринка, вместе пойдем домой?

— Пойдем вместе, веселее будет, — захихикал тот.

Они вышли.

„Джако не видит разницы между мною и Бринкой“, — размышлял Теймураз, бодро шагая в темноте. „Джако равняет меня в этом несчастным идиотом! Но он ошибается... Завтра все будет кончено, и тогда... посмотрим...“.

Беспричинный страх и волнение захватывают Теймураза по мере того, как он приближается к дому. Бодрое настроение и боевая решительность сменяются неловкостью и странным стеснением. Слово прощения и милости идет просить Теймураз у Джако. Замедлил шаги. Через пять минут его встретят Марго и Джако. „Нашел службу?“ — спросит Джако. — „Нет“, — ответит Теймураз. — „Зачем же ты торопишься увезти Марго?“ — „Надоели мы тебе, Джако... пора нам собираться“... А что если вдруг Марго рассмеется и загогочет Джако в ответ на его слова? Нет, так не случится. За ночь он толково обдумает все и наутро увезет, обязательно увезет жену.

Подошли к дому. Бринка поласкал собаку, потрепал ее за уши. А пока он занимал ее, Теймураз поднялся на балкон.

В доме тишина. Должно быть уже спят, — решил Теймураз. И хорошо: утро вечера мудреней — за ночь можно будет спокойно все решить.

Бринка исчез в темноте.

Словно воришка, осторожно, на цыпочках, Теймураз прошел коридор и очутился в спальне жены. Он хорошо

помнит эту комнату, оклеенную розовыми обоями. В ней он жил будучи еще молодым, в ней поселил его Джако; когда с женой, два месяца тому назад, они приехали к нему погостить. Направо... вот тут... у окна, против большого зеркала, должна стоять ее кровать...

Раздавшийся богатырский храп заставил вздрогнуть Теймураза.

Он поправил пенсне, переступил несколько шагов и остановился, всматриваясь в широкую кровать.

Луна помогла подслеповатым глазам. В кровати лежал Джако. Он узнал его и по росту, и по мохнатым, щетинистым усам, и по раскрытой пасти, из которой торчали лошадиные зубы. Рядом с ним... Марго, под белой простыней. Прижавшись головой к его груди, словно к подушке, она спит спокойно, сыто. Луна ласкает ее оголенные груди — пышные, налитые. Разметавшиеся змейками волосы и маленькая рука словно прилипли к волосатому телу мужика.

Мурашки забегали по спине Теймураза, голова закружилась, ноги подкосились и, словно обручами калеными, сжало грудь.

Кое-как осилив себя и ухватившись рукой за спинку кровати, он вытянул шею и стал разглядывать спящих, словно проверяя: не ошибся ли. Всматривается жадными глазами словно голодный на вкусное блюдо... какая знакомая картина! Он помнит ее, он уже видел ее когда-то... Но где-же, где? Не в духане ли, когда душили его кошмары? Или тогда это была явь, а теперь призрак? Ничего не понять!

Протер глаза и машинально вздрогнув, ткнул пальцем грудь Джако.

Да, это он, — живой, настоящий.

Пробежал глазами по стене. Ружье... сабля... жал...

„Убей его, не мешкай... решай скорей“.

Рука потянулась за кинжалом... кинжал предков, боевой, бог весть, сколько врагов сразивший на своем веку... Блещет стальное лезвие... Минута — и все будет кончено... Но как быть с Марго?... — „Не раздумывай, торопись, не щади и ее! Одним взмахом кончай с обидными!“... Сейчас, прости, о господи... сейчас прольется кровь... не станет человека... рука уже не дрогнет... Вспомнил: в день приезда к Джако — обещал Марго за оскорбленную честь мстить кровью... И вот рука сама поднимается... сверкает лезвие... сейчас вонзится в человеческую мякоть... нет не в человеческую, в брюхо хищника... Боже праведный, прости...

Ледяной холод ударил в голову, задержался на мгновение в плечах, и ознобом прохватил до пяток. Туман застлал глаза, рука занемела, ноги подкосились. Пол задрожал, словно кто бросил на него мешок с опилками. Кинжал зазвенел металлическим взвизгом, и все погрузилось в темень.

Проснулся Теймураз в широкой, мягкой кровати, в которой час тому назад спали Марго и Джако.

Приоткрыл глаза, оглядел комнату. Хотел удержать в памяти убегающий сон, но тот успел выскользнуть и скрыться.

У изголовья — одетая Марго, тихая, застывшая, — смотрит в окно. В густых ветвях орешника застряла луна.

Боясь шевельнуться, исподтишка посмотрел на жену, обвел взглядом комнату и, припомнив все, тихо застонал.

Марго опустила руку на его лоб, не отрывая взгляда от окна. В темной листве то голубеет, то серебрится лунная дрожь.

Слабыми руками схватил жену за локоть, пытаюсь притянуть к себе. Она молчит и не двигается с места.

— Марго... что с тобою? Что... с нами?

Марго не отвечает.

— Что за несчастье свалилось на нас?—продолжает стонать Теймураз,—как это случилось, что ты... променяла меня на Джакко? Почему ты молчишь, Марго?

Марго не шевелится.

— Маргуша, ответь же мне... успокой... расскажи...

Глубоко вздохнув, едва прошептала:

— Не знаю.

— А-ах, понимаю... тебе трудно говорить... Он взял тебя силой, этот зверь?

— Да.

— И ты молчала, боялась голода и скандала, не правда ли?

— Да.

— Понятно... все понятно. Это с... случилось по дороге из Тифлиса, ночью, не правда ли?

Марго вздрогнула и прикрыла лицо руками.

Теймураз продолжал:

— Джакко соврал, что вы заезжали в Л.. леванашени... Вы не ночевали у дяди Тома?

Марго еще ниже опустила голову.

— Ты скрыла от меня, что случилось в дороге, и он, эта гадина, обнаглел, начал шантажировать... Ты попала в капкан, который оставался равнодушным к твоим страданиям и бессилию, не правда ли, Марго? Ну, ответь, успокой меня!

— Ты прав,—прошелестел ветерком ее голос.

Встала, подошла к окну и снова застыла, вглядываясь в темноту.

Теймураз облегченно вздохнул, приподнялся, оперся на локоть и зашептал:

— Ну, слава богу! Я не ошибся, я чувствовал, что все произошло именно так. Были моменты, когда мне казалось, что ты полюбила Джако, что я стал тебе не нужен... Я не хотел этому верить, но... кто знает, как устроено сердце женщины. Теперь же я знаю все, и ты прости меня за дикие мысли. Я ошибся, потому что люблю, и мне так страшно потерять тебя... А с Джако я еще посчитаюсь, и не прошу ему своего позора!.. Утром мы уедем из этого логовища... Нет, не станем ждать утра, едем сейчас, сию минуту, нам нельзя дольше оставаться в этом страшном доме.

Он вскочил с кровати и начал поспешно одеваться.

— Да, да, Марго, нам нужно уходить немедленно... торопись, одевайся!

Марго не шевелилась и не отвечала ему. Он же приговаривал лихорадочно суетясь:

— Едем Марго, едем! Все устроится... все забуду, все прощу... Я уже простил, я ничего не знаю, ничего не помню... Во всем виноват я... Но ничего, я уже не тот, что был... мы заживем по иному, новой жизнью и ты будешь счастлива! С Джако у меня будет особый разговор, он узнает меня!

И метался по комнате, угрожая:

— Не спущу ему, не спущу!..

— Кому не спустишь? Кому ты угрожаешь?! — взревел вдруг в дверях Джако, ветром ворвавшись в комнату.

В руке его блеснул тот самый кинжал, которым собирался расправиться с ним Теймураз, а в другой—он держал револьвер и, потрясая тем и другим, исступленно рычал:

— Кого ты хочешь убить, несчастный трус? Кому угрожаешь? Джако Дживашвили?

Марго вскрикнула, подбежала к нему и, повиснув на руке, взмолилась:

— Джако, что с тобой! Оставь его, успокойся!

— Вздумал пугать Джако? Да ты знаешь, что я как свинью заколю тебя! Пусти меня, Марго, пусти, говорю тебе!

Кровь застыла в жилах Теймураза. Он забился в угол и шептал задыхаясь от страха:

— Я не хотел у... убивать тебя, Джако. Успокойся, одумайся... Нельзя же сразу хвататься за оружие... Вышло какое-то недоразумение и мы все об...бсудим...

Джако неистовствовал:

— Нет, пусти меня, Марго! Я должен его зарезать! Бринка, несчастный, вздумал пугать меня!

— Успокойся, Джако, успокойся—упрашивала Марго.

Убедившись в полном бессилии соперника, Джако вложил кинжал в ножны, револьвер—в кобур и, подболевшись, захохотал так, что в доме все проснулись.

— Ха-ха-ха! Бринка угрожает Джако Дживашвили! О-хо-хо! Убить захотел меня! Хо-хо-хо!

Затем, перестав хохотать, схватил Теймураза за шиворот и выволок его на середину комнаты.

— Так что тебе нужно? Марго захотел? Говори!

— Джако, Марго моя жена и я хочу взять ее от... тсюда.

— Хочешь ее взять? А для чего она тебе? Для чего тебе женщина? Чем будешь ее кормить? Во что оденешь? Или забыл уже, как сделал из нее клячу? Ведь кожу да кости привез ко мне! А теперь захотелось индюшечки пасхальной? Умник нашелся! На что ты ей сдался, посмотри на себя — разве ты мужчина? Тьфу! — вот что ты!

И сплюнул с такой брезгливостью, будто не человека держал в руках, а какую то пакость.

— Но ты не смеешь нас нас... силовать, Джако, — заикнулся Теймураз, осторожно высвободившись из лап Джако и попытавшись заговорить о своих правах мужа.

Джако перебил его и снова с презрением крикнул:

— Почему не смею? Кто это тебе сказал? О каких законах вздумал болтать? Вот—закон Джако, смотри!

И растерев ногою плевков, наполовину вытащил из ножен кинжал, погладил его и продолжал свое:

— Вот закон! Другого теперь нет! Теперь ривальюция, теперь Джако дает тебе закон! Ничего ты не знаешь,дохлый князь!

— Позволь, Джако, ты меня не понял. Мне кажется...

— Довольно, замолчи! Надоел ты мне! Говорю тебе, что не получишь Марго и баста! Иди жалуйся на Джако куда хочешь — все равно ничего не получишь! Понимаешь?

Теймураз ухватился за последний довод:

— Джако, но нужно с... спросить Марго. Она здесь и пусть сама решит наш спор.

Джако не ожидал такого исхода. Пристально посмотрев на Марго, он на секунду заколебался, но сейчас же, засучив рукава, согласился:

— Хорошо, Джако согласен. Говори Марго — хочешь Джако?

Обратив взгляды на женщину, соперники ждали ответа. Джако положил руку на рукоятку кинжала, предупреждая на всякий случай результат неугодного решения.

Вся побледневшая, Марго опустила лицо в руки и простонала:

— Что вы делаете со мной!

— Марго, ты раздумываешь? — задрбежал невытерпевший голос Теймураза.

Джако же, отдернув ее руки от лица, повелительно крикнул:

— Говори сразу: я или Бринка?

— Оставьте меня, как вам не стыдно! — зарыдала Марго и отвернулась.

— Марго, друг мой, — умоляюще воскликнул Теймураз, — говори, не бойся, скорей говори, не мучь! — и отступил в ожидании развязки.

— Скажи ему, Марго, — хочешь меня? — настаивал Джако.

— Ах, умоляю, не мучьте! — взмолилась Марго. — Как вам не стыдно!

Она метнулась к дверям, но Джако преградил ей путь.

— Куда идешь? Почему не говоришь?

— Марго, я ух...хожу. Или ты пойдешь сейчас со мною, или оставайся здесь навсегда! — кричал Теймураз, надевая шапку и отступая к дверям. — Идешь или остаешься?

— Постой... подождите до завтра.

— Нет! — твердо отказал Теймураз.

— Нет! — повторил за ним Джако и, отойдя в сторону, указал на дверь:

— Джако ничего не просит. Если тебе нужно, уходи. Вот — ты, вот — Теймураз! Выбирай!

И опять из ножен выползло лезвие кинжала.

Марго зашаталась, свалилась на постель лицом в подушку.

Теймураз едва выдержал минутное молчание и захрипел, не узнавая собственного голоса:

— Марго, с... спрашиваю последний раз: идешь ты или остаешься?

Марго молчала и молчание ее было страшнее ответа.

Приговор был ясен.

Теймураз прислонился к косяку, чтобы не свалиться.

— Значит... остаешься. Спор окончен, — простонал разбитым голосом Теймураз, словно кто черепки выметал из комнаты.

В полутьме блеснули зубы победителя:

— Да, кончился наш разговор! — взревел Джако. — И тебе тоже конец, Бринка! Марго остается! Теперь знаешь закон Джако? Ну, проваливай отсюда!

Теймураз выцедил:

— Значит... прощай Марго! Прощай!

Марго рыдала в подушках.

— Марго! Моя Маргуша! — кинулся Теймураз к жене и, обняв ее ноги, застонал, словно раненый. — Мне некуда идти! Я не могу без тебя! Подумай, что делаешь... Кому отдаешь себя!

Джако на мгновение опешил и терпеливо выслушал последние слова Теймураза. Затем взял его за шиворот и оторвал от жены.

— Довольно, хватит! Пора тебе убраться отсюда! — и толкнул его к дверям.

Никто так не обращался с Теймуразом. Он рванулся обратно и, вцепившись в горло соперника, закричал:

— Дикарь, негодяй, как ты смеешь? Что ты делаешь? Мерзавец! Палач!

Отпустив горло, он ухватился за кинжал, но не заметил как вмиг очутился на плече у Джако, который, почти бегом потащил его из комнаты.

— Не хочешь уходить из чужого дома, — так выброшу тебя... Не кричи, а то изобью как собаку! — и скатил его по лестнице.

— Теперь сам ищи дорогу!

Вернулся в комнату и запер дверь на ключ.

VII

Собака рвется с цепи, иступленно лая почти над самой головой Теймураза. Разбитый, весь в синяках, он попытался подняться.

Джако перегнулся с балкона:

— Цыц, Богриа! Замолчи!

Завиляв хвостом, собака отошла к конуре.

— Ты еще не убрался, Бринка? Ну, смотри, спущусь—плохо будет!

Забыв про пенсне, которое затерялось на лестнице и про шапку, оставшуюся в комнате, Теймураз проскочил мимо собаки и, хромя, побежал через двор.

Предутренняя луна, забравшись на гору, будто ехидничает. Из ущелий повеяло прохладой. Деревня еще спит. Богриа снова разбрежалась, позвякивая цепью.

Ничего не замечая, Теймураз бежит между плетеными изгородями садов и огородов. Слышит свои шаги, биение сердца и далекий шум Лиахвы. От камней и кочек поминутно подворачиваются ноги.

Наконец, одышка заставила остановиться. Оглянувшись, прислушался.

В болоте квакают лягушки, в деревьях спросонья щебечут птицы.

Вдруг почувствовал—что-то теплое жмет к ногам. Вздвогнув, отступил и увидел жирного кота Джако. Так это он все путался в ногах, то мешаясь с кочками, то прячась в придорожных кустах. Только кот не захотел расстаться с обиженным гостем и теперь, пылливо расширив зрачки, мяучит словно ребенок:

„Мя-у-у-у“!

Теймураз не выдержал, отшатнулся и погряз в болотной жиже. Лягушки прервали концерт и, шлепая, спрятались в грязных лужах.

Миновав еще ряд изгородей, Теймураз добежал до гумна Петре.

Залаяла собака. С саманника громко крикнули: „Кто там?“ Теймураз не отвечая шагал дальше. Вдруг споткнулся и так заохал от ушиба, что нагнавший пес, в изумлении остановился и присел, поджав хвост.

Теймураз стонал. Пес подвывал ему.

— Эй, кто там?—раздалось снова с гумна. Теймураз узнал голос Ниники, замолчал и побрел к реке.

Шумит Лиахва... Она—последнее пристанище. Больше итти некуда! Все потеряно, все расчеты закончены! Жизнь стала ненужной, пустой, невыносимой... Секунда решительности—и река примет в свои глубины дань последнего Хевистави.

„Вот скорпион поступает мудро, — думал Теймураз, — попав в огненное окружение он сам убивает себя“. Так должен поступить и он, брошенный родственниками, друзьями, женой... Даже после смерти некому будет вспомнить о нем! Так, разве кто от скуки пофарисейничает — покачает головой, изречет пару теплых слов и пожелает вечного покоя уставшему страдальцу, чтобы через час навсегда забыть о его делах и заслугах.

„У китайцев в этом отношении дело обстоит лучше, — вспоминал Теймураз. Они заранее, при рождении человека, оплакивают его судьбу, и радостно встречают смерть — избавительницу от всех земных печалей. И как же не завидовать мертвецам! Разве есть более великое счастье — закончить страдальный путь человеческий и уснуть вечным/покоем! Да, китайцы — мудрый народ!“ Он понимает их и сейчас воспользуется их обычаем... Лиахва зовет... нужно спешить!

А все же, — что станет с Марго, когда она узнает о его смерти? Вероятно, всплакнет из жалости, а может быть... от досады, что смертью на несколько дней нарушит ее покой...

„О, будь ты проклята, лживая тварь!

Задыхаясь подбежал к бурной реке, к глубокому водовороту, где прежде удил рыбу. Начал отсчитывать: „раз... два...“, но остановился и вздохнул. Кровь заметалась в жилах, сердце вырывается из груди, голова вот-вот треснет на части...

Приготовился снова: „раз... два...“ — и опять отскочил назад. Ноги словно вросли в землю. Слышит: „Подожди, не торопись, быть может не все потеряно, быть может вернется“...

Нет, никому он не поверит!

Рука забегала по груди, зацарапала хилое тело... Теймураз трижды перекрестился, вглядываясь в бурлящую вечность, и крикнув: „три!“—бросился с обрыва...

В глазах темно, вода давит... от воды некуда деться... рот не успевает забирать ее...

— Спа-а-си-и-ите!

Вопли утопающего взбудоражили молчаливые берега. Хватаясь то за гребни волн, то за скользкие прибрежные выступы, щепкой барахтается Теймураз по течению.

— По-мо-ги-и-ите! Спа-а-а-си-и-ите!

Привязчивый кот не отстаёт и, безнадежно мяукая, мечется по берегу, перескакивая с камня на камень, а собака Петре, несколько поотстав, уселась на зелёный бугор и воет, чуя недоброе.

На гумне слышали крики. Ниника, стремглав, первым понёсся к реке:

— Эй, кто там? Кто зовет?

— Помоги-и-те-е-е!

— Где ты? Где?

— Спа-а-си-и-ите!

Завидев барахтающееся тело, крикнул во всю мочь:

— Держись! Не бойся, я здесь!

Дрожащими руками Теймураз на секунду ухватился за голый выступ. Волны хлещут по лицу, остервенело силясь оторвать его от скалы.

— Иду, иду!—крикнул Ниника ещё раз и, скользнув с обрыва, вцепился в утопающего.

На горизонте пунцовым веером развернулась заря. По бирюзовой степи пушистым караваном потянулись утренние облака.

С окраин села ко двору Петре сбегаются люди. В саманнике, растянувшись замертво, тяжело приходит в себя Теймураз. Над ним склонились Петре, Ниника и человек десять соседей. В углу, на корзине, закутавшись в шаль, притаилась Марго. Она перестала плакать и, в ожидании развязки, трет опухшие от слез глаза.

Подбоченившись, улыбается Джако:

— Я же сказал, что собака не подойдет от хромоты. Сейчас он встанет и поскачет на одной ноге, о-хо-хо!

Ниника хотел ему ответить, но, закусив губу, сдержался и отошел в сторону.

Марго подошла к зашевелившемуся Теймуразу, села около него и, приподняв его голову, положила ее себе на колени.

— Зачем ты это сделал? — тихо спросила она. Пойдут теперь всякие сплетни...

Теймураз зашевелил руками и разинул рот, глотая воздух, словно рыба, вытащенная на берег. Хотел что-то сказать, но не смог. На секунду задержался взглядом на жене и, искривив лицо, захрипел:

— Уб.. берись отсюда, развратная тварь!

Марго вскочила, как ошпаренная.

— Говорил я тебе: не ходи к нему, — крикнул Джако. — Он не хочет больше тебя! Пойми!

И повернувшись к Теймуразу, бросил:

— Ну, и валяйся здесь! Подыхай, как собака, баба несчастная! Тьфу!

— Убирайтесь, негодяи! Не хочу вас! Оставьте меня! — мечется Теймураз.

Джако занервничал, побагровел.

— Не тронь его! — захрипел Ниника, вплотную подбежав к Джако. — Довольно, молчи, или...

Джако промычал несвязное, показал свои клыки, но быстро съежился, повернулся к выходу и, подталкивая вперед Марго, вышел с нею из саманника.

На дворе что-то передумал и, появившись снова в дверях, крикнул на прощанье, дразня грязным пальцем:
— На, Бринка, выкуси! Не подавись только! Что получил свое, растяпа! Теперь будешь помнить Джако!

Ниника бросился за Джако, но тот, прервав речь, хлопнул дверью и исчез.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Неделю спустя, Джако вел беседу с расстригой.

— Значит, если устроишь дело, заработаешь шестьдесят мер пшеницы. Идет?

— Попробую, постараюсь...

— И еще вот что: если начнешь строить школу — арбу и двух рабочих получишь от меня. А для капратива ничего не дам, понимаешь?

— Понимаю.

— Нашиндари капратив не нужно. Довольно с нас — всякие лавочники грабили, теперь еще капратив начнет шкуру драть! Это мы не позволим.

— Не знаю, Джако, как будет с кооперативом, — трудно помешать его открытию. А что касается Теймураза — это дело, я думаю, выйдет.

— Ладно, давай по рукам, — кончай с ним. Капратив пускай подождет.

Пожав друг другу руки, они разошлись.

В тот же день вечером, Иване, подсев к Теймуразу, отлежавшемуся у него в доме, зондировал почву:

— Значит, не передумал ты, собираешься уходить от нас?

Теймураз молчал.

— Службу все равно тебе не найти. А без денег куда денешься?

— Да, — тихо согласился Теймураз.

— А если так, зачем тебе уходить? Оставайся здесь.

— Нет, Иване, уйти я твердо решил и очень прошу тебя, не уговаривай меня.

— Хорошо, хорошо, не горячись, не волнуйся. Я не хочу тебя обидеть. Разве я не знаю, что ты страдаешь незаслуженно, страдаешь по милости этого хама, который дни и ночи должен был молиться за тебя.

— Гм... Что-ж, Иване, таким счастье само плывет в руки, и за них сам бог стоит. А что для Джако бог? Иной из чучела творит себе кумир, а он не задумывается бога в чучело обратить.

— Это верно. Никогда не забуду, как он орал: „Боже, помогай революции“, когда почувствовал, что на этой революции может хорошо пожитья.

— Да, революцию делать — бога зовет, а кооператив к чорту отсылает.

— Да, да. А вот недавно у него захворала коза, — так он призвал священника и говорит: „Коза моя больна — причащай ее!“

Теймураз улыбнулся.

— Ничего ни поделаешь, Иване, — приходится терпеть. Кому как улыбнется судьба! Вон, я смотрю на твой двор, как собака аппетитно хлебает помой, — и вчера она их хлебала и завтра похлебает, — не сдохнет с голоду; свиньи счастливо чавкают, воробьи чирикают, сороки по забору прыгают — смотрю и завидую им! Ведь они в сотню раз счастливее нас! А посуди сам, — разве Джако походит на человека? Он совсем недалеко ушел

от твоей свиньи, но он счастливее меня, этот болван, мошенник, невежда!

— Верно, верно, — поддакивал Иване, стараясь избавиться от бесполезных разговоров и поскорее перейти к делу.

— Ты не сердись, — обратился он к Теймуразу, — что я вмешиваюсь не в свое дело. Но я только добра желаю тебе. И если веришь мне, то позволь сказать об одной вещи.

— Тебе, Иване, я верю... говори.

— Вот что, Теймураз: конечно, ты можешь остаться или уехать отсюда, но мне кажется, что тебе следовало бы... раз навсегда определить судьбу Марго. Иначе, остается неопределенным и твое положение и ее.

Теймураз низко опустил голову, зажал ее ладонями и прошептал:

— Да... пожалуй.

Но откуда знает все Иване? Или уже ему известно и то, что никуда не отойдет от Нашиндари Теймураз, зря лепечущий о своем отъезде?

— Сам уходишь без копейки в кармане, — продолжает настаивать Иване, — и ее, как-то уже слишком легко, оставляешь.

— А что же делать, Иване? Может быть ты что-нибудь знаешь, или говорил с Марго?

— Нет, с Марго я не виделся, но... неужели ты так и оставишь ее, княгиню, любовницей мужика? Пощади хоть свой род и, если все кончено между вами, тогда разведись с нею.

Теймураз снял пенсне, потер виски и вздохнул:

— Да, нужно будет об этом подумать.

II

Теймураз почти оправился. Но никуда не выходит. Сейчас он полулежит на тахте, перечитывая случайно попавшуюся под руку книгу.

Неожиданно в комнату вползли три тени. Теймураз поднял голову.

Джако, Иване и Марго подошли к нему.

— Здравствуй, Бринка! — гаркнул Джако, зацапав лапой его руку. — Как поживаешь?

Теймураз привстал. Растерялся, покраснел. Ничего не смог ответить.

— Ты совсем живой? Как твои дела, дорогой кум? — продолжал Джако.

— С... спасибо... я здоров... уже оправился.

Марго присела к нему. Взяла его за руку. Другой — приложила к глазам платок.

Иване отвел Джако на балкон.

Оставшись наедине, супруги несколько минут молчали. Потом оба прослезились.

— Ты здоров... Я рада за тебя, — вздохнула Марго.

Теймураз ничего не ответил. Затем обратился, точно к покойнику:

— Значит все кончено, Маргуша? Навсегда?

Ему хотелось пожать ее теплую руку, но Марго повернулась к окну.

Ответ был понятен без слов.

Теймураз пошатнулся и свалился головой на ее колени. В складки платья так приятно было запрятать лицо.

— Маргуша, друг мой, прости меня! — рыдал он. Я так обидел и оскорбил тебя! Но что мне было делать, когда от любви я потерял рассудок, и тоска и отчаянье

захватили меня, свели с ума. Я так несчастен, я болен, Марго, я люблю тебя и только твое милосердие исцелит меня... Пожалей меня, забудь все, как друг, как сестра, как мать...

Марго совершенно смутилась. Она не ждала слов покаяния. Не знала, что делать, что ответить Теймуразу. Собираясь на свидание с ним, она мечтала только о том, как бы выманить у него прощение за свой поступок и миром завершить разлуку. Она понимала, что из рук Джако ей уже не вырваться. Но десять лет супружества — пусть безрадостного и даже тяжелого — не прошли бесследно. Не так легко, оказывается, оторваться от прошлого. Она чувствует, какой невыносимой боли стоит ей каждый день разлуки, как каждая точка тела стонет, отрываясь от того, кого победила слепая страсть и дикая любовь Джако. Марго полагала, что сегодня Теймураз сам поможет разорвать ей нити супружества и высвободит ее из своего плена. И вдруг, он молит о прощении, целует колени и винит во всем не ее, а себя.

Растерявшаяся Марго дрожащей рукой гладит его, тронутые сединой, волосы и взволнованно прислушивается к бредовому шопоту:

— Ты простишь меня, Марго... Неправда-ли? Вот ты ласкаешь меня, значит... да, да... ты снова будешь моей... ты любишь меня.

Она приподняла его голову и посмотрела в мокрые глаза.

— Встань, Теймураз... успокойся. Нам надо все забыть и не вспоминать больше друг друга.

— Подожди! — взмолился Теймураз, вцепившись снова в колени. — Подожди немного. Это последняя ласка. Сейчас все кончится, кончится навсегда. Я не буду

больше надоедать тебе... да и Джако мне не позволит. Но, скажи же, Марго, какую судьбу ты готовишь мне?

— Не спрашивай меня, Теймураз.

Но тот продолжал, не слушая ее:

— Говори, Марго, жалеть меня не нужно. Я приготовился ко всему и меня ничто уже не страшит. Пусть мы сегодня умрем друг для друга, пусть отныне ты будешь принадлежать другому, — но сейчас, скажи, что мне делать дальше, завтра, когда я останусь один?

— Я не знаю. Все зависит от тебя. Пораздумай сам.

Откинув голову, он посмотрел ей в глаза и прошептал:

— У меня одна мечта: жить около тебя. Больше мне ничего не нужно.

— Жить около меня? Теймураз...

— Не удивляйся. Ведь это так мало. Хоть изредка я хочу видеть тебя — и это все... все, о чем я прошу.

Марго не знала, что ответить.

— Я... я не понимаю... Зачем я тебе? И что скажет Джако? Что будут говорить другие?

— Марго, я останусь только твоим другом. Смотри на меня, как на брата и больше ничем не дари меня... Я жду твоего приговора.

Джако не вытерпел. Вошел в комнату и, увидев Теймураза у ног Марго, прохрипел:

— Ну, чего тянете! Дела на грош, а все никак не кончите.

— Не с... сердись, Джако, и не думай плохого. Мы только беседуем. Я не собираюсь вас тревожить.

Подбоченившись и выпятив грудь, Джако ответил:

— Джако не боится тебя. Разве ты видел, чтобы я боялся кого-нибудь?

— Это верно, Джако. И я тем более не опасен для тебя.

— Тогда говори: даешь Марго развод, или нет? Если хочешь деньги — Джако дает... Только скорей кончай базар!

Теймураз на минуту опешил. Затем, набравшись смелости, ответил:

— Джако, знай, для Марго я готов пойти на все, но не смей говорить мне о деньгах! Слышишь, ни слова о деньгах! Я не торгую честью, понимаешь?

Джако просиял:

— Вот так, хорошо! Очень хорошо! Если не хочешь — деньги не бери. Завтра давай Марго развод и уезжай в Тифлис. Тебе я дам письмо в Гори. Там у меня товарищ духан имеет. Сделай ему булгахтерию, научи его как земля крутится, и он хорошо тебе заплатит... Значит, утром завтра развод, а вечером тебя провожаем.

— Нет, Джако, отсюда я не уеду. Я не могу оставить Марго.

— Почему? На что тебе Марго? Что ты будешь здесь делать?

— Пошли меня опять в духан и позволь хоть изредка встречаться с Марго.

— Это можно. Джако согласен. Только без меня к Марго не подходи. Хочешь так?

— Пусть будет по-твоему.

— Тогда давай руку. Иване, режь!

Марго встрепелась. Почувствовав себя оскорбленной, она выпрямилась и вскинула голову. Глаза блеснули гневом и в складках губ зашевелилось презрение. Измерив Теймураза уничтожающим взглядом, она повернулась к нему спиной и, схватив Джако за руку, приказала:

— Джако, пойдем.

Они ушли.

Обалдевший Теймураз застыл на месте с поднятым пальцем.

— Не понимаю... ничего не понимаю,— бормотал он.

III

Через неделю Теймураз уступил, отказавшись вовсе от встреч с Марго. И тогда все трое поехали в Гори. Теймураз развелся там с Марго и получил от Джако право на жительство в Нашиндари.

Джако готовился к женитьбе.

Года два тому назад, когда закрывались церкви, он кричал громче всех:

— Джако не хочет церковь! Не нужно церковь!

И собственноручно заколотил тогда старенькую домовую молельню Хевистави.

Но несколько месяцев спустя он передумал и заявил на сельском сходе:

— Джако хочет молиться. Бога не нужно, но церковь пускай будет. Только пусть хороший поп придет.

Церковь открыли, но священника не искали. Джако позабыл о нем.

И когда однажды Теймураз чуть не упал в обморок, увидев в своей церкви скотину, Джако спокойно возразил ему, — указывая на беленькую сельскую часовню:

— Если хочешь молиться, иди туда.

Часовня приютилась за околицей и терпеливо неделями выжидала приезда священника из соседнего села, когда нужно было кого-нибудь крестить, венчать или отпевать.

Теймураз долго уговаривал Джакo найти более подходящее место для хлева, и тот сдался лишь тогда, когда в дело вмешалась Марго.

Переведя скот в старый хлев, Джакo снова запер церковь и ключ положил в карман.

Теперь, готовясь к свадьбе, он снова вспомнил о заброшенном храме. Третий день уже крестьяне скребуг и моют загаженные стены и пол.

Вся деревня знает, что на-днях на селе будет праздник, что Джакo женится на княгине.

Воскресное богослужение близится к концу. К домово́й церкви Хевистави непрерывной лентой тянутся крестьяне поглазеть на жениха и невесту.

У входа волнуется молодежь.

— Эх, одернуть бы его! Уж слишком обнаглел ваш Джакo!—говорит Ниника проходящему мимо крестьянину.

— Почему наш, а не ваш? — переспрашивает тот.

— Потому что вы все носитесь с ним.

— Ничего, доберемся до всех, — грозитя приятель Ниники.

— Да, не по-христиански делает Джакo. Где это видано, по четыре раза на роду жениться?—замечает подошедший старик.

— А чего же вы, верующие, молчите? — напустился на старика Ила. — Зачем потакаете ему?

— Пусть бог сам следит за своими законами, а нам бы земные соблюсти, — ответил старик, протискиваясь ко входу.

Юноши проводили его смехом.

— Ну, нам здесь делать нечего,—громко обратился Ниника к товарищам.—Ай-да, ребята! Трогайся!

Десяток молодых парней, поругиваясь и посмеиваясь над женихом, вышли за ограду.

Из кустов показался Теймураз.

Быстрыми шагами, с опущенной головой, стараясь ни на кого не глядеть, протиснулся он в церковь и, весь раскрасневшийся и вспотевший, прислонился к колонне.

Обряд венчания начался.

Дряхлый священник в поношенных ризах стоял перед „молодыми“ и дряблым голосом опрашивал:

— По доброй воле вступаешь в брак?

— А как же, конечно! — понесся под купол голос Джако.

Остроты и едкий смешок нарушили церемонию венчания. С тем же вопросом обратился священник к Марго.

Она что-то невнятно прошептала и едва заметным кивком подтвердила согласие. Взяв за руки жениха и невесту, священник трижды обвел их вокруг аналоя.

Теймураз поднял голову и едва узнал Марго и Джако.

Начисто выбритый и гладко остриженный Джако — в „каба“ из темного синего бархата, в расшитом серебром шелковом архалухе и лакированных сапогах. Золотой пояс и оружие — сабля и кинжал, с инкрустациями из слоновой кости, украшают его громоздкую фигуру. Марго одета, как десять лет назад, когда венчалась с Теймуразом,—в белое атласное платье, с крупными жемчужинами, вместо пуговиц. На голове — фамильный венчик, с бесчисленным множеством жемчугов и алмазов.

Теймураз узнал и оружие и одеяние „молодых“. Все это фамильное достояние издавна переходило от поколе-

ния к поколению и извлекалось лишь в дни великих праздников и пышных торжеств из окованных железом сундуков, которые, по словам Джако, во время революции оказались „похищенными“ разбойниками.

— Плодитесь как Авраам и Исаак, как Сарра и Ревекка,—шептал священник.

Теймураз наблюдал исподлобья и размышлял про себя: „Так вот, куда девались сокровища. Вот он, настоящий разбойник“.

Но Теймуразу, в сущности, всего этого уже не жаль. Молчал он до сих пор, будет молчать и дальше,— все стало так безразлично, ненужно. Сейчас он видит одну Марго и все мысли его бегут только к ней.

— Исайя, ликуй,—затянул священник дребезжащим голосом.

Ах, не все ли равно, кто крал сундуки и кому они достанутся, раз Марго больше не принадлежит ему и за сундуками сама попала в лапы Джако.

Теймураз смотрит на нее и сравнивает с той худенькой, стройной девушкой, которая вот так же, десять лет назад, стояла в церкви рядом с ним. Вспоминает, как волновалась она тогда и стыдливо улыбалась, стараясь не поднимать глаз.

Это было так давно. Сегодняшняя Марго — уже не слабенькая, робкая девушка, а возмужалая женщина, знающая себе цену, бросающая его — обездоленного, преждевременно состарившегося, на полный произвол.

Осторожно поведя глазами, Марго остановилась взглядом на Теймуразе.

Вздрогнула. Смутилась. Но быстро овладев собой, наморщила лоб, подняла брови, искривила губы и, презрительно улыбнувшись, повернулась к Теймуразу спиной.

До окончания богослужения она больше ни разу не посмотрела на него. Он же не мог отделаться от брезгливого, презрительного взгляда, которым она хлестнула его, вручая себя гордому победителю.

Тяжело и безнадежно вздохнул Теймураз. Стоящие рядом крестьяне переглянулись меж собой, посмотрели сочувственно на него и покачали головами.

„За что она так возненавидела меня? Почему столько презрения ко мне? Откуда эта надменность?“—допытывался Теймураз.

„Как, за что? Ведь ты жалок, ты побежден“, — отвечал ему чей-то неведомый голос. — „Ты без всякого сопротивления уступил жену этому чудовищу; ты согласен теперь сам пойти к нему в рабство, чтобы наблюдать чужое счастье, — и неужели тебе не понятно, что женщина не может этого простить, она только презрением и может заклеймить такой поступок“...

„О, боже, неужели за это?—простонал тихо Теймураз.

„Посмотри, во что ты обратился? Как не похож ты на своих предков“, — продолжал наставлять неведомый голос. — „Они грызли железо, они в рукопашную шли на медведя, не боялись спать в снегу. А ты? Как цыпленок, вот сейчас, стоишь на могиле своего отца—на груди великана, — и куда же ты годишься, бессильный, жалкий выродок?“

Не выдержал Теймураз и стоном наполнил церковь. Схватился обеими руками за грудь, словно хотел сдержать сердце, рвавшееся из костяной клетки.

Десятки голов повернулись к нему. Все стали перешептываться и сокрушенно вздыхать.

Кто-то промолвил:

— Несчастный...

— Да, я несчастный, я жалок! Только презрения я достоин! — громко кричал Теймураз.

Расстрига Иване поспешил к нему:

— Успокойся. Не нужно падать духом. Тебе следует больше не задерживаться здесь и навсегда оставить наши края. Сегодня же уходи отсюда, беги без оглядки.

— О-ох, не могу, — стонет Теймураз.

— Выйди из церкви, — продолжает настаивать Иване.

— Подождите минуту... Я сам уйду, не гоните.

Священник прервал службу, и обратившись печальным взором к колонне, около которой крестьяне возятся с Теймуразом, ждет пока все успокоится. Джако шевелит глазами, точно облупленными яйцами и с трудом сдерживает ярость. Марго поникла головой и трет глаза белым шелковым платочком. Теймураз никого не видит, ничего не слышит. Он то поправляет пенсне, то размахивает руками, словно от кого-то отбиваясь.

— Теймураз, — нервничает Иване, — ты не узнаешь меня?

— Узнаю... Но что тебе нужно?

— Выйдем отсюда.

— Почему же мне уйти? Ведь я в церкви... я м... молюсь... мне нужно помолиться... Служба, говоришь, кончилась? Тогда пойдем.

И снова закричал, собрав последние силы:

— Довольно издеваться!

— Теймураз, молчи... Что с тобой?

— Хватит, говорю, глумиться! Я не позволю...

— Теймураз, неудобно... не кричи.

— Я не кричу, я ничего не говорю. Просто мне не хочется присутствовать на своей панихиде, — застонал Теймураз.

И через минуту удивленно спросил:

— Неужели я кричал? Нет, Иване, это тебе показалось... уверяю тебя, ты ошибся.

Расстрига взял его под руку.

— Так надоело все, Иване, — жаловался Теймураз. Мне нужно отдохнуть... устал я... Пусть они венчаются...

— Пойдем, Теймураз, пойдем.

— Я сам пойду, не нужно мне помогать.

Взбудораженные мысли остывали. Глаза закатились, губы запрыгали, задрожали, голова повисла, будто кто-то перерезал шею. Он не выдержал и, точно скошенный, растянулся на паперти.

IV

Три дня продолжалось свадебное пирование у Джако. С гиканьем и песнями расходились по селу пьяные гости в последний вечер. На обширной поляне усадьбы, в ветвях, мерцали фонарики, освещая столы, за которыми задержались кое-кто из гостей. Они бормочут невнятное, в чем-то убеждают друг друга заплетающимися языками. Некоторые свалились в повалку тут же под деревьями и храпят, наверстывая потерянные ночи.

Весь взьерошенный, с расстегнутой грудью, с налитыми глазами, продолжает бодрствовать Джако. С турьим рогом в руке, он все еще хрипит:

— Ну, кто может пить, — держись, а кто устал — на поляне много места! Джако пьет за человека, который справился с тремя женами и прихватил четвертую!

И, похлопав по плечу сидящую рядом Марго, поднес ко рту наполненный рог.

Из-за деревьев показалась фигура Теймураза. Медленно подошел он к столу и остановился перед новобрачными. За ним, словно крадучись, следовал Иване.

Увидев Теймураза, Марго быстро поднялась и направилась к дому.

— П... подожди, — спокойно сказал Теймураз, преградив ей дорогу.

Джако оторвал рог от пасти и удивленно посмотрев на гостя, весело воскликнул:

— А-а, это ты, Бринка? Милости просим, пожалуйста. Садись, дорогой. Кешела, давай чистый стакан. Кум Теймураз хочет благословить свадьбу.

Наполнил рог и поднес его гостю.

Теймураз принял рог обеими руками, подумал и заговорил:

— Джако, э... завтра утром меня здесь не будет. Но я не могу расстаться с вами, не сказав тебе и Марго на прощанье несколько слов.

— Ни к чему все это, — пожав плечами заметила Марго.

— Ус... спокойтесь, госпожа Дживашвили, я займу у вас только десять минут, и полагаю, что для последнего слова это не так много.

Джако насторожился и положил руку на рукоятку кинжала.

— Я не собираюсь оскорблять вас и угрожать вам...

— Да никто тебя и не боится, — буркнул Джако.

— И хорошо, все равно тягаться с тобой я не хочу и не могу. Моя песенка спета. Но не забывай никогда, Джако, — продолжал Теймураз, повышая голос, — что ты был батраком, что ты здесь пришелец! Ты воспользовался не в меру моим доверием и... разжирел на чужих хлебах!

— Разжирел от работы, — поправил его Джако.

— Знаю от чего, знаю. Я видел все, но молчал.

Моя доброта сделала тебя разбойником!

— Джако сам работал на этой земле и поливал ее потом.

— Все знают, как ты потел, пользуясь чужими спинами. Потел, чтобы захватить мой дом, мои поля, мое имущество...

— Ничего, кум, все это в прок мне пошло, — пробовал шутить Джако.

— Даже очень пошло. Но по какому праву?

— Вот по какому праву, — огрызнулся Джако, — указывая на кинжал. — Ривалюция все дала Джако.

— Революция могла отдать эти земли не тебе, а крестьянам, которые просидели на них сотни лет и пролили здесь столько поту, что если его собрать, то в нем утонул бы и ты и все твои сородичи.

— Джако тоже работал.

— Ты не вспахал ни одной полосы, ты не подрезал ни одной лозы. Ты просто сделал из революции дойную корову!

— Замолчи, Бринка, — возмутился Джако. — Дойть корову тоже работа!

Марго решила прекратить неприятный спор.

— Не понимаю, Теймураз, для чего ты наболтал столько срунды. Все это так надоело, так противно.

Теймураз потер ладонью лоб.

— Вы правы, сударыня... совершенно правы. Я заболтался.

— Значит, нечего было и затевать разговор.

— Конечно, Бринка, конечно. Давай лучше выпьем.

Зачем много говорить.

— Ты прав, Джако, как рыболов, завидевший мутную воду, и невинен как волк, встретивший ягненка. Бог пожалеет и рыб и ягнят, а тебе нечего их щадить.

— Конечно, кум! Все равно богу некогда считать баранов.

— Но знай, Джако, что в конце концов и волку приходится отвечать за свои проказы. Так уже устроен мир, ничего не поделаешь.

Марго снова вмешалась в разговор:

— Уж не записался ли ты в пророки бараньего стада? Ха-ха-ха!

Теймураз привскочил словно его больно стегнули.

— Молчи, блудливая сука!

Схватился за сердце и упал на стул.

Марго тихо вскрикнула и побежала к дому. Иване приводил в сознание Теймураза, прикладывая холодные компрессы. Гости, очнувшись от спячки, подняли суматоху.

Джако ничего не понимал. Он растерялся и кричал по двору:

— Гиба, запрягай арбу! Седлай лошадь, Кешела! Давайте воды! Зовите цырульника! Давайте сюда исполком, а то все на бедного Джако потом взвалят! Шевелитесь, черти!

Но увидев, что Теймураз задвигался и заговорил с Иване, пришел в восторг:

— Бринка, ты жив! О-хо-хо! И напугал же ты меня! Я уж думал, что обязательно сдохнешь, о-хо-хо! Кешела, не нужно никого звать! Сейчас Бринка совсем поправится. Выпей этот рог и спляши лезгинку — все как рукой снимет. Хорошее лекарство... Куда же ты идешь?

— Нет, Джако, я пойду. Мне нужно уйти. Я здесь не нужен.

Поддерживаемый Иване, Теймураз ушел со двора.

Джако сначала опешил, потом разразился бранью:

— Плевать хотел я на тебя и на твои слова! Разве это человек! Тряпка какая-то! Гнать его нужно отсюда!

И долго он еще бесновался после ухода Теймураза, поминутно отплевываясь и заполняя руганью ночную тишину:

— Гадина несчастная! Плевать хотел Джако на твое образование и на весь твой княжеский род! Джако знает свой закон! Джако умеет делать ривалюцию и потому все получает! Бросай, князь, свои книжки в печку и проваливай на все четыре стороны, если жить тебе еще не надоело!

V

На другой день утром Теймураз прощался с Иване.

— Большое тебе спасибо за сочувствие и гостеприимство. Надеюсь, я еще успею отблагодарить тебя за все. Не знаю, когда мы встретимся с тобой, — но только помни, что тебя, Иване, я не забуду.

— Куда же ты пойдешь, Теймураз?

— Пойду искать счастье. О прошлом буду стараться не вспоминать и чем скорее забуду — тем лучше будет. Или победителем возвращусь, или вовсе не увидишь меня. Винить за свои неудачи я никого не хочу. Во всем виноват я. Пойду теперь завоевывать право на новую жизнь. Хватит с меня заниматься болтовней и строить воздушные замки.

— Вот это мне нравится, — поддакивал Иване. — Желаю тебе успехов и счастливого пути.

Они обнялись в последний раз и через несколько минут Теймураз зашагал с котомкой за спиной и с суковатой дубиной в руке.

Выглянувшее из-за гор солнце снопами лучей полегло на полях. Вокруг все вдруг ожило и засуетилось. Утренний туман, висевший над деревней, испарился. У оросительного канала запестрел скот, жадно потягивающий студеную влагу, прежде чем уйти на пастбище. Собаки, забегая во дворы, лаем сгоняли на улицу ленивых буйволов.

Перейдя канаву, Теймураз вышел на дорогу. Босоногая девочка, подпрыгивая на одной ноге, пересекла ему путь, задорно улыбнувшись. Мальчуган, запустивший палкой в собаку, попал Теймуразу в ноги. Сконфуженно засмеялся и тотчас улепетнул в сторону. За ним в перевалку погнался с шипением гусь.

Теймураз шагал бодро, заражаясь энергией сельчан, вышедших на работу. Приободрившись, запел вполголоса давно забытый мотив, который сейчас почему то вспомнился. Запел и сам удивился. Ведь много лет уже прошло, как забыл он о песнях, — если не вспоминать тех дней, когда, стоя за прилавком лавочки Джако, ему приходилось подтягивать заржавленным голосом засиживавшимся гостям.

— Здравствуйте, дядя Теймураз!

— А-а, Ниника, это ты? Э.. здравствуй, дорогой.

Ты меня напугал.

— Уходите?

— Да, мой друг.

— Надолго?

— Пожалуй, навсегда.

— Значит школу и кооператив будем без вас открывать?

— Без меня, Ниника.
— А может вы еще вернетесь?
— Боюсь сказать. Не знаю...
— Мы выдворим Джако из вашего дома. Кстати, не знаете ли вы, где хранит он ваши ценности?

Теймураз призадумался.

— А для чего они вам?
— В Тифлис пошлем. В музей сдадим. Хотя, говорят, что рубин он давно продал.

— Как продал? Кто тебе с...сказал?

— Джако сам всем говорил.

— Как же так? Ведь я видел рубин недавно на упряжи его лошади.

— Это фальшивый. Он купил его в Тифлисе, на базаре.

— Что-то не верится. А впрочем, все равно... Твой отец, Петре, знает, где все запрятано. Порасспроси его... Ну, будь здоров.

— До свидания, дядя Теймураз. Возвращайтесь... Мы вас снова поселим в вашем доме.

— Думаете одолеть Джако?

— Будьте спокойны, справимся.

— Ну, ну, желаю вам успеха.

Ниника перелез через изгородь и скрылся в виноградниках, а Теймураз пошел дальше.

VI

Крестьяне толпами спешат к дому Джако. Во дворе смятение, крики, гул взбудораженных голосов.

— Кончено! Решено! — кричит с балкона Ниника.

— Народ нашиндарский, так где же правда? — перебывает его Джако, стоящий тут же.

— Мы знаем, где она! — отвечает Ниника.
— Это наше дело! — вторят ему Ила и Тедо.
— Правильно! — звенят из толпы юные голоса.
— Дайте сказать два слова! — пытается перекричать всех Джако, сбрасывая папаху с головы и поглаживая дрожащей рукой ежовую голову.

— Пусть говорит!
— Говори, говори!
— Народ нашиндарский, ривалюция всем нам дала землю...

— Тебе сотни десятин, а нам по три!
Джако замялся и на секунду смолк. Потом гаркнул осипшим голосом:

— Да, потому что Джако может вспахать больше вас!
— И мы можем. Руки не хуже твоих!
— Видели, как ты пахал!
— Знаем твою работу!

Джако теряется все больше и больше. Толпа наседает. „Хочешь спасти от волка стадо — не пожалей овцы“, — решает Джако и бросает собравшимся:

— Чего пристали с проклятой землей? Если очень захотелось — берите половину! Жрите! Не жалко!

— Всю возьмем, не половину! — отвечает совсем осмелевший Ниника.

— Всю, всю отдавай! — требует толпа. — Ничего тебе не оставим!

— Берите всю! Чорт с вами, дарю! — бесится Джако.

— Ха-ха-ха! О-хо-хо! — гудит двор. — Смотри, как раздобыл на чужое!

— Спасибо за подарок, Джако! Спасибо!

— Так! Принимается! — колотит кулаком по перилам балкона Ниника.

Джако машет руками и словно разбрасывая пригоршни золота, приговаривает:

— Всю землю дарю. Бедняков у нас много. Для них мне ничего не жалко. Жрите и убирайтесь прочь!

Повернулся и хотел уйти, но Ниника схватил его за шиворот и водворил на место.

— Куда ты! Стой и слушай дальше!

— Чего еще от меня хотите? — испуганно поводя по двору выпученными глазами, спрашивает Джако. — Пустите! Все отдал!

— Подожди, счеты только начинаются, — кричит с балкона Ниника, пытаюсь водворить тишину. — Расскажи теперь, кто впустил тебя в этот дом?

— Сам влез!

— Никто не впускал!

— Вышвырнуть его нужно!

Снова взмолился бледный Джако, прислонившись к столбу:

— Народ нашиндарский, зачем обижаете меня? Сегодня у меня заберете все, завтра с вами также поступят. Подумайте, что делаете!

— А кто дал тебе этот дом?

— Ривалюция дала, — бормочет Джако.

— Теперь революция берет его назад! — отрезал

Ниника.

— Правильно!

— Убирайся во-свояси!

Ниника торжествует:

— Товарищи, наверху у нас будет школа. Внизу — кооператив. Согласны?

— Согласны, конечно!

-- Здесь же можно будет разместить и исполком, — продолжает декларировать Ниника. — Джако пусть переселяется в духан или куда хочет.

— Правильно!

— Принято!

Словно медведь, попавший в капкан, мечется Джако.

— Ладно, забирайте и дом, только оставьте меня в покое, свиньи неблагодарные.

И снова пытается улизнуть.

— Стой! — кричит Ниника. — Я еще не кончил. Слушай дальше. Земли тебе будет оставлено по общей норме, а сад и виноградник мы передаем школе. Правильно, товарищи?

— Здорово!

— Лучше быть нельзя!

— Народ нашиндарский, завтра и вас он так же ограбит! Вот посмотрите! Не верьте ему! — безнадежно вопит Джако.

Но никто больше не слушает его.

— Звери, вы! — орет Джако. — Лежачего бьете! Плохо вам придется за такие дела! Погодите!

Поддержки нет. Не находится охотников вступить за Джако. Даже родня молчит, пугливо съежившись, — кто головой поник, кто в облака уперся взглядом.

— Чего молчите, трусы несчастные! — гаркает на „своих“ Джако. — Языки поотнялись? У-у, мерзавцы, так-то платите за добро! Мало я бегал по вашим делам? Мало вас, баранов, выручал?

— Ладно! Довольно! Помолчи!

Видя, что ничего не выходит, Джако решается на последнее:

— Значит хотите погубить меня? Так плевать хотел я на вас! Завтра поеду в Тифлис и найду на вас, разбойников, упразду!

— Проваливай куда хочешь!

— Скатертью дорога! Выпроваживайся!

— Да, да, расправлюсь! Проучу вас! — исступленно ревет Джако. — Плохо вы меня знаете!

— Ладно, — прерывает его Ниника, — съездишь, тогда увидим, а пока держи ответ перед нами. Куда девал ценности Хевистави? Признавайся и сдавай их.

Джако зашатался и открыл рот, ловя воздух. Говорить он больше не мог.

— Итак, товарищи, за дело! — командует Ниника. — Джако, выноси все, что запрятал! Приемка начинается — по описи, при свидетелях!

Джако застыл у столба. Молчит, озирая толпу, точно связанный бык.

— Слышишь, тебе говорят! Или ждешь, чтобы встряхнули тебя? Тедо, Ила, за мной!

Молодежь побежала вниз по лестнице.

Джако моментально очухался. Протер глаза, лоб и побежал за ребятами, рыча, словно раненый зверь.

— Куда, вы? Не смейте! Гиба, Кешела, Тура — помогите!

Те неохотно побежали за ним, вяло взмахивая руками, точно подбитыми крыльями.

— Шевелитесь подлецы! Берите ружья! — орет Джако.

Тедо и Ила уже долбят киркой стену. Джако остановился в нескольких шагах от Ниники. Глаза налились кровью, руки дрожат.

— Ниника, берегись! — крикнул вдруг Ила.

Джако сделал скачок в сторону юноши, но получив удар в ухо — взревел, остановился, весь затрясся, но сейчас же снова бросился на врага с кинжалом в руке.

Впрыжок Джако. От короткого, ловкого удара хрустнуло правое плечо. Рука онемела и пальцы разжали рукоятку кинжала. Вторым ударом Ниника угодил Джако по лбу.

Поединок быстро закончился. Джако свалился на пол.

— Вылейте ему на башку ведро воды, — бросил Ниника. — Отойдет.

Взломанная стена открыла пасть.

Расстрига Иване составляет опись имуществу.

Ниника руководит приемкой.

Часа два спустя, бледный, разбитый событиями, Джако, с повязанной головой, у низкой двери давно необитаемой башни, молчаливо наблюдал, как родня его перетаскивает из барского дома в башню всякий хлам и снедь — корзины, лохани, тюфяки, мешки с шерстью, запасы сыра, масла и овощей, на которые теперь Джако тошно смотреть.

Ниника расхаживает по просторным комнатам княжеского дома, точно полководец по взятому форту, небрежно бросая то Тедо, то Ила:

— Это отдайте ему... Это понадобится школе... Это верните...

Закончив дела и заперев комнаты, Ниника поставил у входа сторожа и пошел с товарищами по домам.

Проходя мимо башни, остановился и, улыбаясь, обратился к присмиревшему Джако:

— Ну, что ты скажешь теперь?

— Ничего... Джако ничего не скажет... — и вытянулся, привстав во весь рост, как некогда стоял перед суровым князем Автандилом.

— Тогда наберись благоразумия и впредь не безобразничай. Иначе выселим тебя отсюда вовсе.

— Джако будет молчать.

— Ладно, об остальном поговорим после, — промолвил Ниника, и зашагал дальше.

— До свидания! — бросил ему вдогонку Джако.

Юноша улыбнулся, но не повернулся и ничего не ответил.

Но едва он сделал несколько шагов, как Джако вдруг преобразился, сверкнул подбитыми глазами, заскрежетал по-волчьи и зашипел, раздирая грудь острыми ногтями.

— Подожди же сорванец! Придет время — заплачешь ты у меня! Сопляк паршивый! Воришка, грабитель!..

Ниника повернулся.

Джако моментально притих, снял шапку и, отвесив низкий поклон, так и остался стоять с опущенной головой.

VII

Спустя несколько месяцев, глубоким стариком, возвращался Теймураз в Нашиндари.

Словно бездомная кошка пробирается он к владениям Джако. На голове — шапка, которой не позавидовал бы даже беспризорник, на плечах — заплатанная английская шинель, на ногах, — чусты, из которых выглядывают грязные пальцы.

Согнувшись в три погибели, он еле волочит уставшее тело, опираясь, как на костыль, на толстую палку. Седая борода рассыпалась по впалой груди; трясется голова, точно вот — сорвется с насиженного места; глаза провалились глубоко в глазницы и застыли стеклянными мутными шариками.

Зима на исходе. По голым чернеющим садам и перелескам тяжело шевелятся туманы. Над полями повисли тяжелые тучи. Хмурое небо исходит то мелким дождем, то мокрым снегом.

Липкой грязью тяжелы деревенские дороги. По заборам и оголенным деревьям, сиротливо ежась, разместились воробьи, сороки и галки, терпеливо выжидая наступления оттепели.

Скучно и безрадостно в такие дни на селе. Лиахва пока еще нежно урчит в берегах, но вот-вот зазвенит по-весеннему и расплескает свои воды по отлогим берегам.

Теймураз добрался до села. Стадо гусей встретило его неприветливым гоготом. Сорока на плетне завела невзначай разговор, — она радушней чем гуси.

— Что, пришел? Здравствуй! Добро пожаловать! — чудится Теймуразу.

Деревенская детвора оглядывает странника, но не смеется более над ним, не дразнит.

С трепетом вошел в родной двор. Десятки звонких детских голосов наполняют дом. Шум и гвалт вырывается из окон. Всюду сует детвора, и нет ей удержу. Сразу обступили пришельца, недоумевают, болтают, смеются.

На террасу вышел учитель. Оглядел Теймураза. Улыбнулся.

Появившийся откуда-то Кешела моментально узнал гостя, перебежал двор и принялся ему что-то рассказывать.

— Пойдем, князь, поведу тебя к Джако, — и потянул Теймураза за отрепья к нижней башне.

Джако сидел спиной к дверям у очага и чадил из трубки махоркой. Обросший, небритый, в кожане и тя-

желых сапогах, он снова походил на медведя. Марго выглядела исхудалой и пожелтевшей, точно только что поднялась после тяжелой болезни. Губы поблекли, щеки ввалились, глаза потухли. На ней — ситцевое платье, в заплатках, и старенькая вылинявшая шаль.

Завидев Теймураза, оба повернулись к дверям и застыли.

— Гостя к вам привел, — крикнул Кешела и сам повернул обратно.

Теймураз отвесил поклон и тяжело вздохнув, процедил:

— Вернулся я...

Больше ничего не смог добавить. Поглядел по сторонам и остановил мутный взор на своих грязных, изношенных чустах.

Джако тоже молчит. Марго, прийдя в себя, опустила голову и вышла поспешно из комнаты, не проронив ни слова.

Наконец Джако очухался и улыбнулся:

— Так это ты, Бринка? Иди, иди сюда! Здравствуй, кум, садись, рассказывай, что нового, где шлялся так долго?

Теймураз не в силах шевельнуть языком.

— Ведь говорил я тебе, — продолжал Джако, не дождавшись ответа, — не уходи, оставайся! Что ты забыл в Тифлисе, чего искал там? А тут смотри, каких дел без тебя понатворил Ниника, как обидел Джако! Сидел бы ты у меня в лавке, да делал бы свою булгахтерию. А то ведь этого болвана, Кешелу, все надували, кому не лень... Садись, кум, поближе к огню, грейся... Погубил совсем дело старый растяпа! Тьфу!..

— Значит, духан ты закрыл? — промолвил гость.

— Конечно. Все проиграл Джако. Совсем лопнул. В лавку никто не идет. Капратив открыл Ниника в твоём доме... Дешево все продает. А налог — Джако давай!

— Если кооператив открыли, ничего не выйдет с лавкой.

— Ничего не выйдет? — вскричал Джако. — Говоришь, ничего не выйдет? Капратив? Посмотрим! Также будут шкуру драть с народа! Только хорошие слова говорят! Джако знает свое дело!

Теймураз присел на край тахты.

— Да, пришлось возвратиться мне...

— Вижу, что вернулся, — огрызнулся Джако. — Толку с этого мало... Все отняли, черти, ничего не оставили. Дом для школы, сказали, нужно, а вещи в город, в музей повезли, чтобы все смотрели...

— Одним словом, ограбили тебя? — улыбнулся Теймураз.

— Школу устроили, черти, для своих сопляков! — бесился Джако, словно ему наступили на большой мозоль. — Посмотри, как все испортили, грязь кругом! А кому нужна школа? Кто теперь будет пасти стада, кто воду будет тоскать, если все целый день в школе торчат и ничего не делают?

— Да, воз... змутительно! — иронически поддержал кума Теймураз.

— Ох и расправлюсь я с этими голоштанниками! Всем влетит, и Нинике, и Дато, и Ила! Покажу им, как грабежом заниматься!

Сняв папаху, Джако погладил себя по перевязанной голове.

— Что с твоей г... головой?

— Ниника, собака, немножко палкой разбил. Все отнял, да еще голову испортил. Ничего, скоро такой дом построю, что все с ума сойдут.

— С ума не сойдут, Джако, а п... просто отнимут.

— Отнимут? Тогда ничего Джако не построит.

Джако мечется по комнате, грозит кулаками и всем угрожает.

— Разве это люди? Это разбойники и жулики! Ничего, запляшут они у меня!

Помолчав несколько минут, он как-будто успокоился. Подошел к Теймуразу и положил ему на плечо руку:

— Бринка, знаешь, что хочу тебе сказать?

— Нет, не знаю.

— Проси твой дом вернуть обратно. Тебе отдадут, я знаю.

— Ничего не выйдет.

— Выйдет... Получишь дом — будем жить вместе. Марго — сестра твоя будет. Давай, Бринка, начинай.

— Напрасные будут хлопоты.

— Джако помогать будет.

— Ну, попытайся, если хочешь.

— Хочет Джако! Джако умеет все делать!

Вошла Марго и забилась в угол. Увидев ее, Джако снова взялся за обсуждение плана.

— Марго, что ты скажешь... Теймураз хочет просить свой дом обратно!

Та ничего не ответила и снова вышла из комнаты, украдкой вытирая глаза.

Теймураз отогрелся и теперь рассуждал про себя: „Так вот, как он запел. Теперь уже Тома и Ила стали разбойниками. Что-ж, не всегда коту масляница, — дошла

очередь и до тебя! Это еще только начало, — посмотрим, как дальше запоешь“.

— Придираются теперь все ко мне, — продолжал жаловаться Джако, — говорят — не работаешь, торгуешь, кулак! Где же справедливость, кум? Где бог? Чего он смотрит на этих негодяев?

В углу раздался плач ребенка. Вошедшая Марго поспешила к нему.

Джако потащил туда и Теймураза.

— Бринка, иди посмотри маленького Джако. Хороший, крупный поросенок! Настоящий Джако будет, молодец!

Теймураз жадно оглядев крошку, поласкал его кончиками пальцев:

— Агу-у! Агу-у!

Марго собирается кормить сына.

Теймураз не смеет взглянуть ей в лицо. Улыбается ребенку, — а тот пытается разбить ногами люльку и наполняет дом здоровым криком.

— Цыц, помолчи, сукин сын, — успокаивает Джако мальчугана, теребя его за ручки.

— Агу-у! Аг-у-у — бормочет Теймураз.

Присев на корточки, Марго расстегнула рубашку.

Теймураз отошел в сторону. Мать дала грудь сыну, оперлась на люльку и уронила голову.

Джако повернулся к Теймуразу.

— Знаешь, что хочу тебе сказать? Тебе, кум, скоро будет совсем капут, — пускай маленький Джако будет иметь твою фамилию. Хороший будет Джако Хевистави!

Теймураз не слушает его и не спускает взоров с Марго. Ему кажется, что на глазах ее серебрятся слезинки.

Джако вывел его из раздумья, хлопнув лапой по плечу.

— Ну, скажи свое слово, Бринка! Разве не нравится — Джако Хевистави!

— Хорошо, называй, только Марго спроси, — с безразличием ответил Теймураз. — Ты согласна, Марго? — обратился он к ней только ради того, чтобы услышать ее голос.

Марго посмотрела на него, улыбнулась, пожала плечами и обратилась в сторону Джако:

— Мне все равно...

Джако просиял:

— Очень хорошо сделал Бринка. Сейчас пиши прошение. Садись — вот чернила и бумага.

Теймураз набросал заявление, но не подписал его и задумался. Потом, смяв написанную бумагу, бросил ее в огонь, пробормотав:

— Не годится... Не так вышло. Напишу после.

— Хорошо, после напишешь, — согласился Джако и вышел во двор.

Теймураз долго копался палкой в камине, подправляя огонь. Наконец решил заговорить.

— Марго, ты не больна?

Женщина ничего не ответила.

Теймураз снова повторил вопрос.

— Нет, — последовал холодный ответ.

— Очень уж ты похудела.

Марго отвернулась от гостя и продолжала заниматься ребенком.

— Почему ты не хочешь ответить мне? Разве я уж так провинился?

Прислонившись к дверям, Марго почти простонала:

— Я не должна отвечать тебе, потому что ты не достоин этого. Ты слышишь—не достоин! Своим бессилием и унижением ты погубил и меня и себя. Ты жалок был своим мелким тщеславием, а сейчас ты противен мне своей покорностью.

— И я п... погубил тебя?

— Да, ты!

— Я ничего не понимаю.

— Да, не понимаешь очень простой вещи и объяснять чтонибудь сейчас—уже поздно. Мужчина не должен быть таким. И вот результат—что ты со мною сделал! Ты самый настоящий убийца!

Марго упала на сложенную у стены постель и зарыдала. Обескураженный Теймураз, поправляя пенсне, нервно перебирал исхудалыми пальцами и растерянно бормотал:

— Ничего не понимаю... Ничего.

Марго перестала плакать, вытерла слезы и с суровой решительностью крикнула:

— И никогда ничего не поймешь! Никогда ничего не узнаешь! Зачем ты пришел сюда? Уходи сейчас же... уходи и никогда больше не появляйся. Оставь меня навсегда.

Пошатываясь, Теймураз направился к выходу, продолжая лепетать:

— Хорошо, я уйду... Но почему такая жестокость?

— Уходи, скорее уходи!—кричит ему вслед Марго.

— Странно... Прощай, Марго, я уйду.

VIII

Теймураз направился к Иване. Тот встретил его с полным радушием.

— Здравствуй, друг, как поживаешь? Заходи... грейся. Откуда ты?

— Вернулся в Нашиндари.

— Кости прадедов зовут. Ну, как чувствуешь себя, как настроение?

— Не с... спрашивай. Можешь с... судить по моему виду,—и разведя руками, взглядом пригласил Иване осмотреть отрепья.

— Да-да... Но все же, где ты странствовал и с чем вернулся?

— С чем ушел, с тем и явился. Побежден окончательно. Считал себя за лучшего пловца на этом свете, а только окунулся—и камнем пошел ко дну. Я больше не человек.

— Не падай духом, Теймураз,—все идет к лучшему. Присаживайся к столу. С дороги хорошо погреться водочкой. Ну, будь здоров, не хули жизнь и не теряй надежды. Пей...

— Все ни к чему, Иване. Ни на что я больше не гожусь. Никому я не нужен.

— Наговариваешь ты на себя. В сорок лет, при желании, еще многое можно сделать. Вот мы открыли школу, организовали кооператив,—разве ты не мог бы поделить с нами работу? Помоги нам.

— Ах, Иване, мое ли это дело? Что мне школа? Что мне кооператив?

— Не понимаю: ты мог работать в духане, а служить в кооперативе тебе тошно. Или, по-твоему, лучше плодить таких, как Джако, чем зняться с кооперацией?

— Ты меня не понял, Иване. А впрочем... я согласен на все, если нельзя мои знания использовать разумнее. Возьмусь за что угодно.

— Так бы давно! Все пойдет прекрасно... Доедай чихиртму, а то совсем остынет... Сегодня переговорим с кем следует, устроим тебе комнату и заживем по-новому. Выпьем, что ли?

— А как чувствует себя Джако? — обратился Теймураз к Иване, отставляя тарелку.

— Благополучно водворен на свое место.

— А Марго?

— Как тебе сказать... Вмешиваться в чужие дела — не в моих правилах, но по-моему, она обманулась. Работает, как работали все его жены, гоняет он ее во все стороны, то на мельницу, то в поле, то по соседям. В общем, жаль ее, — живет как скотинка.

— Ты рассказываешь ужасы, Иване!

— Ничего не поделаешь. Окончится вероятно тем, что загонит он ее в чахотку и выгонит из дому.

— Неужели все это так?

— Да, Ниника на прошлой неделе видел, как он ее бил. Даже сам подрался с ним из-за нее, — здорово проучил его. Ну, а она молчит, терпит. Куда пойдешь жаловаться? Ведь одна она здесь.

— Молодец Ниника! — промолвил Теймураз, вспомнив перевязанную голову Джако.

И хотя не мог забыть, как всего час тому назад Марго прогнала его, тем не менее ему нестерпимо стало жаль женщину.

Хотелось отомстить за нее, избавить ее от горькой участи.

Иване выглянул в окно.

— Вон посмотри, полюбуйся,—обратился он к Теймуразу.

Тот бросился к окну. Марго шла по улице с мешком на спине.

Теймураз не выдержал и выбежал из комнаты.

Остановил Марго и потянулся к ноше.

— Марго... Маргуша... позволь помочь тебе.

— Теймур, не твое это дело.

— Я прошу тебя.

— Оставь меня, Теймур.

— Не оставлю. Дай мешок.

— Ты задерживаешь меня. Я тороплюсь.

Теймураз настаивал на своем. Она уступила, и передал ему мешок, вытерла с лица пот и, не сказав ни слова, повернула обратно.

— Марго, куда ты?—крикнул ей вслед Теймураз.—
Пойдем вместе до мельницы.

Она не обернулась.

— Маргуша!

Вечерело, когда Теймураз, с мешком, добрался до мельницы.

Теймураза поселили в бывшем его доме. Отвели верхнюю угловую комнату, в которой он вырос, в которую затем перенес свою спальню, оставшуюся в конце концов за Джако.

Комната была почти пуста. Широкая тахта, стол без ножки и два разбитых стула—вот все, что ему предоставили. В нижнем этаже разместился кооператив. Делами его руководил Иване, поручивший Теймуразу вести бухгалтерскую часть.

Иване же отпустил ему в кредит обувь, пальто, белье и прочую мелочь.

С раннего утра до позднего вечера Теймураз занят в кооперативе. С осени ему обещано место второго учителя в нашиндарской школе. В свободное время он собирает вокруг себя крестьянскую детвору и ведет беседы то по истории, то по арифметике, то по географии, когда как придется.

По двору часто разносится голос Джако:

— Марго, куда пошла?

Заслышав родное имя, Теймураз вздрагивает, бросается к окну и не отходит от него, пока Марго не уйдет со двора.

Если Марго спешит по двору с дровами, или с мешком за плечами, направляется на мельницу, Теймураз тяжело стонет, наблюдая за ней, и украдкой вытирает слезы.

Обычно каждый вечер заходит к нему, с книжками и тетрадями, Ниника, с которым он охотно занимается. До открытия в Нашиндари школы, Нинику и человек десять других ребят обучал Иване. Теперь Ниника заканчивает курс у Теймураза.

— У тебя очень способный сын, — хвалит он Нинику, встретившись с Петре, бывшим своим управляющим.

Ниника, действительно, способный юноша. Все слышанное и прочитанное впитывает в себя, как песок воду. Осенью он собирается ехать в Тифлис, поступить на рабфак.

С таким учеником Теймуразу ничего ни стоит проводить по два-три часа в день.

...

На дворе темно, как в душе Теймураза. Деревня притихла.

Теймураз расположился у камина, перечитывая, — в который уже раз, одну и ту же книгу.

Так ежедневно проходят часы до полуночи. От тяжелых дум не спится. Все кажется — и в этом он уверен, что не сегодня — завтра придет к нему Марго и скажет:

„Теймур, мой верный, мой единственный, прости свою Марго. Забудем все. Пусть я виновата... я знаю, что крепко обидела тебя, но я ведь и себя наказала и жестоко поплатилась за свою молодость и безрассудство. Не гони меня, я возвращаюсь к тебе и прошу твоей помощи и защиты. Пойми меня и прости. Возьми мою руку и не выпускай ее. Раскрой еще раз твою бездонную душу и веди меня за собой“.

У Теймураза уже готов ответ:

„Милая Маргуша! Я сам безгранично виноват во всем и потому не проси моего прощения. Забудем все и будем жить по-новому. Вот тебе моя рука... Сядь, дорогая, погрейся, отдохни. Я так ждал тебя“.

Марго сядет рядом с мужем, прислонит усталую голову к его груди, протянет руки к огню и заплачет от счастья.

Ждет Теймураз Марго. Дремота одолевает и сон так сладок.

На дворе темно. Деревня спит.

Снова будят Теймураза думы.

В испуге протирает глаза, водит пальцами по мокрым щекам и озирает в недоумении пустое кресло. Как будто, несколько минут назад в нем сидела Марго... А сейчас песьи туши полегли вокруг... смердят падалью по тахте, по полу и стульям, и некуда деваться от них...

Темно в душе Теймураза, как на дворе.

Он спешит к окну. На фоне темного неба старая башня выглядит обуглившейся колонной. В ней живет Марго.

Из окна башни мерцает слабый огонек. Огонек надежды.

Отведя несколько душу, Теймураз оглядывает комнату. На стене мелькают какие-то строки. Почерк Марго. Жадно вчитывается:

„Верила. Ждала. Плакала“.

Дрожащей рукой Теймураз торопится нацарапать ниже.

„И я верил. Верю и сегодня. Буду верить и ждать всегда“.

Высокая башня маячит за окном на темном небе.

Лучится надежда из комнаты Марго.

Облегченно вздыхает Теймураз.

Огонь потух в камине.

Томительно и радостно на душе. Тоска и хмурые сменяются надеждой.

Спокойно плещет Лиахва.

Теймураз ждет Марго.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО „ЗАККНИГА“

ИЗДАТЕЛЬСТВО .: КНИГОТОРГОВЛЯ

Тифлис, ул. Коминтерна, 5.

Д. ШЕНГЕЛАЯ

САНВАРДО

Роман. Перевод с грузинского

Стр. 130.

Ц. 1 р. 20 к.

Демна Шенгелая — один из виднейших представителей современной грузинской литературы.

В романе „Санавардо“ — писателем взята эпоха второй половины прошлого столетия, с псказом бытового материала внешней жизни грузинской деревни и биологического вырождения типовой дворянской семьи. Тщательная стилистическая отделка вещи, обогащение лексикона новыми народными словами и оборотами, умелое исполь-

зованиз приемов сюжетосложения, — все это придает роману Шенгелая ценность оригинального художественного произведения, написанного с незаурядным мастерством.

ИЗДАНИЯ „ЗАККНИГИ“ ИМЕЮТСЯ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА РСФСР и ВЫСЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.

ПРИ ВЫПИСКЕ КНИГ НЕПОСРЕДСТВЕННО ОТ ИЗД-ВА, ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ: ТИФЛИС, УЛ. КОМИНТЕРНА, 5—Акц. О-ву „ЗАККНИГА“.

№ 1959-20
303:010933

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО „ЗАККНИГА“
ИЗДАТЕЛЬСТВО . . . КНИГОТОРГОВЛЯ
Тифлис, ул. Коминтерна, 5.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ в ЗА-
КАВКАЗЬИ. Сборник статей. Ц. 1 р.
- Е. СУТЫРИН. Очерки литературы Закавказья. Ц. 1 р. 50 к.
- М. ДЖАВАХИШВИЛИ. Белый воротник. Роман. 1 р. 30 к.
- Д. ШЕНГЕЛАЯ. Санавардо. Роман. Ц. 1 р. 20 к.
- В. ШВЕЙЦЕР (Пессимист). Россия в бегах. Фельетоны.
Ц. 1 р.
- М. ШАГИНЯН. Новый быт и искусство. Ц. 60 к.
- И. ЕНИКОЛОПОВ. А. С. Грибоедов в Грузии и Персии
Новые материалы. Ц. 2 р.
- ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ. Пушкин и Дантес. Роман.
Ц. 2 р. 50 к.
- ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ. Лето на Каменке. Ц. 1 р. 40 к.
- ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ. И это есть. Стихи. Ц. 75 к.
- А. СИТКОВСКИЙ. Избранник. Стихи. Ц. 50 к.
- Г. КРЕЙТАН. Человек на крыше. Стихи. Ц. 50 к.
- С. КИРСАНОВ. Разговор с Д. Фурмановым. Ц. 30 к.
- Г. САННИКОВ. На память океану. Стихи. Ц. 50 к.

ИЗДАНИЯ „ЗАККНИГИ“ ИМЕЮТСЯ ВО ВСЕХ ОТ-
ДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА РСФСР и ВЫСЛАЮТСЯ
ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ НАЛОЖЕННЫМ ПЛА-
ТЕЖОМ.

ПРИ ВЫПИСКЕ КНИГ НЕПОСРЕДСТВЕННО ОТ
ИЗД-ВА, ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ: ТИФ-
ЛИС, УЛ. КОМИНТЕРНА, 5—Акц. О-ву „ЗАККНИГА“

3 2/305.

5/10

